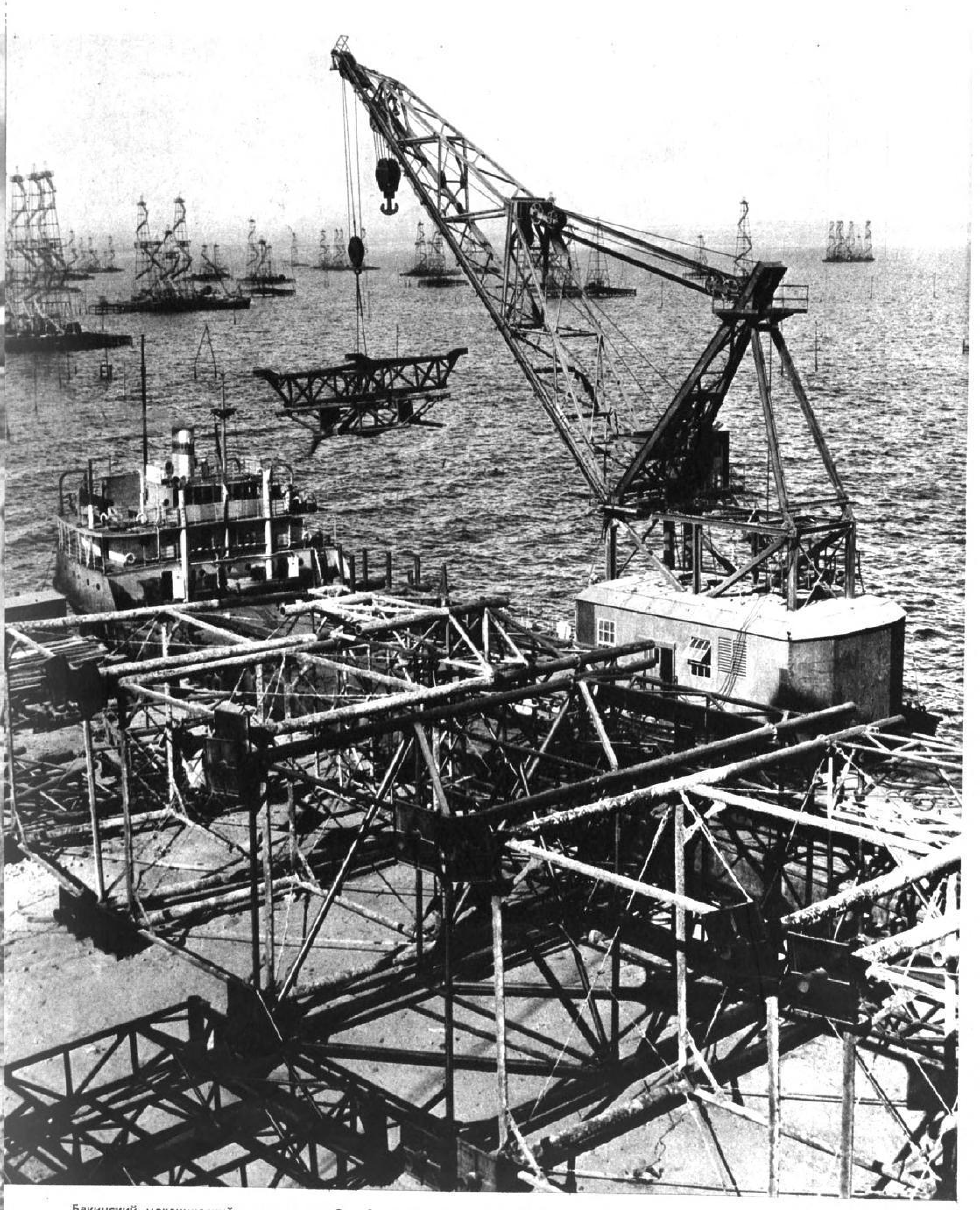

ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ММ 18-34

Бакинский механический завод имени Октябрьской революции изготовляет мощные стальные основания для нефтяных вышек на море. На снимке: сборная площадка морских оснований.

Фото Ф. Шевцова.

На первой странице обложки: Сентябрь в Москве.

Фото И. Шагина.

ОГОНЁК № 41 (1530) 7 ОКТЯБРЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

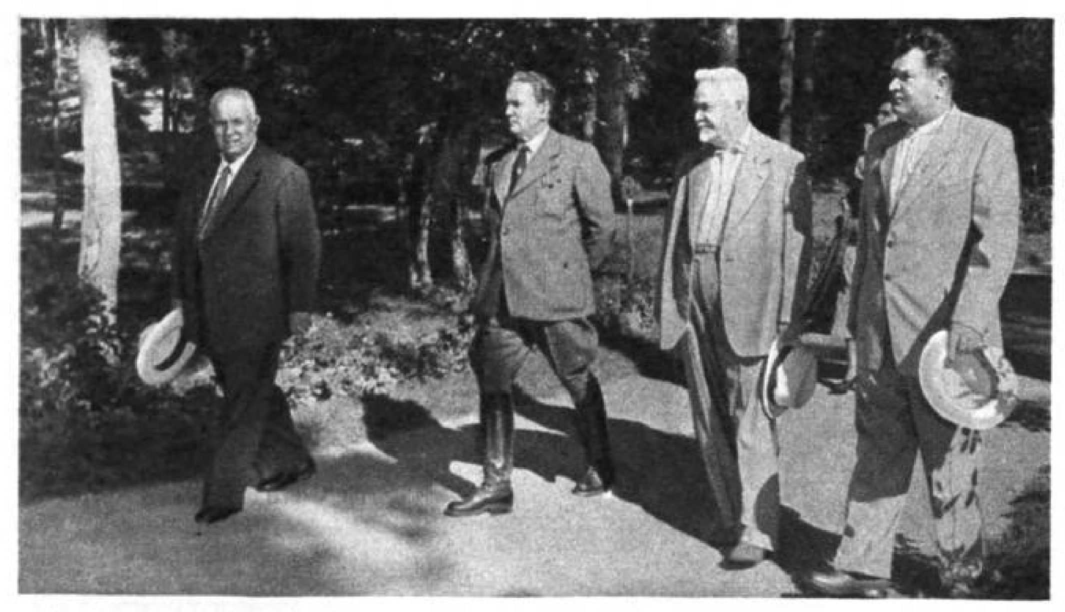
На пенсию!

Фото С. Фридлянда.

Этот день с радостью отметят миллионы советских граждан. С 1 октября 1956 года введен в действие новый Закон о государственных пенсиях, Закон, являющийся ярчайшим свидетельством заботы партии и правительства о советском народе.

Установленные новым Законом размеры пенсии гарантируют рабочим и служащим обеспеченную, спокойную старость. Среди тех, кто уходит в эти дни на заслуженный отдых, находится и мастер сталепроволочного цеха московского завода «Серп и молот» Петр Агапович Пугачев. Он родился в 1884 году. На заводе проработал 57 лет. Ветерану «Серпа и молота» пожизненно оставлен пропуск на завод.

На снимке вы видите рядом с Петром Агаповичем Пелагею Игнатьевну, его жену.

Слева направо: Н. С. Хрущев, И. Броз Тито, Н. А. Булганин и А. И. Кириченко.

В СССР 27 сентября прибыли с неофициальным визитом Президент ФНРЮ Иосип Броз Тито, заместитель председателя Союзного исполнительного веча Александр Ранкович и председатель Народной скупщины Народной Республики Боснии и Герцеговины Джуро Пуцар. В Крыму они встречались с Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым, Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошиловым, Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным, Первым секретарем ЦК КП Украины А. И. Кириченко, Первым секретарем ЦК Венгерской партии трудящихся Эрне Гере, отдыхающими в Крыму, и другими лицами. 1-го, 2-го и 3-го октября Иосип Броз Тито, Н. С. Хрущев, Александр Ранкович и сопровождающие их лица были на охоте в лесных угодьях Крымских гор.

Н. С. Хрущев, Иосип Броз Тито и другие участники охоты осматривают охотничьи трофеи.

Фото В. Савостьянова (ТАСС)

СЕДЬМАЯ ГОДОВЩИНА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Радостно отпраздновал китайский народ 7-ю годовщину образования Китайской Народной Республики. В национальных торжествах в Пекине принимали участие иностранные гости более чем из 50 стран мира. Среди них находились президент Республики Индонезии Сукарно и премьер-министр королевства Непал Ачария. 30 сентября премьер Государственного совета КНР товарищ Чжоу Энь-лай устроил большой прием по случаю праздника.

На снимке: Чжоу Энь-лай, Мао Цзэ-дун, премьер-министр королевства Непал Ачария, президент Республики Индонезии Сукарно, Сун Цин-лин, Чжу Дэ, Лю Шао-ци и другие во время приема.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца.

В закрома Родины

Комбайнеру совхоза имени дважды Героя Советского Союза И. Ф. Павлова, Кустанайской области, Жансултану Демееву вручен приказ министра совхозов Казахской ССР с благодарностью за отличную работу по уборке урожая: Демеев за 21 рабочий день убрал комбайном «С-6» 777 гектаров пшеницы. Слева направо: бригадир II комсомольско-молодежной бригады И. И. Алергуш, парторг совхоза К. С. Носуленко, комбайнер К. Е. Сидоренко, Жансултан Демеев, комбайнер Е. М. Зимина, шофер А. Е. Моргунов, главный инженер совхоза Б. О. Слонимский и тракторист П. Г. Палий.

Фото А. Пахомова.

Все чаще приходят сообщения о славных победах хлеборобов, завершающих уборку урожая и сдачу хлеба государству. На днях советские люди с радостью узнали, что труженики сельского хозяйства трех крупнейших областей — Акмолинской, Кустанайской и Омской — добились выдающегося успеха: первые сдали 175 миллионов пудов хлеба, вторые — 262,8 миллиона пудов и третьи — 110 миллионов пудов. Порадовали также хлеборобы Башкирии: их вклад — 80 миллионов пудов. Еще раньше, 20 сентября, рапортовали об успехе хлеборобы Саратовской области, которые досрочно сдали 100 миллионов пудов зерна.

Среди тех, кто успешно выполнил государственный план хлебозаготовок,— Грузинская и Армянская республики, Мордовская АССР, Арзамасская, Тульская, Владимирская, Ивановская области, Ставропольский край.

Все больше республик и областей рапортуют Родине о замечательных достижениях. Напряженная, самоотверженная битва за хлеб приносит успех, закрома Советского государства становятся все полнее и полнее.

Спустя пятнадцать лет...

Героическая оборона Брестской крепости является одной из ярких страниц в бессмертной летописи Великой Отечественной войны.

Недавно стал известен новый факт из истории обороны крепости. 27 сентября, спустя более чем пятнадцать лет, в Брест приехал еще один из бывших защитников Брестской крепости, Родион Ксенофонтович Семенюк. Он прибыл сюда, на запад, с далекого Кузнецкого комбината, где работает аппаратчиком в коксохимическом цехе. Приехал для того, чтобы найти боевое знамя 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона 42-й стрелковой дивизии.

...Гитлеровцам после сильной артиллерийской подготовки и многочасовой бомбежки с воздуха удалось прорваться в расположение Восточного форта, где вместе с немногими воинами держал оборону и Родион Семенюк, которому было поручено охранять боевое знамя 393-го зенитно-артиллерийского дивизиона. Родион как зеницу ока берег боевую реликвию. Но когда увидел, что гитлеровцы вот-вот ворвутся, Родион Ксенофонтович быстро обернул знамя в чехол, затем опустил в брезентовое ведро и еще в железное ведро и закопал в полу каземата.

...Много военных дорог исколесил Семенюк. Вместе с другими воинами он бежал из фашистского плена, дрался с гитлеровцами в рядах Советской Армии. После войны уехал в Сталинск, где вот уже десяток лет честно трудится на мирном фронте.

И вот спустя пятнадцать лет Родион Ксенофонтович Семенюк снова вступил на священную землю Брестской крепости...

Почти безошибочно нашел он то место, где выкопал яму. Начали рыть. Через полчаса показался верх опрокинутого железного ведра.

Теперь оно снова в руках, боевое знамя 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона. Родион Семенюк со слезами на глазах поцеловал сверкнувший на солнце алым пламенем край шелка...

Фотокорреспондент запечатлел момент, когда Родион Ксенофонтович Семенюк целует боевое знамя. На заднем плане — кусок крепостной стены Восточного форта.

З. ИЛЬЕВСКИЙ

Фото А. Кожина.

УЗНАТЬ ДРУГ ДРУГА И ПОДРУЖИТЬСЯ

Беседа с министром рыбной промышленности СССР А. А. ИШКОВЫМ

«На канадцев, начиная от рыбаков и кончая представителями финансовых кругов, посещение русских произвело огромное впечатление. Типичным откликом на пребывание русских в Канаде были слова жены одного ньюфаундлендского рыбака, которая заявила, что она никогда не предполагала, что русские — такие славные парни»,— так писала одна из канадских газет о посещении Канады делегацией работников советской рыбной промышленности.

Корреспондент «Огонька» обратился с несколькими вопросами к недавно вернувшемуся из Канады министру рыбной промышленности СССР тов. А. А. Ишкову, который возглавлял эту делегацию.

А. А. Ишков и заместитель премьер-министра Канады господин Хау.

— Как Вы оцениваете результаты поездки?

— Бесспорно, положительно. Мы провели в Канаде около месяца. За это время мы посетили тридцать городов, расположенных в восьми провинциях, осмотрели свыше сорока предприятий рыбной промышленности, а также побывали на некоторых предприятиях целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности. Мы были приняты премьер-министром Канады Сен-Лораном, заместителем премьер-министра Хау и другими официальными лицами.

С кем бы мы ни разговаривали в Канаде — с рыбаками или деловыми людьми, учеными или политическими деятелями, — мы быстро находили общий язык. За все время пребывания в Канаде мы чувствовали искреннее и дружеское отношение к нашей делегации.

— Что интересного дала поездка нашим специалистам?

— Техника обработки рыбы и особенно производства консервов и мороженого филе представляет определенный интерес для советских специалистов. Производство мороженого филе на многих фабриках Канады почти полностью механизировано, целый ряд важных технологических процессов также заслуживает внимания. В частности, большой интерес у нас вызвало оборудование, производимое фирмой «Инглис». Мы договорились о закупке у этой фирмы оборудования почти на 400 тысяч долларов. Хороши машины для изготовления консервов из лосося, их производительность — 250 банок в минуту. Но если в организации производства на рыбообрабатывающих фабриках нам следует кое в чем перенять опыт канадцев, то в технике рыболовства канадцам есть чему поучиться у наших рыбаков.

— Как оснащен рыболовецкий флот Канады?

— По своему техническому оснащению он уступает нашему. Рыболовство в Канаде преимущественно прибрежное, поэтому там главным образом мелкий рыболовный флот: небольшие моторные боты длиной 10—12 метров с командой в 3—5 человек. Флот по преимуществу деревянный. Количество крупных судов — сейнеров и траулеров — сравнительно невелико.

— Имеются ли в Канаде крупные рыболовецкие хозяйства?

— Все рыболовство сосредоточено в руках мелких собственников. Правда, в городе Принс-Руперт есть объединение судовладельцев-рыбаков — кооператив, построенный, как нам кажется, на началах акционерного общества. Правление кооператива выборное. При вступлении в кооператив каждый должен приобрести как минимум одну акцию стоимостью в десять долларов. Кооператив пользуется некоторыми льготами по сравнению с другими компаниями, платит государству несколько меньший налог. За рыбу, добытую и сданную на обрабатывающую фабрику кооператива, каждому пайщику платят по сложившимся на рынке ценам.

— Каковы условия жизни канадских рыбаков?

— Канада — молодая страна с огромными природными богатствами. Растущей промышленности требуется много рабочих рук, что создает благоприятные условия для хорошей занятости населения. Ведь население Канады, если учесть ее огромную территорию, невелико: 16 миллионов человек.

Рыбаки в период лова зарабатывают сравнительно неплохо — 300—400 долларов в месяц. Зимой рыбаки уходят в лесную или целлюлозную промышленность, занимаются промысловой охотой. Естественно, много лучше живут владельцы рыболовных судов.

— Каковы перспективы развития обмена опытом между советскими и канадскими работниками рыбной промышленности?

— Я считаю такой обмен, безусловно, целесообразным и взаимно полезным. Мы договорились с министром рыболовства Канады г-ном Д. Синклером об обмене делегациями научных и инженерных работников и об обмене технической информацией между Канадой и Советским Союзом.

— Как освещала канадская пресса пребывание советской делегации?

— Канадская пресса во время нашего пребывания объективно и доброжелательно освещала поездку, хотя и были некоторые неточности, не имеющие существенного значения.

Мне вспоминается эпизод с одним журналистом. Перед нашим приездом он предупреждал своих читателей, что «Свердловск» — судно, на котором прибыла наша делегация, — начинен, как он выразился, икрой, водкой и — самое страшное — «коммунистической пропагандой». Однако, после того, как этот журналист побывал на нашем траулере и познакомился с советскими людьми, он больше никаких выпадов по нашему адресу не допускал.

— Что вам особенно запомнилось и понравилось во время пребывания в Канаде?

— Самое большое впечатление осталось от встреч с канадцами. Мы и до поездки с большим уважением относились к трудолюбивому канадскому народу. Встречи с народом еще раз убедили нас в том, что люди Канады так же, как и советские люди, хотят мира и дружбы между нашими странами. В Сент-Андрюсе к нам подошел высокий, широкоплечий рыбак и, пожав наши руки своей большой мозолистой рукой, сказал: «Мы очень рады, что вы к нам приехали. Это — хорошее дело».

Хочется упомянуть о беседах с г-ном Хау, ближайшим помощником главы канадского правительства г-на Сен-Лорана, одним из крупнейших политических деятелей, заместителем премьер-министра. «Я с большим удовлетворением, — говорил нам г-н Хау,— вспоминаю годы, когда СССР и Канада успешно сотрудничали в борьбе с общим врагом — фашизмом».

После осмотра самого большого в мире завода по выпуску сардиновых консервов крупный рыбопромышленник г-н Маклин и его брат сенатор Маклин устроили обед в честь нашей делегации. Выступивший там г-н Хау выразил большое удовлетворение в связи с приездом в Канаду делегации работников рыбной промышленности СССР. «Несмотря на наличие политических разногласий между нашими странами, — сказал г-н Хау, — у нас имеются широкие возможности для сотрудничества в области науки и техники».

От имени первого заместителя Председателя Совета Министров СССР тов. А. И. Микояна мы пригласили г-на Хау посетить Советский Союз. Он принял приглашение, заметив при этом, что хранит самые теплые воспоминания о совместной деятельности в военные годы с А. И. Микояном, которого он, правда, не встречал лично, но надеется встретить в ближайшее время.

Запомнилась встреча со страстным патриотом своего края, темпераментным и деловым г-ном Чизменом, министром рыболовства провинции Ньюфаундленд. Г-н Чизмен вместе со всеми присутствующими спел песню ньюфаундлендских рыбаков, сказав, что эта песня посвящается советским рыбакам, и подарил членам делегации набор пластинок рыбацких песен Ньюфаундленда. «Вернувшись на родину, вы послушаете эти песенки и вспомните, с каким теплым и дружеским чувством мы вас принимали», — сказал он нам на прощанье.

Были у нас встречи с молодыми канадцами. В городе Сент-Андрюсе мы остановились в отеле, где во время летних каникул нанимаются на работу студенты и студентки университета. Молодые канадцы расспрашивали нас о жизни в Советском Союзе и особенно о жизни советского студенчества. Необычайно велик был их интерес к Московскому университету.

Довелось нам встретиться с сенатором г-жой Иннман. Г-жа Иннман интересовалась, в какой мере советские женщины принимают участие в государственной жизни нашей страны. «Женщины больше всего страдают от войн, — сказала г-жа Иннман. — В этой связи нам, канадским женщинам, было бы очень полезно повстречаться с женщинами Советского Союза».

Не только г-жа Иннман высказывалась за установление непосредственных контактов с советскими людьми. Каждый, с кем нам довелось встречаться в Канаде, считал, что личные контакты — самое полезное дело, что обоим нашим народам надо по-настоящему узнать друг друга и по-настоящему подружиться.

Министр рыбной промышленности СССР А. А. Ишков и министр рыболовства Канады Д. Синклер на заводе лососевых консервов в Ванкувере.

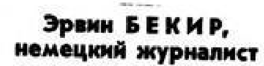

Сегодня седьмая годовщина провозглашения Германской Демократической Республики

ВКЛАД В ДЕЛО МИРА

Теплоход «Фридрих Энгельс».

Эрвин БЕКИР,
немецкий журналист

Недавно я бродил по Ленинграду, занося в блокнот и фиксируя фотообъективом все то, что может интересовать моих земляков. На Аничковом мосту четырехлетний мальчик показал ручкой на глубокие выбоины, проделанные осколками снаряда в цоколе, на котором стоял один из клодтовских коней, и спросил отца:

— Папа, почему тут дырочки?

— Это немцы сделали, сынок,— ответил отец.

Это сделали немцы... Как часто звучали эти горькие слова во всех странах Европы, от Нордкапа до Средиземного моря!..

Через несколько часов я стоял на носу теплохода, который вез отдыхающих рабочих Ленинграда в сторону Петрокрепости. Чудесная погода увлекла всех пассажиров на верхнюю палубу. В числе пассажиров была учительница с группой школьников. Недалеко от того места, где Нева вытекает из Ладожского озера, мы встретили большой белый теплоход, и один из школьников обратился ко мне и сказал:

— Ведь это вы построили этот теплоход!

— Кто — мы?

— Ну, вы — немцы. Я же слышал, вы говорили по-немецки.

Да, верно, его построили немцы. Вокруг меня скоро собрались и школьники и многие взрослые, и я рассказывал им о том, что еще производят сейчас немцы. Впрочем, о многом мои слушатели знали. Лежавшие возле меня фотоаппараты они разглядывали с видом знатоков. «Цейс, Иена»,— узнавал один. «Экзакта-Варекс, Дрезден»,— говорил другой. А судовой механик стал перечислять построенные на предприятиях Германской Демократической Республики для Советского Союза туристские теплоходы: «Александр Матросов», «Фридрих Энгельс», «Эрнст Тельман» и другие.

Среди пассажиров были люди, которые могли многое рассказать об этих судах. Они путешествовали на них по Волге от Москвы до Ростова — и я внимательно слушал все, что говорилось. Да и как не слушать, если хвалят члена твоей семьи! Кому не лестно, когда с уважением говорят о твоей родине и твоих соотечественниках! И насколько сильнее это чувство охватывает нас, немцев, в таком городе, как Ленинград, где над всеми улицами, предместьями и парками еще витают воспоминания о войне...

Ни в одной стране я не видел столь живого интереса, как в Советском Союзе, к достижениям промышленности ГДР и ко всему, что происходит в Германии. И нигде, как в Советском Союзе, я не чувствовал с такой силой, насколько велика ответственность за свою судьбу, которая лежит теперь на немецком народе.

— Что делают теперь немцы? — спрашивает меня шофер такси, спрашивает продавщица газированной воды, инженер, учительница, спрашивает каждый, с кем ты сталкиваешься, как гражданин Германской Демократической Республики.

На этот вопрос хочется дать два ответа.

Что делали мы до того времени, когда получили возможность свободного политического и экономического развития в созданной нами Германской Демократической Республике?

Нынешняя территория ГДР не принадлежала к числу наиболее передовых в экономическом отношении частей Германии. Даже школьники младших классов знают, что ядро немецкой тяжелой индустрии находится в Руре. Эссен, Дортмунд, Золинген, Крефельд — все эти имена говорят многое тому, кто бывал в этом районе. В памяти встают картины домен, угольных шахт, бремсбергов, огромных цехов. Вокруг Рура группируются предприятия обрабатывающей промышленности, где из стальных болванок и жести создаются автомобили, мотоциклы, швейные машины, холодильники, бритвы, иголки. Но рядом с этим изготовлялись и изготовляются теперь пушки, танки, пулеметы, автоматы. Магнатов Рура не интересовало, есть ли у рабочего масло или даже маргарин. Они не раз провозглашали: пушки вместо масла! И не надо, разумеется, разъяснять, куда завел этот лозунг немецкую нацию.

Что же делают немцы в ГДР, где делами вершит народное правительство, которое блюдет интересы не пушечных королей Рейна и Рура, а интересы трудящегося человека?

Рурский бассейн и крупнейшие заводы немецкой тяжелой и легкой промышленности продолжают оставаться в руках капиталистов. Эти господа давали Германской Демократической Республике «срок» в несколько месяцев, потом в несколько лет, за которым — говорили они — последует полный экономический развал. Подумайте только: ни тяжелой индустрии, ни собственных источников железной руды, ни каменного угля, ни серьезной обрабатывающей промышленности! «Расчеты» капиталистов внешне казались обоснованными. Но они упустили из виду одну малость: Германская Демократическая Республика с первого дня своего существования не была одинока.

Не раз бывало, что западногерманские дельцы под разными предлогами нарушали торговые соглашения, заключенные с ГДР. Этим они добивались того, что в обрабатывающей промышленности ГДР подчас останавливались машины. Такие временные трудности преодолевались, правда, срочными торговыми соглашениями с Чехословакией, Польшей и прежде всего с Советским Союзом. Но стало совершенно ясно, что народное хозяйство Германской Демократической Республики не может быть построено на экономической зависимости от западногерманских капиталистов. ГДР должна была решительно стать на путь создания собственной тяжелой и добывающей промышленности. Советские люди лучше других знают, что означает выполнение такой задачи в короткие сроки.

В эти тяжелые, напряженные годы западногерманские капиталисты пускали в ход все средства, чтобы убедить рабочих, крестьян, техническую интеллигенцию, ученых ГДР, что им нечего тягаться с Западом. Но год за годом экономический рост ГДР показывал воочию, что республика идет верным путем. Все больше выявлялся рост благосостояния ее населения. Десятки тысяч сыновей рабочих и крестьян заполнили аудитории высших учебных заведений. Теперь эти молодые люди — уже инженеры, техники, ученые; растет новая поросль технической и научной интеллигенции. Многие из этих людей живут сейчас в городах, которых еще не было семь лет тому назад. Из окон своих квартир они видят домны и трубы мартенов, выросшие там, где еще недавно были леса. Все это они сделали собственными руками...

«У вас нет кокса, у вас только бурый уголь!» — продолжали злорадствовать западногерманские капиталисты. Но ученые, инженеры и рабочие ГДР создали большой комбинат, где кокс производится из бурого угля! Строится второй такой же комбинат — «Шварце пумпе». Это будет огромное предприятие, которое создается на богатейших залежах бурого угля. Вокруг завода вырастают новые города и поселки.

Теперь мы обеспечены углем на многие годы. Но завтра будет решать уран. В ГДР — немалые его запасы. И с помощью СССР в нашей республике строится атомный реактор. Будут у нас и атомные электростанции...

Что же могут теперь делать немцы в ГДР?

Такой вопрос возникает у многих, особенно сейчас, когда правительство Федеративной Республики Германии, возглавляемое Аденауэром, берет все более явный фашистско-милитаристский курс в политике. Это требует от трудящихся ГДР, имеющих все возможности для свободного демократического развития, особенно ясного понимания политической обстановки, сложившейся в нашей стране. Никто не освободит нас, немцев, от ответственности за будущее Германии. Мы знаем: наши успехи в мирном соревновании в экономической области могут иметь огромное влияние на трудящихся всех стран. Социалистические страны ждут от ГДР, одного из развитых в индустриальном отношении миролюбивых государств, большого вклада в общую борьбу за мир и демократию.

Строят ли специалисты ГДР шоссейные дороги и больницы в Корее, обуздывают ли они вместе с китайскими энергетиками огромные реки, участвуют ли в Венгрии в сооружении одной из крупнейших электростанций,— всюду, включая и страны, сбросившие иго колониализма, от нас ждут высокого качества работы. И мы сами хотим, чтобы крановщик на Ангарстрое и Иртышстрое, работающий на кранах, построенных у нас в Эберсвальде, был ими доволен. Мы хотим слышать от инженеров Ташкентского текстильного комбината те же слова одобрения о наших машинах, как и от капитанов «Александра Матросова», «Фридриха Энгельса» и «Эрнста Тельмана». Мы хотим, чтобы слово «Цейс» сохранило свою звучность в планетариях Москвы и Сталинграда. И когда феллахи Судана получат впервые воду на свои иссушенные поля, пусть укажут они на наших специалистов по водному хозяйству и воскликнут: «Это сделали немцы!»

Эмблема выставки.

Брюссель, 1958 год

М. НЕСТЕРОВ,
председатель Всесоюзной торговой палаты.

«Атомиум».

Интервью «Огонька»

Большое, светлое здание из стекла и алюминия. Над входом четыре громадные буквы: «URSS» — Союз Советских Социалистических Республик. Таким будет советский павильон на Всемирной выставке в Брюсселе, которая откроется в 1958 году. Подготовку к участию нашей страны в этой выставке ведет сейчас Всесоюзная торговая палата. Корреспондент «Огонька» попросил председателя Всесоюзной торговой палаты М. В. Нестерова рассказать о предстоящей Всемирной выставке.

— Недавно я возвратился из Бельгии,— сказал М. В. Нестеров.— Уже сейчас заметно, что там живут ожиданием этого большого события. На бельгийских дорогах поставлены столбы с объявлениями о выставке, гостиницы готовятся к наплыву гостей из-за границы, строятся новые отели, расширяются дороги. Выставка откроется на окраине Брюсселя, в местечке, называемом Хейзель, 17 апреля 1958 года. Ее территория превысит 200 гектаров.

Организация подобных выставок имеет уже более чем столетнюю историю. Первая международная выставка открылась в Лондоне в 1851 году. У нас хорошо известны предвоенные Парижская и Нью-Йоркская выставки, в которых с успехом принимал участие Советский Союз. На выставке в Брюсселе вместе с пятьюдесятью другими странами будет участвовать и наша страна.

— Как будет организована Брюссельская выставка?

— Выставка в Брюсселе организуется в соответствии с правилами международной конвенции по выставкам, которая была заключена в 1928 году. Это значит, в частности, что она не будет носить коммерческого характера. Основная идея выставки — показать достижения народов мира в науке, промышленности, сельском хозяйстве и искусстве за последние пятьдесят лет.

Главным комиссаром выставки бельгийское правительство назначило барона Мунс де Фернига, который связан с промышленными кругами Бельгии и был в прошлом министром снабжения и внешней торговли. Генеральным комиссаром от Советского Союза назначен заместитель министра станкостроительной и инструментальной промышленности СССР Д. А. Рыжков.

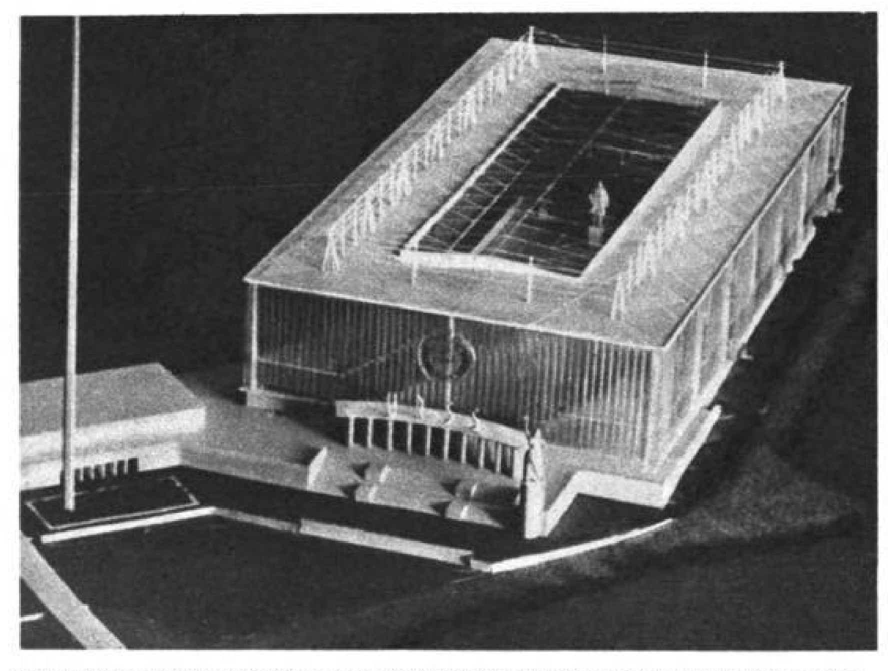
У каждой страны на выставке будет свой национальный павильон. Помимо этого, в Брюсселе создается несколько международных павильонов. Бельгия строит, например, специальный «Дворец науки», создается «Международная выставка искусств». Советский Союз будет участвовать в выставке искусств, покажет свои научные достижения во «Дворце науки». На выставке будет сооружен также «Дворец Организации Объединенных Наций».

— Как будут отражены в Брюсселе достижения нашей страны и других стран в области применения атомной энергии в мирных целях?

— «Атомиум» — так будет называться специальный павильон выставки, который предназначен как раз для этой цели. Организаторы выставки задумали этот павильон как символический памятник наступления «атомной эры». Он представляет собой модель кристалла железа, увеличенного... в 200 миллиардов раз. «Атомиум» будет состоять из девяти шаров—«атомов», соединенных между собой лестницами и эскалаторами в стальных трубах. Высота всего сооружения — 110 метров, а диаметр каждого «атома» — 20 метров. Советский Союз получит в свое распоряжение один из таких шаров и разместит там свою выставку. Получат шары Англия, США, Канада и Бельгия.

— Как готовится к выставке в Брюсселе Советский Союз?

— В нашей стране уже проведен конкурс на лучший проект павильона. На этот конкурс было представлено двадцать проектов.

Макет советского павильона на Всемирной выставке 1958 года в Брюсселе.

Советский павильон будет двухэтажным, а в некоторых местах — трехэтажным. Высота здания — 18 метров. Внутри павильон будет разбит на отдельные залы с общей экспозиционной площадью в 22 тысячи квадратных метров. Для руководства строительством в Бельгию уже выехал директор советского павильона.

Рядом с павильоном предполагается построить кинотеатр с узким и широким экранами для демонстрации советских фильмов.

На территории выставки бельгийские хозяева строят магазины, в которых будут продаваться сувениры. Два — три таких магазина предоставляются Советскому Союзу. В качестве сувениров мы будем продавать фотоаппараты, игрушки, различные кустарные изделия, а также такие пользующиеся популярностью у иностранцев советские продукты, как икра и т. п.

— Где будет расположен советский павильон?

— Территория, отведенная на выставке Советскому Союзу, равна 25 тысячам квадратных метров. Такой же площадью будут располагать только Соединенные Штаты и два соседних с Бельгией государства — Франция и Нидерланды. Советский павильон разместится недалеко от центральной части выставки. Поблизости от него будут расположены павильоны Чехословакии, Польши, Болгарии, Румынии, Венгрии.

— Что мы покажем на выставке в Брюсселе?

— Наши союзные министерства и республики сейчас как раз заняты выработкой номенклатуры экспонатов. Министерство культуры отберет экспонаты для Международной выставки искусств.

Во время выставки предусмотрено проведение «дней», посвященных странам-участницам. «Дни» Советского Союза приходятся на 12, 13 и 26 августа. В эти дни бельгийское радио и телевидение будут предоставлены нам. В различных аудиториях Бельгии с лекциями о нашей стране выступят советские лекторы. Советские артисты, которые специально приедут в Бельгию, дадут концерты на выставке и по всей стране. Бельгийцы просили также прислать советских спортсменов, включая футбольную команду.

— Сколько времени будет продолжаться Всемирная выставка?

— Шесть месяцев. Предполагается, что за это время ее посетит 35 миллионов человек. Среди них будут и советские туристы.

— Каково значение Всемирной брюссельской выставки?

— Обмен достижениями во всех областях человеческой деятельности, безусловно, будет полезен для всех стран. Выставка должна показать, что все страны мира, независимо от их внутреннего строя, могут сотрудничать и обмениваться своими достижениями. И это будет хорошим аргументом в пользу мирного сосуществования.

Гости «Огонька»

Индийский писатель Ходжа Ахмад Аббас.

Недавно в Москве для завершения переговоров о создании исторического фильма «Афанасий Никитин» побывал индийский писатель Ходжа Ахмад Аббас. Как уже сообщалось, фильм будет готовиться совместными усилиями советских и индийских кинематографистов.

Писатель Х. А. Аббас посетил редакцию журнала «Огонек» и в дружеской беседе поделился своими планами. Он сообщил, что индийская часть фильма будет сниматься в Индии с 15 октября 1956 года по 15 февраля 1957 года. После этого съемочная группа приступит к работе в Советском Союзе — в городе Калинине и его окрестностях. К 15 августа 1957 года съемки должны быть закончены.

Режиссерами-постановщиками фильма будут: с индийской стороны — Х. А. Аббас, с советской — В. Пронин. Авторы сценария—М. Смирнова и Х. А. Аббас. Операторы — Е. Андриканис и Рамчандра. Музыку к фильму пишут А. Хачатурян и Анил Бисвас. В главной роли Афанасия Никитина, знаменитого русского землепроходца и первого европейца, посетившего Индию, будет сниматься артист Олег Стриженов, известный советским зрителям по кинокартинам «Овод» и «Мексиканец». С индийской стороны в фильме примут участие Наргис, Притвирадж и Балрадж Сахни.

Х. А. Аббас выразил надежду, что совместная работа над созданием фильма принесет много пользы как одной, так и другой стороне. Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, ознакомившись со сценарием, положительно отозвался об идее совместной работы над созданием первого индо-советского фильма о великом русском путешественнике Афанасии Никитине.

Творческое сотрудничество писателей, режиссеров, операторов, композиторов, артистов обеих стран будет способствовать дальнейшему укреплению дружественных и культурных связей между Индией и Советским Союзом.

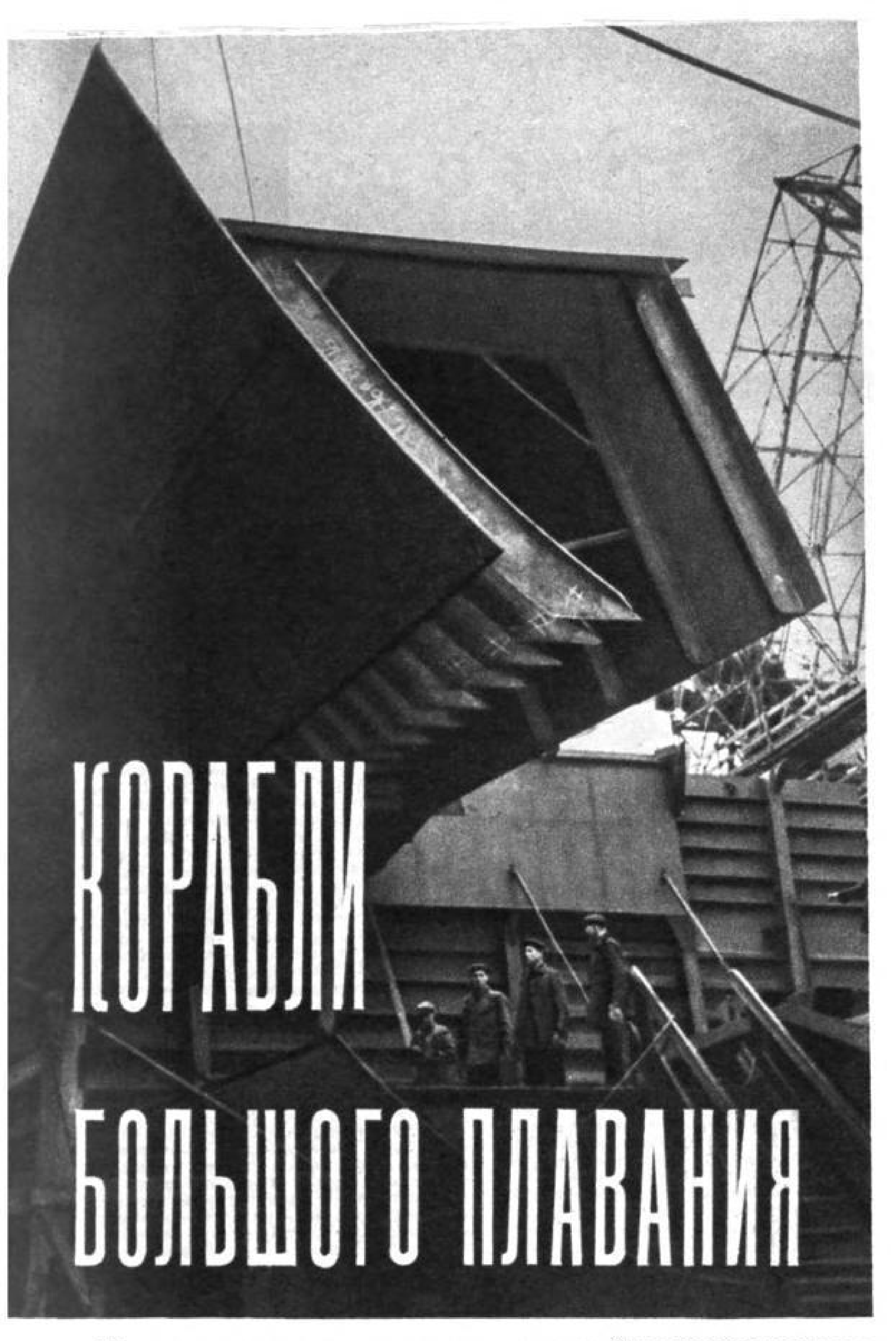

Редакцию журнала «Огонек» посетили члены делегации общества «Норвегия — СССР».

На снимке: К. Вальдерхауг, М. Хейберг, глава делегации, член правления общества, и А. Биелиг в редакции «Огонька».

Заместитель главного редактора венгерского журнала «Советская культура» Оскар Пельбарт и венгерская художница Эдма провели в редакции «Огонька» свыше двух недель. Они знакомились с работой журнала.

КОРАБЛИ БОЛЬШОГО ПЛАВАНИЯ

Сборка корпуса атомного ледокола на стапеле. Кран устанавливает секцию весом в несколько десятков тонн.

Фото Б. Уткина.

С. МОРОЗОВ

У причалов завода

Из-под высокой кормы океанского судна разбегаются быстрые струи от вращающегося гребного винта. По стальному корпусу временами проходит едва уловимая дрожь — главный двигатель то уменьшает, то вновь увеличивает обороты. Машина работает на полную мощность, но корабль неподвижен. Толстенные тросы крепко держат его у заводского причала.

Множество людей хлопочет тут и там: на просторной палубе, в зияющей глубине раскрытых трюмов, в каютах, остро пахнущих свежей краской, обставляемых новой мебелью. Слесари-сборщики, монтажники, электрики и радиотехники, плотники и маляры завершают последние работы на вновь отстроенном судне, которое проходит сейчас швартовые испытания.

— Скоро в море пойдем, — произносит уверенно главный строитель и, широким жестом обведя вокруг, уточняет с усмешкой: — Пойдет-то, конечно, он, а мы провожать его будем.

«Он», о котором говорят, как о живом существе, имеет и собственное имя и технический паспорт. Метровыми буквами выведено на корме: «Акмолинск»; чуть помельче обозначен порт приписки — Владивосток. Водоизмещение судна — 10 тысяч тонн, скорость хода — 16 узлов. Четыре дизельгенератора питают мощный гребной электродвигатель. В пяти трюмах можно разместить до трех с половиной тысяч тонн груза.

Спустимся в трюмы, и сразу нам бросятся в глаза плотная изоляционная прокладка бортов и переборок, множество змеящихся повсюду труб. Влажные, мохнатые от инея, они излучают холод. Наверху, на палубе, еще греет осеннее солнышко, а тут, в корабельном чреве, прямо-таки зимняя стужа. Судовая рефрижераторная установка уже выдает свою весьма ощутимую «продукцию». С этим невесомым «грузом» — холодом — «Акмолинск» выйдет скоро в свой первый рейс на рыбные промыслы, чтобы там принять уже настоящий, весомый груз — свежую сельдь.

Океанские дизельэлектроходы-рефрижераторы строятся для пополнения транспортного флота рыбной промышленности. От Владивостока до камчатских берегов, от балтийских портов до Северной Атлантики тысячи морских миль. Чтобы в сохранности доставить с промысла улов, надо либо крепко солить рыбу, либо замораживать ее. Известно, что крепкий засол снижает качество; свежемороженая рыба и вкусней и питательней.

— Первый наш рефрижератор уже плавает вовсю, — говорит главный строитель, показывая радиограмму с дизельэлектрохода «Актюбинск», благополучно прибывшего с атлантической сельдью в Калининград.

«Актюбинск» — первенец в серии океанских рефрижераторов. Главный конструктор кораблей, участвовавший в плавании, с удовлетворением сообщает, что достигнутая скорость хода превышает проектную: весь путь пройден за двое с половиной суток.

Рядом с «Акмолинском» у заводских причалов стоят такие же точно, похожие, как две капли воды, дизельэлектроходы «Курган» и «Зеленоградск». На них тоже скоро будут подняты флаги. А неподалеку на стапелях высятся корпуса еще двух строящихся рефрижераторов.

Большая программа судостроения предусмотрена Директивами XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану. Новые корабли промыслового и транспортного флота создаются на основе последних достижений техники и конструкторской мысли. Вместе с коллективами верфей напряженно трудятся проектировщики.

Пловучий комбинат

На листе ватмана вычерчено в разрезе большое, вместительное судно со множеством палуб, отсеков, трюмов. Водя указкой по чертежу, конструктор поясняет:

— Здесь, на корме, по наклонному слипу будут подниматься из воды туши убитых китов. Тут вот, на разделочной палубе, начнут сдирать сало, отделять мясо, распиливать кости. Ниже, под палубой, жиротопенные котлы, очистители, сепараторы...

Указка конструктора движется плавно, речь звучит неторопливо. И все же, следя за пояснениями, все время боишься, как бы не заблудиться в лабиринте бесчисленных цехов этого огромного пловучего завода.

— Завод? — переспрашивает конструктор. — Ну нет, не согласен с вами... «Славу», и ту комбинатом зовут, а это новое судно будет покрупнее «Славы» раза в полтора, да и ассортимент продукции здесь куда богаче.

И как бы в подтверждение своих слов он достает из ящика стола большие куски толстой и плотной кожи.

— Чем не подошва?.. А вот и замша, пожалуйста! — Он развертывает мягкую и тонкую шелковистую замшу.

Оказывается, все это получено из жировой клетчатки кашалотов, после того как из ткани был удален жир.

Оборудование «Славы» позволяет использовать далеко не все продукты китового промысла. Там сало вытапливается в котлах, а жировая клетчатка при этом настолько разрушается, что может идти дальше только на кормовую муку для скота. Для новой же китобойной базы проектируется такая обработка клетчатки, чтобы наряду с жиром получать и сырье для разных сортов кожи.

Подошва и замша, которые показали нам конструкторы корабля, изготовлены как опытные образцы в научно-исследовательском институте кожевенной промышленности в Москве. А в Киеве украинские ученые нашли способ вырабатывать из клетчатки также и шерстяные нитки.

Судостроители и проектировщики работают в контакте и с фармацевтами и с пищевиками. Из желез кита добывается эндокринное сырье. Из мяса изготавливаются консервы. Питательна и вкусна китовая печень. Все эти продукты добываются на «Славе» в сравнительно небольших количествах. На новом же судне, оснащаемом разнообразным и совершенным оборудованием, они будут заготавливаться сотнями и тысячами тонн.

Проектируя огромный пловучий комбинат, конструкторы стремятся облегчить тяжелый труд моряков, создать им наилучшие бытовые условия в долгих, многомесячных плаваниях.

Новая китобойная база будет флагманом большой флотилии быстроходных судов, ведущих охоту за китами. Для приемки и разделки китовых туш предусмотрено свыше шестидесяти паровых и электрических механизмов. Около тысячи тонн пресной воды ежесуточно дадут мощные опреснители и испарители, используя отработанный пар от турбогенераторов судовой электростанции.

Жилые каюты для пятисот моряков, салоны, библиотека, клуб — все помещения судна получат кондиционированный воздух, охлаждаемый в пути через тропики и экватор, подогреваемый во время промысла в холодных штормовых морях Антарктики.

Разработка технического проекта пловучего комбината заканчивается. На одном из заводов начинается его строительство.

На стройке атомного ледокола

После тишины конструкторского бюро цехи судостроительного завода оглушают грохотом металла, ошеломляют непрестанным, безостановочным движением. День и ночь ухают многотонные молоты, ослепительно вспыхивают дуги электросварки.

Под высокими сводами цехов рождаются части будущего корабля — секции всевозможных форм и размеров. В цехах секции грузятся мощными кранами на специальные платформы и вывозятся к стапелям. Здесь происходит удивительное смещение масштабов. Громоздкая, подавляющая своими размерами — такой она выглядит в цехе — секция становится вдруг совсем миниатюрной, когда подъемный кран подхватит ее и, пронеся высоко-высоко по воздуху, опустит на стапель, на заранее приготовленное место.

Уж не один десяток секций, заготовленных в цехах, состыкован, сварен на стапеле. Стальная громада корпуса растет вширь и ввысь, точно дом, возводимый этаж за этажом. И как на стройке дома, приглядевшись внимательно, представляешь себе архитектурные формы будущего здания, так и здесь перед нами постепенно вырисовываются контуры судна.

Плавно округленные обводы бортов и днища, частые ребра шпангоутов, утолщенный металл обшивки — по всему видно, что

ЖЮЛЬ МОК: «КОНТАКТЫ—ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО»

Студенты Московского университета, перед которыми депутат Национального собрания Франции г-н Жюль Мок выступил с лекцией по вопросам разоружения, хотя и вели себя, как добрые хозяева, но явно не разделяли всех взглядов французского гостя. Жюль Мок, опытный парламентарий, не мог не заметить настроения аудитории и сказал об этом прямо на лекции. Но когда он в конце произнес на русском языке: «Я говорю вместе с вами, как я часто читал здесь: «Миру — мир!»,— ответом ему были искренние аплодисменты.

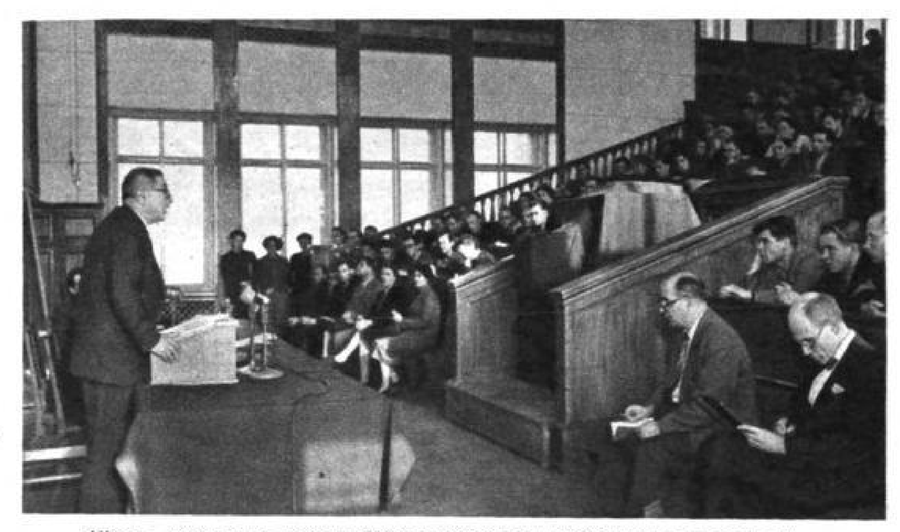
Наш разговор с Жюлем Моком, представителем Франции в Комиссии ООН по разоружению, начался как раз со слов «Миру — мир». Эти слова были написаны на коробке спичек, которой пользовался г-н Жюль Мок, прикуривая папиросу «Казбек».

— Я против всякой пропаганды,— сказал он, показывая на коробку.— Но, оставляя этот вопрос в стороне, я должен сказать, что во время моей поездки мне больше всего понравилось то, что простые люди вашей страны хотят мира и разоружения. В России нет агрессивных настроений так же, как их нет во Франции.

Во время поездки по Советскому Союзу Жюль Мок, путешествуя со своей супругой, побывал в Москве, Ленинграде, Баку, Сочи, посетил Узбекистан. Каковы его впечатления от виденного?

— Я был в Москве тридцать два года назад, в 1924 году,— говорит Жюль Мок.— Приехав в Москву теперь, я смог узнать здесь лишь немногое: Кремль, который я тогда посетил, гостиницу «Савой», где я тогда жил, ГУМ и здание Моссовета, которое с тех пор значительно «подросло».

В Советском Союзе, по мнению нашего гостя, достигнут очень серьезный технический и культурный прогресс. В советской стране, отмечает он, много промышленных предприятий. Среди тех, которые он видел, были предприятия современного типа, но встречались и не очень современные фабрики и заводы.

Жюль Мок выступает в Московском университете с лекцией о разоружении.
Фото Н. Ситникова (ТАСС).

О культурном прогрессе в СССР Жюль Мок говорит:

— Я не мог думать, что здесь не существует больше неграмотных, даже в таких местах, как Узбекистан, где раньше неграмотность достигала 98 процентов. Во время своей поездки я нигде не встретил человека — ни мужчины, ни женщины,— который не мог бы читать и писать. Я посетил академии наук и университеты в Баку, в Ташкенте, в Самарканде, в Ленинграде и, конечно, в Москве. Все это вполне современные научные учреждения.

Жюль Мок весьма заинтересовался постановкой образования в нашей стране. По его просьбе, ему доставили программы обучения в Московском университете и в школе-десятилетке. По возвращении во Францию он намерен серьезно засесть за изучение этих документов.

Возвращаясь к успехам строительства в нашей стране, Жюль Мок замечает:

— Люди, настроенные скептически, или те, у кого плохие намерения, могли бы заметить, что за новыми домами у вас можно увидеть и старые. Конечно, это верно. Но я понимаю, что нельзя, даже за 40 лет, перестроить все заново. И я уверен, что если снова побываю у вас, то найду на месте старых домов новые.

Мы просим нашего собеседника рассказать о впечатлениях от встреч с советскими людьми. Он говорит, что встречался со многими людьми во время поездки, со многими разговаривал на русском языке и убедился, что советские люди с симпатией относятся к его стране и что общее желание тех, с кем он встречался,— это мир.

Разговор заходит о развитии контактов между Советским Союзом и Францией.

— Контакты — это очень важно,— замечает Жюль Мок. — Советско-французские контакты необходимы. Я очень доволен, что своей поездкой принял участие в осуществлении этих контактов.

Он заявляет далее, что развитие контактов, по его мнению, не должно преследовать пропагандистские цели. Жюль Мок подчеркивает, что он уезжает на родину с теми же политическими идеями, которые имел раньше. Он вспоминает мысли Маркса и Ленина о том, что у каждой страны может быть свой путь к социализму.

Наш собеседник видит пользу контактов в том, что они помогают народам лучше узнать друг друга. Во время поездки, рассказывает он, некоторые люди, с которыми он встретился, мало знали о Франции. Ему показалось, что жители Советского Союза знают о других странах столько же, сколько жители других стран знают о Советском Союзе.

— Главное — это знать друг друга,— говорит Жюль Мок.— Не берусь судить, как обстояло дело в вашей стране, но во время холодной войны у нас говорили много плохого о России. Я во время моей поездки увидел в вашей стране стремление к миру. Поэтому я считаю, что моя поездка была полезной.

Как смотрит г-н Жюль Мок на возможности сближения позиций в вопросе о разоружении между странами, участвующими в переговорах?

На этот вопрос французский гость начинает отвечать с объяснения позиций государств в этом вопросе. Он считает, что решение проблемы контроля за разоружением представляется наиболее трудным. Позиции США и Советского Союза расходятся во многом.

— Переговоры будут долгими. Но я полон надежд и уверенности,— говорит Жюль Мок.

К разговору присоединяется госпожа Мок. Она тоже подтверждает слова мужа о стремлении советских людей к миру:

— Там, где мы бывали, я часто видела плакаты и лозунги, призывающие к миру. Я не думаю, чтобы они были развешаны только для тех, кто приезжает в вашу страну из-за границы. И вы и мы одинаково желаем мира. У вас, как и у нас, мысли направлены на созидание, а не на разрушение. И это очень важно.

А. СЕРБИН

этот корабль предназначается для плавания во льдах. Форма корпуса, ставшая классической еще со времен макаровского «Ермака», присуща и новому ледоколу. Но как далеко ушел он от своего предка!

Новый корабль не будет, подобно иным, плавать в прибрежных арктических морях, часто пополняя запасы топлива. Нет, он будет уверенно прокладывать путь караванам в сплошных ледяных полях, сможет удаляться от берегов на многие тысячи миль. И кто знает, возможно, именно ему, ледоколу с атомным двигателем, суждено будет осуществить несбывшуюся мечту адмирала Макарова — пройти к полюсу напролом!

Вместе с главным строителем корабля мы входим на стапель, по трапам перебираемся все выше и выше на палубы и платформы, сгибаясь, пролезаем в отверстия тоннелей, отсеков, цистерн.

— Здесь! — значительно произносит главный строитель, чуть притопнув по гулкому стальному настилу.

Да, на этой платформе, в этой части корпуса будет установлен атомный реактор, огражденный надежной защитой против радиоактивного излучения. Дальше расположится машинная установка, приводящая в движение гребные винты.

Главный строитель подробно рассказывает нам, как разместятся в корпусе служебные помещения и каюты, балластные цистерны, вспомогательные электромоторы (их будет «всего-навсего» 500 с небольшим), как в несколько рядов протянется всюду электрокабель (ни много ни мало — 300 километров!).

— Хозяйство, как видите, довольно сложное. Но в одной своей части оно отличается завидной простотой, — говорит главный строитель, вынув из кармана коробок спичек, — вот столько примерно ядерного горючего потребуется кораблю в сутки. Сравните-ка это с расходом топлива на «Красине» или «Ермаке»!

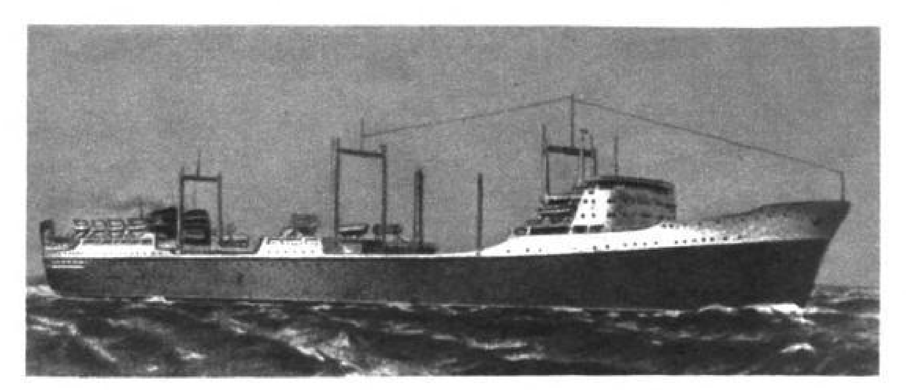
Величины несравнимые! Всякий, кто плавал на паровых ледоколах в Арктике, никогда не забудет горы угля на палубе. По 100 тонн в сутки потребляют эти суда, и моряки обычно, уходя в рейс, не только до отказа забивают бункера, но берут уголек и про запас. По 3 тысячи тонн угля принимают «Красин» и «Ермак». Каждые три недели они вынуждены бункероваться.

Немногим лучше положение на электродизельных ледоколах: запаса жидкого горючего им хватает на месяц, от силы на полтора. Вот поэтому-то районы плавания нашего арктического флота и ограничены прибрежными морями — близостью портов и топливных баз.

У моряков атомного ледокола не будет забот о топливе. Весовые количества ядерного горючего столь ничтожны, что корабль сможет находиться в море около года при работе машин на полную мощность. После полугодовой навигации в Арктике, например, атомный ледокол сможет тотчас же, без задержки, отправиться через экватор к берегам Антарктиды.

Важнейший показатель качеств ледокола — энерговооруженность, то есть соотношение между мощностью машин и водоизмещением. На паровых судах, подобных «Ермаку», она определяется цифрой 1 (10 тысяч лошадиных сил на 10 тысяч тонн), на более современных электродизельных ледоколах достигает 2. Энерговооруженность атомного ледокола благодаря преимуществам ядерного горючего составит 2,75 (двигатель в 44 тысячи лошадиных сил при водоизмещении 16 тысяч тонн). Это будет самый крупный, самый мощный ледокол в мире.

Сегодня на стапеле корпус строящегося корабля еще совсем не похож на его модель, которая красуется на Всесоюзной промышленной выставке в Москве. Много труда предстоит еще судостроителям. Сложные технические задачи решают машиностроители, электротехники, связисты, занятые созданием атомного реактора, турбины, электрооборудования, навигационных приборов. Коллективы многих крупнейших предприятий страны, тысячи людей самых разнообразных профессий с воодушевлением выполняют исторические директивы XX съезда партии. Недалеко время, когда атомный ледокол поведет караваны через полярные моря.

Так будет выглядеть новая китобойная база.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ЗАЛ СТРАНЫ

Общий вид Дворца спорта. Фото И. Ганюшкина.

На территории Центрального стадиона имени В. И. Ленина, недалеко от Большой арены, высится здание Дворца спорта. Это один из крупнейших в Европе крытых спортивных залов и, безусловно, один из лучших по технической вооруженности.

Считанные недели остались до момента, когда на флагштоках взовьются алые стяги открытия. Дворец спорта в основном завершен.

Гладкие стены Дворца облицованы светлой керамикой. Никаких лишних украшений. Только между окнами многократно повторяются лаконичные архитектурные «вставки» — вымпел и призовой кубок. Строгость и простота характеризуют здание, объем которого приближается к четверти миллиона кубометров.

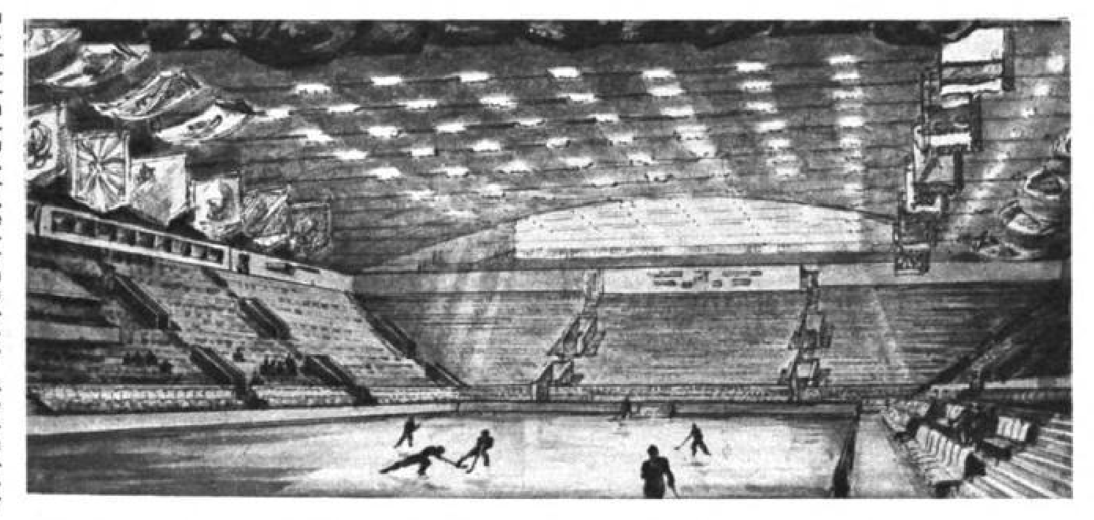
Перед входами — площадки из розового гранита со светильниками. Скоро в них вспыхнут огни.

Открываются двери, и мы в вестибюле. Начнем экскурсию с главного зала. Это — сложное инженерное сооружение. Гигантское, перекрытое металлическими арками помещение имеет высоту семиэтажного дома. От уровня пола до свода 23 метра. К нижней части арок прикреплена электроарматура. Нажим кнопки на пульте управления — и электрический свет буквально зальет все вокруг. Снова нажим — и световой поток сменится нежными полутонами. В любую точку легко направить разноцветные снопы прожекторов.

Амфитеатром поднимающиеся трибуны имеют 27 рядов. Через определенные промежутки трибуны прорезаны входными люками. А вот ворота, сквозь которые свободно проезжает грузовая машина.

Особенность арены в том, что ее можно видоизменять в зависимости от программы соревнований. Из хоккейного поля она трансформируется в волейбольную или баскетбольную площадку, теннисный корт, боксерский ринг. Сегодня вы приобретаете билет на состязания фигуристов или спектакль труппы Театра на льду (будет и такой в Москве), а завтра — на розыгрыш первенства по художественной гимнастике, тяжелой атлетике.

С увлечением рассказывают инженеры о механизмах, которыми оснащен Дворец спорта, и в первую очередь они называют хладоцентр. По существу, это — целое предприятие, где четыре мощных компрессора охлаждают раствор хлористого кальция до температуры минус 15 градусов. Нагнетаемый насосами, этот раствор по системе трубопроводов, проложенных в тоннеле, непрерывно поступает в «тело» бетонированной площадки арены, замораживает разлитую на ее поверхности воду и превращает ее в лед. Каток готов. Около суток займет обратный процесс: подача раствора прекращается, вводятся в действие съемные отопительные регистры, лед оттаивает, и вода спускается в водосток.

ГЛАВНЫЙ ЗАЛ. Рисунок архитектора В. Россоловского.

Если в афише объявлены ручные игры, по всей площади арены уложат гладкий, хорошо выструганный деревянный настил. Но мастеров ракетки, например, дощатый пол не устраивает. Поэтому перед теннисными матчами бетон придется покрывать особой смесью толщиной в 4—5 сантиметров и потом утрамбовывать ее катками. Для доставки этой смеси на арену и понадобятся грузовики.

Во Дворце спорта намечено проводить и заседания, собрания, международные конгрессы, концерты. В этих случаях на деревянном полу смонтируют эстраду, а перед ней расставят дополнительные ряды стульев и скамеек.

Говоря о вместимости зала, авторы проекта именуют зал «резиновым». Это значит, что он сможет принять от десяти до семнадцати тысяч человек. Напомним, что знаменитый парижский Зимний велодром в состоянии вместить не свыше десяти тысяч человек.

Хотя Дворец спорта будет функционировать круглый год, в главном зале нет отопительных радиаторов, обычно необходимых для зимнего периода. Но строители успокаивают: в самые лютые морозы зрителей обяжут оставлять шубы и шапки в гардеробе. Система отопления заменена кондиционированием. Установлены десять больших кондиционеров производительностью по восьмидесяти тысяч кубометров воздуха в час. Серия мощных вентиляторов посылает в зал чистый, нагретый или охлажденный воздух — ежечасно по пятьдесят кубических метров на человека. В знойные дни температура будет нормальной, а зимой она никогда не опустится ниже двадцати градусов тепла.

Кроме главного зала, Дворец располагает рядом других помещений. На первых двух этажах — вестибюли, фойе, буфеты и раздевалки, на третьем — служебные кабинеты, комнаты судей и корреспондентов, телефонный узел, кабины радиокомментаторов и операторов телевидения. Другими словами, почти тот же «ассортимент», что и под трибунами Большой спортивной арены стадиона.

Достопримечательностью Дворца спорта является, несомненно, и малый зал. Слово «малый» — понятие условное, ибо ширина его — восемнадцать, длина — сорок два и высота — девять метров. Он предназначен для разминки мастеров перед выходом на арену, тренировок по всем видам ручных игр. Под малым залом сосредоточены спортивные раздевалки, душевые, массажные, парилки, комнаты отдыха и сбора команд.

Принимаются все меры к тому, чтобы открыть Дворец спорта в начале ноября. Предполагается, что 5 и 6 ноября здесь соберутся на праздничные октябрьские вечера трудящиеся Москвы.

Б. ЛЬВОВ

Французские живописцы

Наши советские музеи обладают большой коллекцией картин французских художников. Понятен поэтому тот большой и горячий интерес, с каким была встречена в Москве организация выставки произведений французского искусства XIX века из Лувра и других крупных музеев Франции.

Центром открывшейся в Москве выставки французской живописи, естественно, стало полотно Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах». В этой картине трудно выделить какое-либо одно решающее качество. Она в одно и то же время и живописный документ борьбы парижских пролетариев и монументальный художественный образ — гимн свободе и человечности. Делакруа-художник работал, что называется, по свежим следам событий: парижане дрались на баррикадах в июле 1830 года, а чуть позднее картина была уже написана. С тех пор прошло 125 лет, а столь, казалось бы, злободневная картина не только не стареет, но продолжает волновать зрителя. Темпераментный художник, обратясь к аллегории, даже не пытался «обытовить» какими-либо подробностями свой героико-романтический сюжет. Картина при всей ее страстности сурова и лаконична, но тем сильнее ее воздействие. В мировой живописи не много найдется произведений, с такой же силой воплотивших пафос революции.

Жан Франсуа Милле всем отличен от Делакруа: и темпераментом, и приемами письма, и кругом избираемых тем. Глубокое раздумье над жизнью отличает творчество художника, воспевающего ежедневный, привычный труд земледельца, человека, может быть, чрезмерно смиренного, но преисполненного достоинства. Как и большинству работ этого превосходного мастера, отмеченных стремлением к завершенности, гармоничной, продуманной композицией, картине «Собирательницы колосьев» присущи законченность, строгий ритм, особая, почти осязаемая объемность. Недаром посетители снова и снова возвращаются к этому его полотну, как и к «Вечернему звону», «Пастушке». Проникновенная, неторопливая «музыка» этих рассказов художника всегда находит отклик.

Живописные работы парижского литографа Оноре Домье, рисовальщика-самоучки, у нас, пожалуй, менее известны, чем его великолепная графика. Мастер политической карикатуры, он остро и зло разоблачал пороки современного ему буржуазного общества. Выставка со всей очевидностью доказывает, что Домье-живописец, отдавший свою кисть воспеванию жизни человека труда, не менее велик. Его «Прачка» не просто жанровая картинка, а взволнованное повествование очевидца, исполненное сочувствия к этой заботливой, измученной нуждой и тяжелой работой женщине-матери. Живопись Курбе представлена на наших вкладках портретом композитора Берлиоза — благородным, одухотворенным.

Если для Делакруа, для Домье, для художника-коммунара Густава Курбе великая французская революция была страницей прошлого, то Луи Давид оказался ее современником: «Зеленщица» написана в 1795 году. Творчество Давида противоречиво, и в его художественном наследии есть вещи разные по своим тенденциям и характеру исполнения. С одной стороны, Давид — автор холодноватых историко-мифологических композиций, а с другой — аналитик жизни и правдолюбец, автор «Марата» и «Зеленщицы». По своему реализму «Зеленщица» — явление исключительное: о французской революции, о ее людях портрет говорит, вероятно, больше, чем сотня толстых книг. Недаром в «Зеленщице» видят участницу народных восстаний, узнавшую и ярость уличной битвы и горечь отступления, подлинную дочь революционного класса. Во всей ее позе, в выражении лица, в скрещенных на груди руках — вызов. Она словно в борьбе: ее время пришло, теперь-то она рассчитается за годы унижений и нищеты!

Пейзаж, как один из ведущих жанров национальной французской живописи, по существу, определился в творчестве барбизонцев. Маленькая деревушка Барбизон в лесу Фонтенбло, куда в тридцатых — шестидесятых годах прошлого века переселилась из Парижа группа художников, чтобы «быть ближе к природе», стала родиной целого движения, давшего плеяду блестящих имен. Отказавшись от условностей классического пейзажа, очень много работая с натуры, барбизонцы в то же время добивались композиционной цельности пейзажа, законченности картины. Романтика Жюля Дюпре привлекает в природе эпическое начало: он любит изображать грозу, закат, море. И «Большой дуб» для него прежде всего олицетворение силы, величия природы. Хорошо написано небо, сияющее, горячее.

«Снег в Аржантейле» — из ранних работ Клода Моне. Художник большого таланта, тонкий живописец, Моне написал свой «Снег» просто и незатейливо, но это действительно снег, недавно выпавший. Сколько принес он какой-то особой, зимней свежести! В наших музеях много превосходнейших работ Клода Моне. И, тем не менее, эта выставка показала нам и другого Моне, лиричного, как бы улыбающегося.

Пейзажи Альфреда Сислея — их на выставке два,— тоже очень скромные, удивительно гармоничны.

Французским живописцам свойственны прекрасное чувство цвета, пластики, безупречный вкус. Выставка в Музее имени Пушкина убедительно говорит об этом.

Е. НИКОЛАЕВА

Эжен Делакруа (1798—1863). СВОБОДА НА БАРРИКАДАХ. 1830 год.

Лувр.

Луи Давид (1748—1825). ЗЕЛЕНЩИЦА. 1795 год. Музей в Лионе.

ОЖИДАНИЯ

Рассказ

Александр РЕКЕМЧУК

— Мне письма нет?

— Взгляну. Всех подряд не упомнишь...

Конечно же, Таисья Корычева, усть-уньинский почтовый агент, знала наперечет, кому есть, а кому нет, поскольку больше трех писем одной почтой сюда не поступало.

Но Таисья заметила, как порывисто — белым парусом — выгибается полотно на груди Александры Собяниной (бежала, что ли?), как по-детски раскрылись смуглые губы, как ее чернющие — не северной породы — глаза шарили по адресам.

И Таисья не торопилась: жди, больше ждала.

— Воинское. Без доплаты,— сказала Таисья и бросила на перегородку конверт с треугольным штемпелем.

Нежным облачком заволокло цыганские глаза звеньевой. Она взяла письмо, быстро разорвала конверт, повернулась и пошла к двери, читая на ходу, ступая неверно и легко.

А в окошко Таисья видела, как Александра спускалась по ступенькам крыльца, потом шла по улице, потом по шаткому мосту — и все читала. Вот уже ее рослая, гибкой стати фигура, в широкой юбке, рвущейся на ветру, движется вдоль берега реки, и далеко виден белый листок в руках девушки.

Таисья подернула плечиком. Она по справедливости считала, что если пришло тебе такое письмо (знаем, что за письмо, и от кого — знаем!), то просто даже очень неприлично читать его на глазах у всей улицы. Иди домой и читай, сколько хочешь. Хоть три раза.

А вообще о Шурке Собяниной один человек сказал: «Первая красавица на селе». Из нахальства добавил: «И единственная...» Так вот, если уж ты такая красавица и к тому же единственная, то веди себя, как положено, и письмами не хвастайся.

Что же касается ее, Таисьи, то она, конечно, не красавица (хотя, в общем, ничего), зато с характером. Она, Таисья, ни за что не стала бы читать письма на улице. Впрочем, получать писем ей еще не доводилось: родных нет — детдомовская она, сирота. Окончила семилетку, подучилась на курсах связи, послали в Усть-Унью. Теперь работает на почте, но сама писем не получает.

Что ж, говорят, повара не очень-то охочи поесть, а сапожники, как известно, в старое время ходили без сапог.

Когда Таисья все это обдумала, заверещал телефон. Она сняла трубку:

— Да-а... Я — Усть-Унья... Телеграмма? Пишу... «Верхнепечорска, сорок семь двенадцать»...

Записывая на бланке текст телеграммы, Таисья слышала, как заскрипели ступеньки крыльца, а потом краешком глаза увидела: вошел человек и стал у перегородки. Не здешний человек. Среднего роста, в брезентовой куртке, клетчатая рубашка, а на голове — девчачий берет. С бородой. Кудрявая такая, не особенно длинная бородка. Стоит, дожидается чего-то.

— Вам что, гражданин? — спросила Таисья, повесив трубку.

Гражданин с бородкой облокотился на перегородку и сказал негустым баском:

— Здравствуйте. Я Самсонов, Роберт Афанасьевич...

— Очень приятно познакомиться,— сказала Таисья.

— Мне должен быть денежный перевод. Из Верхнепечорска. Пожалуйста...

— Никакого перевода нет.

— Как... Вы уверены?

— Говорю вам: нет ни одного перевода.

Человек с бородой тяжело потоптался на месте, снял берет, отер платком лоб.

— Будьте добры, посмотрите получше. Мне обязательно должен быть перевод... Самсонов — моя фамилия...

Таисья подернула плечиком, но все-таки достала с полочки тонкую пачку оставшейся корреспонденции и принялась ее не спеша перелистывать.

И тут она скорее почувствовала, чем увидела, как порывисто задышала грудь человека, стоявшего у перегородки, как приоткрыл он рот, как вглядывался в письма, которые перебирала Таисья.

— Вам нет перевода,— заключила она и строго взглянула на человека с бородой.

А он все стоял у перегородки, только брезентовые плечи его как-то опустились и голова поникла.

— Я извиняюсь, — сказала Таисья. — Однако мне нужно газеты разносить, и почта закрывается.

Человек покорно вышел на крыльцо. А Таисья повесила на дощатую дверь пудовый замок и сбежала по скрипучим ступенькам.

День был яркий, хороший. Прямо в лицо били лучи солнца, процеженные пернатым облачком. Влажным холодком обдавал ветер с Печоры. На взгорье густая зелень кедров перемежалась светлой зеленью берез...

Телеграмму Таисья доставила в сельсовет. Открытку с надписью «Привет из Кисловодска» — бабке Туркиной, у которой дедка—объездчик заповедника — на старости лет повадился ездить на курорты: хоть на грязи, хоть на кумыс,— лишь бы бесплатная путевка. Извещение от «Книги — почтой» Таисья вручила Ефиму Давыдовичу, фельдшеру, и он опять стал божиться, что давно бы уехал из Усть-Уньи куда-нибудь поближе к культурным центрам, если бы мог увезти книги, которых у него набралось больше, чем в районной библиотеке.

Пачку газет Таисья отнесла в правление колхоза «Сила». В правлении, в самом углу, увенчанный снопами показательной ржи позапрошлогоднего урожая, сидел счетовод Бурмантов. Он первым делом схватился за районную газету, окинул оком ее спереди, сзади, пробежал взглядом столбцы и сказал удовлетворенно:

— Порядок.

Это означало, что в данном номере колхоз «Сила» не упоминался.

Налегке, чуть раскинув руки, сбегала Таисья по крутой тропе. Уродилась девушка длинноногая, с тонкими щиколотками, неширокими бедрами. Всей и красы — что бронзовая прядка на лбу и короткий решительный нос.

Вот снова почта: стоит над берегом бревенчатая изба в три окошка. Крыша, согласно печорскому уставу, изогнулась коромыслом. Крыльцо с петухами, резными столбами, со ступеньками. А на ступеньке сидит все тот же человек, подоткнул кулаком бороду, растопырил сапоги. Видно, настырный товарищ...

— А вы ждете кого? — осведомилась Таисья. — Или просто так... загораете?

— Я денег жду,— глухо ответил человек.— Мне должен быть перевод из Верхнепечорска. Самсонову. Я в командировке, понимаете?

— Понимаю,— сказала Таисья.— Тут недавно тоже один командировочный, из райзага, что ли, неделю водку пил. А как вконец пропился, на последний трояк пришел телеграмму подавать: «Высылайте двести под отчет...» Только никаких ему денег не прислали. На барже уехал.

Человек решительно встал. И только теперь, на свету, лицом к лицу, Таисья поняла, что человеку с бородой от силы лет двадцать пять. Ни бороздки на обветренном лбу. Скулы румяные, а глаза чисты. Очень чисты, и в данный момент очень холодны:

— Знаете, а мне наплевать на этого вашего из райзага. Я из другой организации. И вообще...

Скулы Самсонова заалели еще ярче, он махнул рукой и опять уселся на ступеньку.

Сочувствие тронуло таисьино сердце. Отпирая замок, она очень вежливо сказала:

— Рублей десять могу вам одолжить из своих. Или молока кипяченого, хотите?

Но тут же гневно сдвинула брови: Самсонов, услышав ее слова, как-то странно квохтнул, повалился на ступеньки и стал умирать от смеха. Даже крыльцо затряслось от этого хохота, а глаза, когда их открыл Самсонов, были полны веселых слез.

— Спятили? — поинтересовалась Таисья.

И вошла в избу. Самсонов зашел следом. Теперь, когда между ними оказалась дощатая перегородка, Таисья опять приняла вид строгий, а Самсонов посерьезнел. Он сел на скамью, расстегнув полевую сумку, добыл из нее какие-то бумажки и стал объяснять:

— Понимаете, я из партии. Геологическая, на Унье... Я везу керны. Это — как бы вам объяснить? — столбики пробуренных пород. В общем, камни. Двенадцать ящиков. Полтораста километров везли на лодках. Теперь нужно грузить на пароход. И расплатиться нужно — за лодки, за погрузку. Люди на берегу ждут, им домой возвращаться... Из партии радировали в контору, чтобы перевели деньги сюда. Две тысячи. Телеграфом...

Таисья тихонечко присвистнула:

— Телеграфом? А где же он, телеграф, в Усть-Унье? Нету.

— То есть как? — заволновался парень.— Вы же при мне телеграмму принимали?

— Принимала. Так то телеграмма. От руки записать можно. А для телеграфного перевода нужен аппарат, который сам на ленту принимает. А его здесь нет.

— Значит...

— Значит, привезут ваш перевод пароходом, с почтой.

— А когда пароход?

— Ночью «Достоевский» вверх прошел, завтра утром здесь будет, сутки до Верхнепечорска, сутки с половиной обратно. Если на мель не сядет — спала вода...

Глаза Самсонова смотрели на Таисью с отчаянием, с укоризной, будто она, Таисья, была повинна в том, что нет в Усть-Унье телеграфного аппарата, а Печора рано обмелела.

— И ничего нельзя сделать? — спросил он тем тоном, которым спрашивают, когда ответ известен заранее.

— Ничего.

Самсонов встал и побрел к двери, забыв девчачий берет на скамейке.

Равнодушным взглядом проводила Таисья его ссутулившуюся, беспомощную спину. Но, увидев в окошке молодую физиономию — сердитую и хмурую, поросшую неюношеской бородой, Таисья второй раз прониклась сочувствием. Сердитых людей она предпочитала остальным и верила им больше, чем добрым.

— Алло! — забарабанила Таисья по стеклу.— Идите сюда! Сюда, говорю!..

Самсонов вернулся.

— Как фамилия начальника вашей конторы? — сдвинув брови, спросила Таисья.

— Солодов... А что?

— Ничего. Подождите.

Таисья крутнула ручку телефона и сняла трубку.

— Курья-а... Курья!.. Раечка? Здравствуй. Кедровка у тебя на линии? Соедини, пожалуйста... Ничего, все по-старому... Замуж? Ох, была нужда... Соединяешь? Алло, Кедровка... Кедровка-а!

По телефону Таисья разговаривала совсем иным голосом, чем обычно, — распевным, гнусавым. Вероятно, такой голос предписан всем телефонисткам специальной инструкцией. А сейчас, когда на линии должна была появиться Кедровка, в голосе Таисьи послышались зловещие нотки: вся Печора знает, что кедровская телефонистка — сущая язва.

— Кедровка? Соедините с Верхнепечорском... А я говорю — соедините!.. Ну и что с того, что не мое время? Может, у меня землетрясение. И не выражайтесь на линии... Даешь? Ну, давай, — облегченно вздохнула Таисья и, прикрыв ладонью трубку, добавила: — Корова!..

Потом, не отрывая ладони, зашептала:

— Как учреждение называется? Номер телефона?.. Алло, Верхнепечорск? Девушка, дай-

УЗКОКОЛЕЙНЫЕ ТЕПЛОВОЗЫ

Фото Г. Санько.

В нашей стране тысячи километров узкоколейных железных дорог и веток. Около тысячи километров узкоколеек строят сейчас на целинных землях. По ним к центральным магистралям вывозят зерно, лес, уголь.

Недавно на Калужском машиностроительном заводе были построены первые узкоколейные тепловозы «ТУ-2». Эти машины удобны, выгодны, экономичны. В эксплуатации они в три раза дешевле, чем паровозы, обслуживающие пока все узкоколейные линии.

«ТУ-2» работает на дизельном топливе и проходит без заправки 500 километров. Вода тепловозу нужна только для охлаждения двигателя, и хватает ее запасов на три тысячи километров, а не на сто километров, как у паровоза.

Когда первые машины доставили в Кустанай, машинисты спросили у инженера Григория Михайловича Лисина, который собирал тепловозы, испытывал их на опытном кольце в Шатуре и сопровождал на целину:

— Вы будете долго готовить их к поездке? Часа через четыре поедем?

— Мы заправили тепловоз заранее. Он готов к работе,— ответил инженер.

— У нас стоит состав с грузом в восемьсот тонн. Расцепить вагоны?

— Не надо. У «ТУ-2» мощность — триста лошадиных сил. Мы сцепим два тепловоза и двойной тягой перевезем сразу весь груз.

— Какая у него скорость?

— Пятьдесят километров в час.

Машинистам понравились также кабины управления: они закрыты, удобны. Тепловоз послушен, идет без толчков и вибраций.

Двадцать шесть новых тепловозов прибыли из Калуги в Северный Казахстан.

И. ИЛЬИЧЕВА

те два тридцать четыре... Кто это? Товарищ Солодов? Из Усть-Уньи звонят, из агентства связи. Здесь ваш товарищ находится, Самсонов... Ну да, Самсонов! Ему за лодки расплачиваться, а денег во-время не перевели... Ладно, оправдываться перед ним будете. Слушайте, что я говорю. Созвонитесь сию же минуту с управляющим банка и председателем райпотребсоюза. Ясно?.. Внесите две тысячи рублей на счет райпотребсоюза. Понятно?.. Дайте заверенную телеграмму, записывайте текст: «Усть-Унья, магазин сельпо, Собянину. Выдайте две тысячи рублей Самсонову, имя и отчество...» Три подписи — ваша, председателя райсоюза, управляющего банком. И гербовая печать. Запомнили? И сделать нужно сейчас же! Что?.. Почтовый агент Корычева. Привет!..

Таисья повесила трубку и откинулась на спинку стула. Бронзовая прядка свесилась на ее лоб, капельки пота выступили на носу.

Самсонов то ли изумленно, то ли с уважением разглядывал эту русую прядку, эти капельки и вообще всю ее, Таисью.

— Что же дальше? — наконец спросил он.

— А дальше мое дело маленькое. Будет телеграмма — приму. Не будет — целуйтесь со своим начальством. Деньги получите,— с вас три шестьдесят, за трехминутный переговор.

— Спасибо, большое спасибо! — оживился Самсонов.— Я — к лодкам, уговорю ждать до утра...

И метнулся к выходу.

Эти лодки, а рядом с ними — груда ящиков, а рядом с ящиками — группа людей, были хорошо видны Таисье из окна почты.

Она видела, как закатное солнце позолотило ящики. Видела, как они потемнели и стали такими же черными, как смоленые лодки. Как зажглись костры у лодок, и сизый дым поплыл над водой...

И тогда Таисья решила прогуляться вдоль берега. Это никому не заказано после рабочего дня.

Она надела туфли, которые поновее, накинула на плечи платок с бахромой.

В кострах весело трещали замысловатые речные коряги. Сизый дым слоился и смешивался с клубами тумана. Было ни темно, ни светло — июньская, ненастоящая ночь.

У костров молча сидели огромные люди в кожаных лазах и сапогах с раструбами — люди с заповедной Уньи, прямые потомки новгородских ушкуйников. Рыбаки, следопыты и, по мнению районного прокурора, отпетые браконьеры. Они заваривали в котле чай, запахом и цветом напоминающий деготь, и пили его емкими кружками. На Печоре такой напиток известен под названием «чифир», к еще известно, что пить его человеку никак невозможно, если он не родился на Илыче или Унье.

Таисья шла по берегу, по сырому песку, зябко ежась под платком.

Четкой тенью вырисовалась на фоне огня фигура, и вставший человек шагнул ей навстречу.

— Вы?

— Я,— ответила Таисья.

Самсонов пошел рядом. Должно быть, у своих соседей по костру перенял он немоту. А Таисье неохота начинать разговор на холоде. Так они оба шли и молчали. И только чуткие рыбы шарахались от берега, заслышав шаги.

Потом они сели на обсохшее бревно, у самой воды. Самсонов долго раскуривал трубку и, закинув голову, деловито глотал дым. А когда глотать ему надоело, задал вопрос:

— Как вас зовут?

— Таисьей,— ответила она и еще туже закуталась в платок.

— Таисья? Значит, Тая... Хорошее имя,— одобрил Самсонов.— А меня родители назвали Робертом. Глупо, конечно. Но ничего не поделаешь...

— А жену вашу как зовут? — справилась Таисья.

— Жену? А у меня нет жены...

— Понятно,— сказала Таисья. И заметила, что Самсонов опять рассердился, как тогда, слушая о злоключениях пропившегося командировочного.

— Пока не женат... Я геолог. Геологу не так легко найти жену. То есть найти нетрудно, но не всякая подходит на эту должность. Знаете, какая у нас работа? Зимой — в поле, летом — в поле. Домой гостем заявляешься... Геологу нужна такая женщина, которая готова ждать подолгу. И всю жизнь так — ждать. Таких женщин, по-моему, мало.

— Идите вы к черту! — поддержала разговор Таисья.— Любит ваш брат прибедняться — в поле, в море... А я думаю, что и геологи не лучше других мужиков. Ну, а женщины... Те ждать умеют. Некоторые умеют всю жизнь ждать... и ничего не дождаться.

Самсонов проглотил пилюлю, помолчал, а потом опять стал высказывать свои соображения:

— Главное в женщине — характер. Твердый характер... У вас, Тая, по-моему, характер есть.

— Есть. А что? — Таисья с вызовом глянула прямо в лицо геологу.

Но тут дунул ветер, искры посыпались из самсоновской трубки, холодные капли — то ли с неба, то ли с реки — упали на лица. Таисья встала. И они пошли вдоль берега обратно.

Самсонов почему-то обиделся, смотрел в сторону, и Таисья решила повернуть беседу на иное:

— Зачем вам борода? Такой молодой — и борода.

— Видите ли, в полевых условиях бриться не с руки...

— А умываться с руки? Просто модничаете. Или от лени заросли по уши. Вы побрейтесь, хорошо?

— Хорошо,— заверил Самсонов и рассмеялся: — Придется заглянуть к верхнепечорскому парикмахеру. А у него прямо над зеркалом висит картинка: Иван Грозный убивает сына. Тебя бреют, а перед глазами — кровища сквозь пальцы... Ей-богу, страшно!

Засмеялась и Таисья. Даже лодочники, сидевшие у костров, обернулись на ее смех, нарушив обет невозмутимости.

Путь был окончен.

Капал редкий дождик. Таисья подставила каплям ладонь, подумала и сказала:

— Будете спать у меня. Что вам за радость — мокнуть? Идемте.

Таисья и жила в той самой трехоконной избе, где помещалась почта. Она аккуратно застелила Самсонову узкую свою кровать, прикрикнула, когда он вздумал перечить, и вышла, захватив подушку с одеялом, в смежную комнату, оклеенную древними обоями, с перегородкой посредине.

Уже устроившись на скамейке, Таисья вспомнила, что на двери имеется крючок. Закрыть, что ли? Нет, не надо. Вдруг потребуется человеку выйти?

Она прильнула щекой к подушке, зажмурила глаза и уснула.

И проснулась, когда колокольчик громко зазвенел в чашечку телефона. Было синее утро. Пять часов.

— Да...— хрипловатым спросонья голосом отозвалась в трубку Таисья.— Усть-Унья... Телеграмма? Пишу... «Верхнепечорска, сорок восемь пятнадцать... Так... Магазин сельпо, Собянину...»

Самсонов уже стоял рядом. После сна он выглядел довольно смешно: борода свалялась, поперек лба — полоса. Он расчесывал гребенкой выцветшие от солнца жесткие волосы и разглядывал Таисью. Наверное, Таисья тоже выглядела смешно после сна. Потому что все проснувшиеся люди выглядят очень забавно.

Но они смотрели друг на друга и не смеялись.

— Вот... телеграмма,— сказала Таисья.

Рисунок Г. Храпака.

— Уже? — удивился Самсонов.
— Да. И сейчас пароход здесь будет.
— Сейчас? Так быстро?
— А чего же,— подернула плечиком Таисья.— Теперь, знаете ли, все быстро. Быстрое такое время...
— Очень быстрое,— горячо согласился Самсонов. И решил подробнее разъяснить свою мысль: — Как же иначе? Атомный век...
Таисья встала, резко двинула стул.
— Пора. Счастливо!
— Разве вы не придете на пристань?
— Не знаю. Будет почта — придется идти.
— Вот как? — сказал Самсонов.— Впрочем, конечно... Ну, спасибо!
И ушел.

А тут принесли заказное письмо, и Таисье — ничего не поделаешь! — пришлось идти к пароходу.

На берегу, как водится, собралось все село. Скачет детвора. Старые деды щеголяют в шерстяных чулках до колен и сверкающих галошах. Рука об руку — стеной — стоят тихие девушки.

«Достоевский» нарушил расписание и потому возражал против долгой погрузки. Сразу же по прибытии он дал длинный сигнал, присовокупив к нему для убедительности короткий.

Уньинские лодочники, в два шага меряя сходни, таскали ящики в темное чрево парохода. Вон тот, сухощавый, что нес первый ящик, уже взвалил на плечи второй. А груда на берегу будто и не убывает.

Самсонов стоит с блокнотом в руке, что-то чиркает карандашом, сверяет с цифрами на ящиках, отрешенно шевелит губами.

Длинный гудок. И два коротких. Люди обступили Самсонова. Он вынул из кармана рыхлую пачку денег и стал отсчитывать бумажки в малахай сухощавого лодочника. Долго отсчитывал. Наконец сухощавый водрузил шапку с деньгами на голову, а все остальные приподняли малахаи,— дескать, уговор дороже денег, не обижаемся, будьте здоровы!

В этот момент «Достоевский» стал натужно пыхтеть, лопасти колес зашуршали о прибрежную гальку. Долгий гудок. И три коротких.

Самсонов быстро оглядел людей, стоявших на берегу. Отыскал Таисью и решительно зашагал к ней.

«Спятили?» — хотела спросить Таисья. Но не спросила.

А он подошел и, вместо того, чтобы заговорить, молча стоял перед ней.
— Пароход,— кивнула Таисья.
— Да,— сказал Самсонов.— Знаете, я кое-что хотел вам сказать. Но некогда. Я напишу вам, из Верхнепечорска...
— Смотрите не забудьте.

Скулы Роберта заалели, брови грозно сошлись.

Тут «Достоевский», у которого, должно быть, лопнуло терпение, дал еще один долгий гудок и четыре коротких, не предусмотренных правилами.

Самсонов круто повернулся и, шлепая сапогами по воде, побежал к пароходу.

Распластав по ветру лохматую бороду дыма, «Достоевский» вышел на уньинский плес. Он тут же свернул за излучину, и над низкорослым ельником поплыла белая труба с каймой, чадящая в небо.

Таисья отвела взгляд. На Печоре — волны. Уже в отдалении высокие люди в кожаных лазах дружно топят в воде багры. Остроносые лодки чередой уходят в Унью.

Разбредаются люди по своим делам. Пустеет берег. Тихо. Только поскрипывают, шумят собольей хвоей столетние кедры. Ярок день и холоден: где-то у горных подножий просыпался град. Студеный ветер летит с верховьев.

Таисья глотнула ветра, захлебнулась, положила руку на шею, на то горячее место, где смыкаются ключицы. Прогнала с глаз долой непокорную бронзовую прядку. Засмеялась:
— Бывает же...

«Значит, следующую почту когда ждать? — высчитывала она, взбираясь по тропе к своему агентству.— Сутки до Верхнепечорска, сутки с половиной обратно. Не иначе — на мель сядет. Снова подписчики ругаться будут, что газеты запаздывают. Самолетом бы...»

Вечер в Татрах

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Вечер в Татрах, торжественный вечер,
Профсоюзного бала огни.
Тут с гостями советскими встреча,
Тут свидание близкой родни.

Клуб флажками расцвечен красиво.
В зале — столики, добрый уют.
В кружках пенится пышное пиво.
«Тáнцуй, тáнцуй!» — словаки поют.

По квадратам паркета горянки
Проплывают, стройны и легки.
На ногах расписные татранки,
Шерстяные в полоску чулки.

Вверх подброшен топорик-валашка,
И в обнимку выходят вперед
Горцы в шляпах, в расшитых рубашках —
Закаленный и щедрый народ.

Брюки с черным узорчатым кантом,
Тонкий гарус, витое шитье...
Парни знак подают музыкантам:
— Покажите искусство свое!

И оркестрик на тесной эстраде
«Тáнцуй, тáнцуй!» — играет опять.
Здесь особого случая ради
До утра не устанут плясать.

Что ни миг, нарастает веселье,
Слышен кружек стеклянный трезвон.
И на смену пастушьей свирели
Появляется аккордеон.

Зажигательной русскою пляской
Озаряется маленький клуб,
И москвичку кадрили словацкой
Обучает крепыш-лесоруб.

Общий танец. Бумажный фонарик
Вам вручен — засветите его.
Люстра гаснет. Вальсируют пары.
В полутьме светлячков торжество.

Сколько их пробегает по кругу!
Где потухли, где блещут еще...
Братиславская девушка руку
Положила на ваше плечо.

Не задуйте фонарик летучий,
Здесь призером окажется тот
И награду по праву получит,
Кто, танцуя, огонь сбережет.

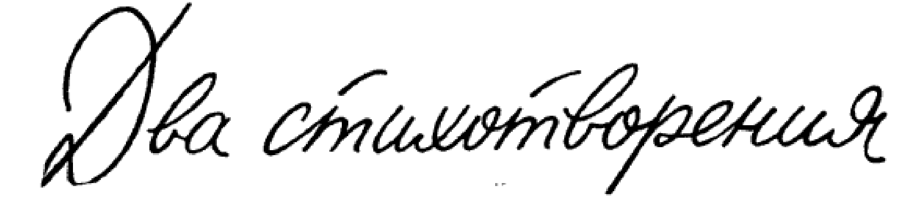
Рядом — горы в закатном пыланье,
Уходящие кверху леса.
«Тáнцуй, тáнцуй!» — поют киевляне,
Ленинградцев звенят голоса.

Пиджаки запестрели значками.
Раз уж выдался вечер такой,
Оставляем друг другу на память
Все, что только нашлось под рукой.

Книжки, фото и голуби мира —
Что от сердца, то ценится тут.
Но кончаются все сувениры —
И автографы в дело идут.

И седым старикам на прощанье,
Их преклонным годам вопреки,
Мы под шумные рукоплесканья
Пионерские дарим значки.

...В нашем сердце навеки останься,
Вечер в Татрах у кровной родни,
Тесный зал и веселое «Тáнцуй!»,
Профсоюзного бала огни.

Николай СИДОРЕНКО

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Мой русский край, тебя люблю я крепко,
Из всех краев один ты близок мне.
Баранчики и желтая сурепка
К лесной воде сбегают в тишине.

В густой осоке, в отраженных тучах
Перебирает камешки ручей,
А за проселком, на ветвях плакучих,
Качает ветер домики грачей...

Мы все прошли нелегкую дорогу,
И грозы были, и беда была.
Но нас всегда к отцовскому порогу
Березка белая звала.

НАЧАЛО ВЕСНЫ

С одной какой-то теплой ночки —
Она и звездна и ясна —
Запел скворец, раскрылись почки
И сразу началась весна.

Наутро пахло черноземом,
Шел в полдень дождик навесной.
Земля желанным стала домом...
Что значит: встретилась с весной!

Не так ли сердце человечье
Всю сумеречность зимних дней
Позабывает вдруг при встрече
С единственной весной своей!..

Одна из улиц Дубны.

В ДУБНЕ НА ВОЛГЕ

Широкие асфальтированные магистрали в тени деревьев, нарядные, свежеокрашенные корпуса, ажурные стрелы башенных кранов, плавно движущиеся над лесом... Так выглядит Дубна — один из самых молодых городов нашей страны, выросший в верховьях Волги, близ Московского моря.

В центре города — двухэтажное с колоннами здание, украшенное флагами двенадцати государств: Албании, Болгарии, Венгрии, Демократической Республики Вьетнам, Германской Демократической Республики, Китая, Корейской Народно-Демократической Республики, Монголии, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии. На двенадцати языках и надпись у входа: «Объединенный институт ядерных исследований».

В Дубне расположен международный научный центр, созданный по соглашению двенадцати государств.

Из разных уголков земного шара съехались сюда на совещание физики, инженеры, работники промышленности. В конце сентября 1956 года они разработали и утвердили Устав и Положение о персонале Объединенного института ядерных исследований, наметили обширные планы совместной научно-исследовательской деятельности и порядок финансирования работы института. Общая стоимость всего научного оборудования и различного имущества, безвозмездно переданного институту правительством СССР, составляет 502 002 тысячи рублей.

Участникам совещания были продемонстрированы уникальные ускорительные установки: синхроциклотрон с энергией протонов до 680 миллионов электрон-вольт и синхрофазотрон с энергией протонов до 10 миллиардов электрон-вольт.

Зарубежные ученые осмотрели только что отстроенные жилые дома, комфортабельные квартиры, которые будут предоставлены научным сотрудникам, приезжающим в Дубну на постоянную работу, побывали в школе-десятилетке, размещенной в новом четырехэтажном корпусе, в новой больнице, осмотрели строящийся Дворец культуры. Сейчас уже население Дубны превышает 10 тысяч человек. В ближайшие годы оно увеличится вдвое.

Вот что рассказали корреспонденту „Огонька" участники совещания — представители государств — членов Объединенного института ядерных исследований.

ПРОФЕССОР ВАН ГАН-ЧАН,

заместитель директора Физического института Академии наук Китайской Народной Республики

Атмосфера дружбы и взаимопонимания, царившая на совещании,— верный залог того, что международное сотрудничество ученых в Объединенном институте будет плодотворным. Китайские физики бесконечно благодарны Советскому правительству за его щедрый дар. Мы будем настойчиво учиться у наших более опытных товарищей, чтобы совместными творческими исканиями в области ядерной физики обогащать мировую науку.

Все новые открытия в области атомной энергии будут использованы на благо человечества.

ПРОФЕССОР ГУСТАВ ГЕРЦ,

член Германской Академии наук, председатель Научного совета по мирному использованию атомной энергии при Совете Министров ГДР

Синхрофазотрон и синхроциклотрон, построенные в СССР, могут служить образцом взаимодействия науки и техники, ярким примером содружества ученых-экспериментаторов с инженерами - конструкторами. Все детали этой сложнейшей аппаратуры, от гигантских магнитов до тончайших инструментов, изготовлены на советских заводах, что лишний раз подтверждает высокий уровень индустриальной культуры в СССР.

Участие в Объединенном институте открывает перед немецкими учеными поистине необозримые возможности исследований по актуальнейшим проблемам ядерной физики. Многие работы, недоступные по своей сложности научным учреждениям ГДР, могут быть с успехом проведены в Объединенном институте.

ПРОФЕССОР ЧЕСТМИР ШИМАНЕ,

директор Института ядерной физики Чехословацкой Академии наук

Создание международного научно-исследовательского центра — дело сложное. Надо обеспечить наилучшие условия для ученых разных национальностей на основе полного равенства и взаимного уважения. Устав и Положение о персонале, разработанные представителями двенадцати государств, дают уверенность, что эта задача решена успешно.

Знакомство с уникальным научным оборудованием преисполняет всех нас благодарностью к Советскому Союзу.

КИМ ХЕН БОН,

кандидат физико-математических наук, проректор Университета имени Ким Ир Сена в Пхеньяне

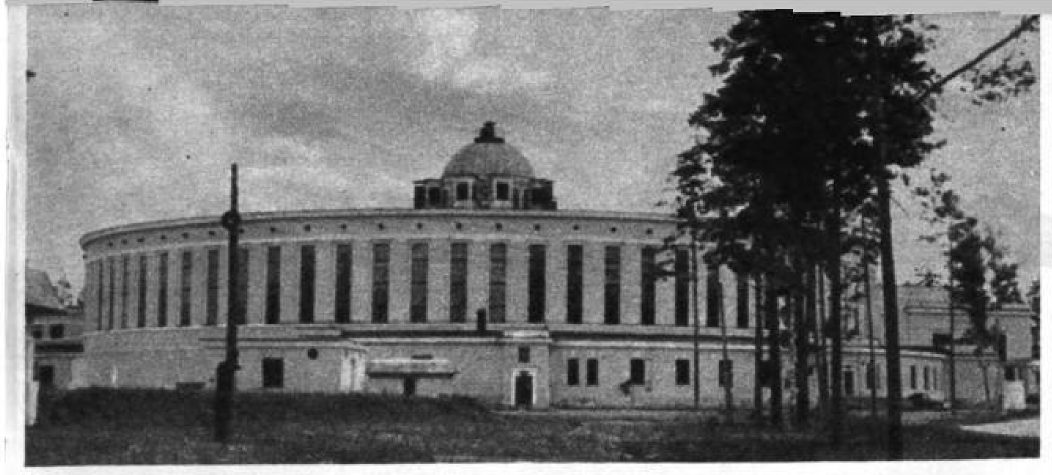
В нашем университете, который отмечает в эти дни свою десятую годовщину, недавно создана новая кафедра атомной физики. Скоро Корейская Народно-Демократическая Республика будет располагать собственными кадрами специалистов-атомников, столь необходимых народному хозяйству. Участие в Объединенном институте ядерных исследований для нас особенно ценно. Мы надеемся, что здесь молодые корейские ученые смогут совершенствоваться по избранным специальностям.

ПРОФЕССОР ХОРИА ХУЛУБЕЙ,

директор Института атомной физики в Бухаресте

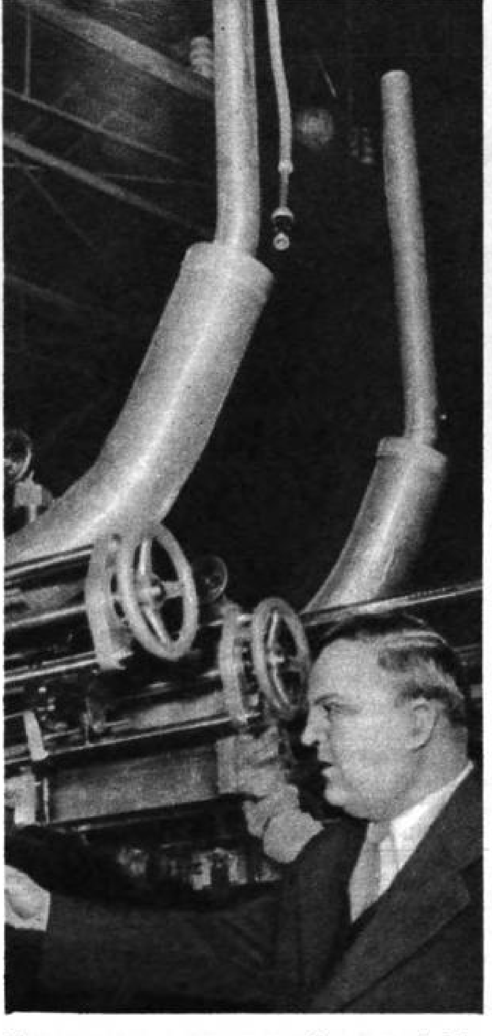
Сотрудничество ученых разных стран призвано сыграть большую роль в ослаблении международной напряженности. Объединив свои усилия в такой важнейшей отрасли современной науки, как ядерная физика, Советский Союз и страны народной демократии показывают всему миру пример бескорыстного служения прогрессу. Тот факт, что Советское правительство безвозмездно предоставило Объединенному институту поистине бесценное научное оборудование, лишний раз свидетельствует о преданности великой страны социализма идеям мира.

Здание, в котором находится синхрофазотрон.

Руководитель делегации Демократической Республики Вьетнам заместитель министра промышленности Чан Дай Нгиа подписывает Устав. Справа — глава делегации СССР начальник Главного управления по использованию атомной энергии при Совете Министров СССР Е. П. Славский.

Руководитель делегации Венгерской Народной Республики вице-президент Атомной комиссии при Совете министров Кишш Арпад осматривает оборудование лаборатории высоких энергий.

Директор лаборатории физики высоких энергий член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Векслер беседует с участниками совещания.

Директор лаборатории ядерных проблем доктор физико-математических наук В. П. Джелепов дает пояснения участникам совещания.

Фото Я. РЮМКИНА.

Читатели пишут

„ТИШИНА"

В № 33 журнал «Огонек» писал о том, как шумно в Москве, сколько неприятностей доставляют москвичам всевозможные «шумовые эффекты», в которых повинны и отдельные люди и организации. Запрещение автомобильных гудков — бесспорно полезное мероприятие. Но нельзя ограничиваться только этим.

Выступление «Огонька» вызвало много откликов. Авторы писем особенно горячо осуждают «радиоизлишества», которые доводят многих буквально до болезненного состояния.

«В нашем Тимирязевском районе,— пишет В. Пиотрович,— дома построены так, что они замыкают со всех сторон площадку в центре. И вот из нескольких тысяч человек, проживающих в таком жилом массиве, находятся двое—трое, которые обзавелись мощными радиолами. Звуки радиолы разносятся по всей площадке; все это одни и те же пластинки, преимущественно танцевального репертуара. Владельцы «трансляционных узлов» не обращают внимания на жалобы. Но шум «организуется» и не только отдельными лицами. Наш дом расположен рядом с Коптевским рынком. С 6 часов утра здесь гремит репродуктор».

Коротко, но выразительно говорит о бесцеремонных любителях радио А. Лебедева: «Они приносят страдания, настоящие страдания...»

Как же могло получиться, что одно из величайших культурных благ нашего времени — радио — обрекает наших людей на муки? В этой области почти нет никаких регламентаций, а органы, которые могли бы внести некоторый порядок, остаются глухи к жалобам населения. Совсем, например, непонятно, к чему увеличивать рыночный шум, и без того не особенно мелодичный, гулом репродукторов? С этим согласны и директора рынков, но они ждут... особых постановлений.

Что же касается «радиохулиганов», то это, пожалуй, единственная разновидность хулиганов, на которых не распространяется власть милиции.

Надо сказать, впрочем, что и в других случаях органы милиции почему-то предпочитают невмешательство. Жильцы дома 17/7 по Новопесчаной улице обратились в 109-е отделение милиции: шум во дворе не дает людям спать. Майор милиции Воронин ответил весьма глухо: «Заявление рассмотрено и проверено». Что касается мер, то он лишь пообещал привлечь к ответственности злостных нарушителей...

Конечно, не только радио порождает шум, отравляющий жизнь граждан. В. Кривенко жалуется, что около их дома (Георгиевский переулок, 2) расположены вентиляторы метрополитена. По просьбе жильцов в течение месяца вентиляторы выключались по ночам, а затем они вновь заработали с полной силой.

Т. Тевосян и Г. Зайцев справедливо указывают, что неисправные грузовые машины и дребезжащие трамвайные вагоны вносят свою, и немалую, «долю» в городской шум.

Откликнулись на выступление «Огонька» жители многих городов страны. Они справедливо считают, что шум одинаково вреден повсюду и повсюду надо бороться с его источниками. Много жалоб на «радиоизлишества» в поездах. Громкий стук колес дополняется многочасовым гулом репродукторов.

В письме, пришедшем из Владивостока, говорится:

«У нас в городе шумно. Например, в доме № 7 по Ленинской улице, в самом центре Владивостока, детей и взрослых оглушают шум, автомобильные сигналы, рев и гул моторов, крики радио. В нижнем этаже нашего дома помещаются автомастерские крайисполкома. Автомобили, иногда управляемые пьяными шоферами, ездят по двору, пугают детей. Ремонт частных автомашин заканчивается, как правило, попойками, гамом; омерзительная брань слышится до ночи».

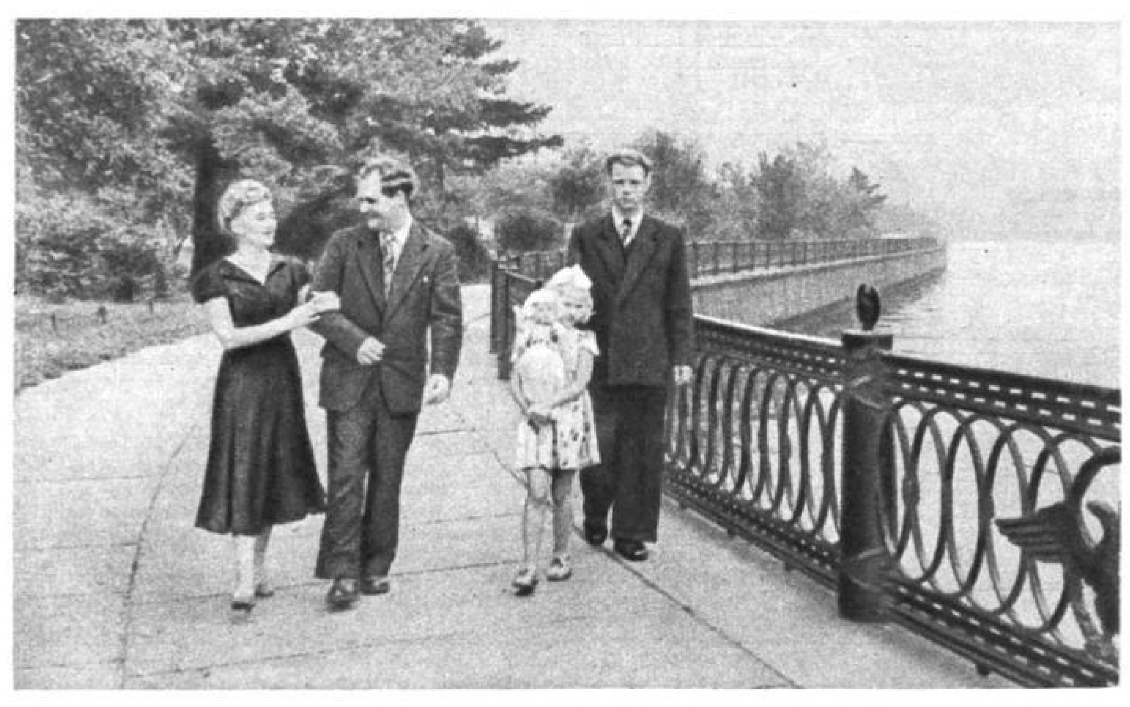
«Необходимо повести решительную борьбу с нарушителями покоя, особенно с «радиохулиганами», и в Ашхабаде,— требует читательница «Огонька» З. Струкова.— В руках некультурных, бессовестных людей радио превратилось в орудие пытки. По 18 часов в сутки радио орет на улицах, базарах и вокзалах, в вагонах, гостиницах, в домах, орет и портит нервную систему детей и взрослых».

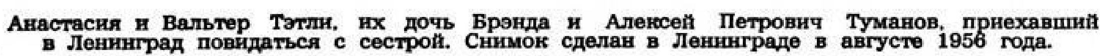
В. Михайловский из Ленинграда пишет, что «надо повести борьбу за сохранение тишины, спокойствия в каждом доме, в каждой квартире — с орущими радиоприемниками, патефонами, магнитофонами, песнями пьяных, применяя к виновным прямо на месте меры административного взыскания. На полумерах здесь останавливаться нельзя!»

«Тишина должна быть в обязательном порядке не только в Москве, но и во всех городах,— пишет работница почтовой конторы из Николаева тов. Добрушина.— У нас, в Николаеве, много шума, орут громкоговорители, бесстыдники выставляют в окна усилители и передают надоевшие пластинки... Между тем было постановление милиции и горсовета о соблюдении тишины».

Какой из всего этого вывод? Желанная тишина сама собой не установится. Это — дело и населения, и городских советов, и милиции. Нужны не шумные декларации, а четкие и по возможности незамедлительные меры.

Начало новой

Анастасия и Вальтер Тэтли, их дочь Брэнда и Алексей Петрович Туманов, приехавший в Ленинград повидаться с сестрой. Снимок сделан в Ленинграде в августе 1956 года.

Семья Карлсэнов на берегу Невы.

Л. ЛЕРОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Л. Зиверта.

I

Да, эти три супружеские пары начинают жизнь заново — на советской земле. Мы познакомились с ними в Ленинграде, в день, когда они вновь вступили на нашу землю. Правда, слово «вновь» никак нельзя отнести ко всем шестерым: датчанин Эрик Карлсэн, англичанин Вальтер Тэтли и немка Урсула-Вальтер Боок впервые в Советской стране. Но, как говорит Эрик, мысленно он считает себя жителем СССР уже давно. Почему? В ответ высокий, сухощавый датчанин улыбнулся, ласково посмотрел на жену — Евдокию Орлянскую — и тихо сказал по-русски:

— Так она... Так мы хотели...

...Семнадцатилетнюю Евдокию Орлянскую из деревни Криничное, Тростянецкого района, Сумской области, и рабочего парня Эрика Карлсэна из Копенгагена привело в немецкий лагерь общее горе: фашистская оккупация. Черноокую смуглянку угнали насильно, а Эрик формально поехал по контракту.

— Что оставалось ему делать? — объясняет Евдокия Сидоровна.— Датчанам оккупанты не давали работы в Дании. «Езжайте в Германию». Вот он и подписал контракт... в лагерь, в Росток. Много их, парней из Дании, эшелоном доставили туда. Одни расчищали улицы после бомбежки, другие строили что-то, землю рыли, а Эрика, на мое счастье, кашеварить послали. Тут на кухне мы и подружились. Ночью сидим рядышком, картошку чистим, шепотом разговариваем, и я тихо, так, чтобы только Эрик слышал, песни наши спиваю ему. Потом про Украину рассказывала, а он — о Копенгагене.

Эрику по контракту разрешали через каждые три месяца уезжать домой на несколько дней. Вернулся он как-то из поездки и говорит: «Надо тебе отсюда бежать. Пропадешь здесь». «А куда бежать? Нынче всюду немцы. Разве только за океан тикать». «Зачем за океан? К нам, домой. Я в Копенгагене связался с коммунистами-подпольщиками. Обещали помочь». С тех пор о чем бы ни шушукались мы на кухне, все об одном была речь — бежать! К тому времени появились у меня в лагере две подружки — Эмилия Винярская и Октябрина Зименко. И они крепко подружились с молодыми датчанами, товарищами Эрика. Теперь датчане уже втроем готовили побег русских подруг.

Тянулись долгие месяцы. А ждать было, ох, как тяжело! И вот однажды, вернувшись из Копенгагена, Эрик подошел ко мне и шепнул: «Готовься. Подробности ночью». В эту ночь, как всегда, мы чистили картошку, сидя рядом. Тут я и узнала, что Эрик и два его друга с помощью датских партизан-коммунистов достали для нас подложные паспорта. Теперь я, Октябрина и Эмилия — датские девушки из разбомбленного города Мекленбурга.

Трое датских парней оказались прекрасными конспираторами. Все было продумано до мельчайших деталей. Чтобы сбить с толку администрацию лагеря, побег назначили на тот день, когда из ближайшего порта — Варнемюнде — уходил пароход в Данию, а мы подались на железную дорогу. Вещи тайком перебросили на вокзал накануне. Сбор назначили в лесу, чтобы оттуда глухими дорогами добраться до вокзала.

Первый просмотр документов. Буравящий насквозь взгляд полицейского и до предела лаконичные ответы: «Да, беженцы», «Да, домой», «Да, из Мекленбурга».

В поезде двое суток стояли в тамбуре: вагоны битком набиты. Как и было условлено, девушки, плохо говорившие по-датски, молчали всю дорогу. Мучил голод; удалось достать только пачку сахара и коробку галет. Это на семерых: у Октябрины Зименко-Петерсон за несколько месяцев до побега родился сын, получавший в пути свой паек вне всяких лимитов...

Граница осталась позади. С трепетом встречали беглецы апрельское утро, не зная, что принесет им новый день.

Началось путешествие по стране, которая в ту пору содрогалась, как поверженный борец, прижатый коленом противника: свободолюбивый народ не намерен был сдаваться. Шестеро друзей ощущали это на каждом шагу. Добраться до Копенгагена оказалось нелегким делом: «мешали» те самые добрые люди, которые недавно помогли им достать подложные паспорта. Здесь, в оккупированной Дании, они взрывали мосты, пускали под откос поезда. И даже в Копенгагене, «под носом» у самого высокого начальства, накануне был взорван мост через канал. И теперь, чтобы попасть в дом Карлсэнов, надо было совершить еще одно сложное и рискованное путешествие под пристальным наблюдением фашистских патрулей.

Дома у Эрика обрадовались и... перепугались: русская девушка, бежавшая из лагеря! Страх был тем более велик, что приехавшие вскоре из Ростока датчане рассказывали, какой там поднялся переполох, когда обнаружилось исчезновение трех девушек. Немедленно организовали погоню. Обыскали все лагерные помещения, подвалы в зданиях на прилегающих улицах. Расчет с пароходом оказался точным: администрация лагеря решила, что русские сбежали на пароходе, уходившем в тот день в Данию, и по радио полетел приказ: судну вернуться обратно, в Варнемюнде. Обшарили трюмы, проверили документы у всех пассажиров...

Между тем оставаться у стариков Карлсэнов было опасно. Поехали в деревню к друзьям Эрика. Датские коммунисты не только снабдили паспортами, но и помогли укрыться.

Наконец наступил день великого праздника Победы. Красный платочек Евдокии Орлянской, с давних пор тайно хранимый в подкладке пальто Эрика, был торжественно извлечен наружу. И вот он весело развевался на ветру, когда солнечным майским днем датчанин и русская, подхваченные ликующей толпой, радостно шагали по улицам Копенгагена.

В сентябре 1945 года сыграли свадьбу. Тогда же Эрик и Евдокия вступили в компартию Дании. Начали работать: он — кондуктором трамвая, она — работницей кондитерской фабрики. Родился сын. Назвали его Владимир-Аксель: Владимир — в честь Владимира Ильича, Аксель — в честь председателя компартии Дании. Потом родилась девочка Соня. Жили вместе с родителями Эрика большой дружной рабочей семьей, где русскую невестку полюбили, как родную дочь.

В эти годы Евдокия не раз встречалась с земляками: Карлсэны побывали на всех фестивалях молодежи: и в Берлине, и в Бухаресте, и в Варшаве. Активистка демократической федерации датских женщин, она была переводчицей на Всемирном конгрессе женщин в Копенгагене. На одной из выставок, где демонстрировались советские машины, Евдокия помогала нашим людям давать объяснения экскурсантам.

жизни

Александр Матвеевич Войтенко (в центре) с женой Урсулой-Вальтер и братом Владимиром Матвеевичем.

И когда кто-то из датчан иронически заметил по поводу тракторов, что их, видимо, изготовили специально для выставки, она запальчиво воскликнула по-датски:

— Кто не хочет ничего видеть, тот никогда не увидит! А такие тракторы на Украине еще до войны на поле работали. Хотя я девочкой тогда была, но помню...

Евдокия Карлсэн с трудом привыкала к новому состоянию, к жизни в чужой стране, как ни старались скрасить ей жизнь и старики, и муж, и его друзья. Конечно, если бы не семья, она давно уехала бы на Родину. А как Эрик?.. Нет, с ним она не может расстаться...

Эрик много читал о Советском Союзе, прилежно и с успехом изучал по радио русский язык и любил слушать рассказы жены о ее стране. Любил он слушать украинские песни жены-певуньи, обладательницы звонкого голоса. Поет Евдокия, а по лицу ее тень пробегает, и в голосе столько грусти, тоски... Домой тянет!

Так с годами пришло решение: всей семьей ехать в Советский Союз. А тут еще получили письмо от Октябрины из города Жданова — Петерсоны давно переехали туда из Копенгагена. Глава семьи на советском заводе стал квалифицированным токарем. Теперь у них уже не один ребенок, с которым когда-то ночью переходили границу, а пятеро. «Приезжайте,— приглашают Петерсоны,— не пожалеете».

— Вот мы и начали собираться, — вспоминает Евдокия. — А сборы были долгие. Нелегко было Эрику расставаться с родителями, друзьями. Да и я душевно полюбила всех их... Две недели длились проводы. То у родных гуляем, то у товарищей. Демократическая федерация датских женщин даже специальный вечер устроила. В подарок преподнесли нам скатерть, на которой все присутствовавшие женщины расписались. А в канун нашего отъезда пригласили нас коммунисты-трамвайщики. Много хороших слов на прощанье сказали, а скромный их подарок — альбом рисунков Бидструпа — очень дорог нам. И в порт пришли с цветами, красными флажками...

Женщина умолкает, потом вскидывает голову и твердо говорит:

— Завтра уедем в город Жданов. Теперь я уже почти дома. Нет, простите: мы дома,— и Евдокия Карлсэн акцентирует на слове «мы».

...Дети внимательно слушают наш разговор, хотя не понимают его: запас русских слов у них еще невелик. И о ближайших планах своих они поведали нам с помощью матери: Володя-Аксель мечтает о Дворце пионеров, а Соня — о балетной школе. Кумир девочки — Галина Уланова, о которой много писали датские газеты и журналы. Вырезки из них бережно собраны Соней...

II

Вместе с супругами Карлсэн на советском турбоэлектроходе «Молотов» прибыл в Ленинград англичанин Вальтер Тэтли. Многие пассажиры уже знали, что этого высокого, широкоплечего англичанина с красивым, мужественным лицом будут встречать в порту жена и дочь — Анастасия Петровна Туманова-Тэтли и шестилетняя Брэнда. Он охотно показывал фотографию, на которой снята вся семья, и не без юмора говорил:

— А ведь в Стокгольме меня чуть снова не женили!

В Стокгольмском порту к нему подошли двое — женщина и мужчина. Оба говорили и по-русски и по-английски. Они знали уже, что Вальтер едет в СССР, к жене, и настойчиво уговаривали его остаться в Швеции. «Мы вам и жену найдем». Кому-то из русских, возвращавшихся домой, они тут же, без обиняков, предлагали 20 тысяч долларов и визу в США, если те сойдут с корабля...

И вот они сидят рядом в гостинице, где разместились советские люди, вернувшиеся домой после долгих лет скитаний на чужбине. Супруги только что приехали из Зеленогорска под Ленинградом, где были в гостях у сестры Анастасии Петровны.

...Анастасия Туманова в 1941 году учительствовала в начальной школе села Верхолино близ Пскова. В первые же дни войны отец ушел на фронт. Анастасии жаль было оставлять мать одну с малышами. Пришли немцы. Кто-то из полицаев, показав коменданту на бойкую, говорливую комсомолку Туманову, шепнул: «Вредная девка. Батька кулаков раскулачивал. А яблоко от яблони недалеко падает». Ее арестовали. Семь месяцев держали в тюрьме. Потом — в лагерь. Кончилась война. Лагерь оказался в английской зоне оккупации Австрии. Девушку отправили в Англию, в город Шипли. Там она работала на мистера Тэйлора, владельца текстильной фабрики. Там же, на танцах в Кингсхолле, познакомилась с Вальтером Тэтли — он жил в соседнем городке Брадфорде.

— Вальтер работал художником-декоратором, — рассказывает Анастасия.

— Но это моя летняя профессия,— добавляет Тэтли, уже научившийся понимать русскую речь.—В капиталистической стране не многие имеют постоянное дело. Зимой я должен был искать другую работу. Шерсть на фабрике сортировал...

Молодые поженились в 1949 году. Старики Тэтли радушно приняли в свою семью жену одного из двенадцати сыновей. А когда родилась Брэнда, то дед — потомственный рабочий-строитель — души в ней не чаял.

Разговор о возвращении Анастасии домой начался вскоре после свадьбы. Вальтер сам взялся за розыски ее родителей. Куда-то писал, посылал запросы. И вот однажды пришло письмо от матери. Теперь уже не было дня, чтобы в семье Тэтли не возникал тяжелый разговор: «Ты пойми меня, Вальтер. Я не могу больше оставаться здесь. Столько лет вдали от дома...»

Вальтер предложил поехать в Лондон, в советское посольство, посоветоваться. В посольстве сказали: «Вы, Анастасия Петровна, сможете быстро уехать домой. А что касается вашего мужа, то это, к сожалению, зависит не от нас, а от английского правительства...»

В 1952 году Анастасия Туманова-Тэтли с дочкой Брэндой вернулась на Псковщину. Потом поехала к брату в Новочеркасск и обосновалась в Шахтах. Письма от Вальтера приходили часто, каждое из них заканчивалось обнадеживающими словами: «Надеюсь скоро быть с вами». Так прошло почти четыре года. И наконец радостная весть: «Десятого августа выезжаю в Ленинград».

— Мужа, конечно, отговаривали дома, — рассказывает Анастасия Петровна.— Но он человек настойчивый и решительный. И если уже пришел к какому-нибудь решению, то его не собьешь, ничему не поверит...

III

Тэтли уехали в город Шахты, а на следующий день мы провожали из Ленинграда в Сталино еще одну супружескую пару, прибывшую в СССР на том же турбоэлектроходе «Молотов», — Александра Матвеевича Войтенко и его жену, немку Урсулу-Вальтер, знавшую по-русски пока лишь два слова: «здравствуйте», «до свидания».

Александр Войтенко — бывший преподаватель английского языка в Донецком индустриальном институте города Сталино. В годы гитлеровской оккупации он попал в Германию той же дорогой, что и десятки тысяч советских граждан. Из одного лагеря переводили в другой. Отступая, гитлеровцы гнали советских людей на запад. Войтенко очутился в зоне английской оккупации, в Ганновере. Там он женился на Урсуле-Вальтер Боок, которую война тоже лишила семьи, и она так же, как и Александр Матвеевич, искала своего места в жизни.

— Однажды, — вспоминает Войтенко,— я услышал в Ганновере историю, глубоко потрясшую меня. Недалеко от лагеря, где работали русские, на пустыре, выросли двенадцать малоприметных холмиков с крестами, без всяких надписей. Как-то под вечер я увидел в этом пустынном месте старушку. Сеял мелкий дождь, а она недвижимо стояла над могилами, низко склонив обнаженную, посеребренную горем голову. Я подошел поближе. Это была старая русская женщина. Она и поведала мне историю двенадцати могил, в одной из которых похоронен ее сын. Их было двенадцать советских людей, работавших на немецком оружейном заводе. Все состояли в подпольной антифашистской организации. Несмотря на строгости лагерного режима, им удавалось по частям выносить с завода оружие и накапливать его в каких-то тайниках. Когда гитлеровцы уже отступали из Ганновера, предатель выдал подпольщиков. Двенадцать героев-смельчаков вывели на площадь и повесили. Ночью, тайком, их хоронили соотечественники, среди которых была и моя собеседница... Я не запомнил фамилии старушки, имени ее сына, но рассказ этот навсегда сохранится в памяти человека, который хорошо знает, что такое подневольная жизнь на чужбине.

Войтенко умолк. Немного погодя этот пожилой человек с усталыми глазами и опущенными книзу уголками рта посмотрел на нас так, будто впервые увидел, и сказал:

— Я знаю, о чем вы хотите спросить меня. Это естественный вопрос: почему Войтенко не был таким, как те двенадцать? Почему Войтенко не бежал домой, на Родину? Я отвечу прямо и честно: страх. Боялся вернуться, думал, что не поверят... Уж очень много всяких историй наслышался. Позже понял — это небылицы. В ту пору мы с женой решились на шаг, за который дорого заплатили. Мистер Кинзли-Ноуэл, хозяин завода, изготовляющего рефрижераторы, купил нас так, как покупали рабов в Африке: осмотрел зубы, руки, ноги, приказал нагнуться, пройтись по комнате. «О кей! Будете работать у меня на заводе». Так мы очутились в Америке, в небольшом городе

Хейгерстауне, что в штате Мэриленд. Я думал, что хозяин намерен использовать мое отличное знание английского языка. Но увы! Я подметал и убирал заводской двор, а по вечерам помогал жене гладить хозяйское белье. Урсула, окончившая искусствоведческий институт, стала домработницей в квартире, где было четырнадцать комнат, четыре ванные и сумасбродная, деспотичная хозяйка. Первое время мы покорно сносили все оскорбления. Но потом теряли самообладание и по-разному выражали свой протест. Тогда хозяйка устраивала истерику, которая обычно завершалась вызовом... священника. Он долго и нудно отчитывал нас: «Вам хозяева сделали добро, дали работу, вы не должны их расстраивать. Это не угодно богу и американской этике». Мы попытались устроиться в другом месте. Мистер Кинзли-Ноуэл, узнав об этом, заявил: «В городе я хозяин. И пока я жив, купленные мною люди будут работать на меня так, как я этого требую». Мы сбежали в Вашингтон. Первым делом купили газету с объявлениями, чтобы найти комнату и работу. На это ушла неделя. Наконец Урсула устроилась работницей, а я уборщиком в музей. Счастье было недолгим. Уволили. «Не нужны больше». Поехали в Филадельфию. Снова работал в музее уборщиком. А через год опять уволили. И так все время. Поработал конторщиком на молочном заводе. Уволили. Ходил без работы. Поступил судомойкой в таверну. Казалось, уже все хорошо — и вот несчастье: я должен был по совместительству следить за хлебом в печи. И не уследил. Хлеб подгорел, и в тот же день хозяин вытолкнул меня «в три шеи».

Долго рассказывал Войтенко о своей горькой жизни за океаном. Вся она была полна непрерывных поисков самой разной работы: чернорабочий на заводе, огородник на ферме, снова пошел в судомойки, пока от сильного пара, жира и ожогов все лицо и руки не покрылись прыщами...

— В ту пору мы с Урсулой и решили, что остался у нас только один путь: вернуться домой, в СССР, навсегда покончить со скитаниями. В газетах прочли, что Президиум Верховного Совета СССР издал Указ, прощающий таким, как я, наши тяжкие грехи. И тогда мы еще больше укрепились в своем намерении. Я написал письма родным, брату, которые считали, что я уже погиб. Получив ответ, обратился в советское посольство. Когда узнали об этом мои соотечественники, люди такой же судьбы, что и я, некоторые меня отговаривали. Потом вдруг стали появляться представители американских иммиграционных властей. Столько лет нас никто в Америке не замечал и за людей не считал, а тут вдруг такое внимание! Приходят, беседуют, спрашивают: «Почему вы уезжаете? Чем вам плохо в Америке?» Я вначале на все вопросы отвечал молчанием, а потом выпалил... Все, что было на душе. Все, что вам сейчас рассказал...

— Мистер Войтенко, это — недоразумение. Все будет хорошо,— уговаривал американец.

А я свое твердил:

— Нет уж, сделаю по-своему. У нас билеты на пароход заказаны. Милости просим в покое оставить...

Но не оставили они меня в покое. Уже перед самым отъездом получаю письмо. На бланке, официальное... Смотрите!

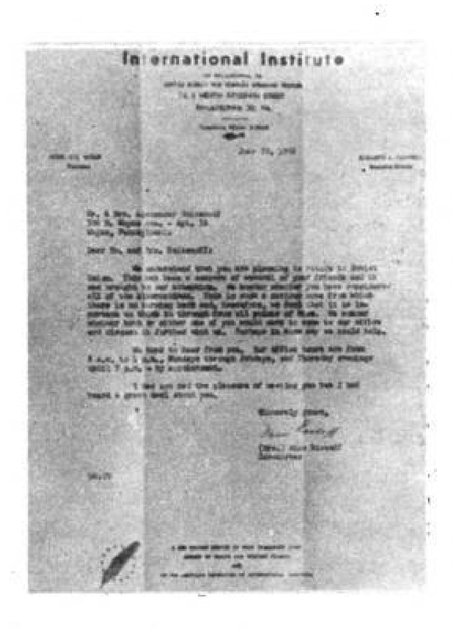
И Александр Матвеевич показывает нам письмо, фотокопию которого мы предлагаем вниманию читателей. Вот его содержание:

«Дорогие г-н и г-жа Войтенков!

Мы понимаем, что вы собираетесь возвратиться в Советский Союз. Этот факт огорчает некоторых ваших друзей и стал известен нам. Мы хотели бы узнать, приняли ли вы во внимание все варианты. Это настолько серьезный поступок, после которого нет пути обратно, что мы считаем важным обдумать его со всех точек зрения. Мы интересуемся, могли бы вы оба или любой из вас придти в наше учреждение и обсудить этот вопрос в дальнейшем с нами. Может быть, мы смогли бы помочь каким-либо путем.

Искренне ваша миссис Нина Рябова».

«Сердобольная» миссис Нина Рябова не дождалась супругов Войтенко. Они не откликнулись на

International Institute

Фотокопия письма Международного института в Филадельфии.

ее призыв, так же как не откликнулись на предложение услуг английских агентов, атаковавших Войтенко уже на океанском пароходе в те часы, когда судно приближалось к берегам Англии. И англичане, подобно миссис Нине Рябовой, сперва деликатно взывали к «благоразумию», а потом перешли к самой наглой клевете на нашу страну, не побрезговав даже тем, что отказались было вернуть паспорта...

— Когда я прочел письмо Рябовой,— говорит Александр Матвеевич,— хотелось разорвать его на клочки. А потом раздумал и положил вот в эту папку. Здесь у меня собраны материалы для книги, которую я хочу написать: «Жизнь в Америке, как она есть».

Войтенко перебирает вырезки из газет, журналов, какие-то документы, а потом показывает нам письмо, полученное им уже в Ленинграде. Мы прочли первые строки этого письма:

«Дорогой товарищ! Комитет «За возвращение на Родину» от всего сердца поздравляет вас с прибытием на родную землю. Если вы имеете семью, просим передать наше поздравление с началом новой жизни и всей вашей семье».

...Новая жизнь началась уже в Ленинграде, где людей, вернувшихся с чужбины домой, окружили сердечной заботой. И, встречаясь в эти дни с супругами Войтенко, Тэтли, Карлсэн, мы наблюдали, как час от часу рассеивалась смутная тревога, которую они испытывали, и как вместо тревоги в сердцах их росло чувство радости.

Вскоре после того, как три супружеские пары направились в избранные города, чтобы начать новую жизнь, у причала Ленинградского морского порта пришвартовался океанский теплоход «Вильнюс». На нем прибыла еще одна семья — Риувен и Оксана Олинги. С корабля спустили трап, и на советский берег за отцом и матерью последовали девять девочек и мальчиков, а десятимесячную Катерину отец нес на руках.

Риувен — голландец, Оксана — украинка. Их судьба во многом похожа на те, о которых мы рассказывали. Оксана Мищук шестнадцатилетней девочкой была насильно увезена фашистами из села Красный Хутор в Германию. Четыре года Мищук сидела за колючей проволокой концлагеря в Эссене. Там она подружилась с Риувеном — рабочим парнем из голландского города Гронингена. Дружба росла. Риувен и Оксана не теряли надежды освободиться из плена и навсегда соединить свою жизнь. Свадьбу хотели справить на родине Оксаны. Но замысел расстроился: Эссен заняли американцы, и они не разрешили Оксане вернуться на Родину.

С трудом Риувену удалось выхлопотать документы на двоих. Вместе с Оксаной он покинул Эссен и уехал к себе в Голландию, в родной город Гронинген.

Первая дочь, Анна, родилась в канун Октябрьского праздника 1945 года. Потом каждый год молодая чета отмечала день рождения — то дочери, то сына. Родные Риувена радовались появлению внуков и внучат, хотя не легко было их сыну, рабочему-строителю, содержать такую большую семью. Старики рассуждали так: «Ведь и у нас было одиннадцать детей, воспитали же!»

— Мысль о возвращении на Родину никогда не покидала меня,— рассказывает Оксана.— Большая семья не пугала. Я знала, что на Родине с детьми будет легче, чем в Голландии. Риувен придерживался такого же мнения, родные одобряли наше стремление уехать в Советский Союз. Находясь в пути, мы в море отметили день рождения Веры,— ей исполнилось три года. В сентябре нам пришлось еще три раза праздновать дни рождения наших детей.

Путешествие по морю было непродолжительным, и вся семья бетонщика Риувена Олинга — жена, пять сыновей и пять дочерей — приехала в Советский Союз. В Ленинграде им отвели два больших номера в гостинице, поставили двенадцать кроватей, столы украсили живыми цветами. Ухаживать за детишками Оксане помогали ленинградские работницы — активистки общества Красного Креста.

Риувен решил сохранить свою профессию бетонщика. Из Ленинграда он вместе со своей большой семьей поехал в город Волжский — на строительство Сталинградской ГЭС; там и начнет новую жизнь в новом доме, который приготовили для семьи Олинга.

Семья Риувена и Оксаны Олингов на борту теплохода «Вильнюс». Фото К. Черевкова.

Клод Моне (1840—1926). СНЕГ В АРЖАНТЕЙЛЕ. 1875 год.

Управление имуществом Французской республики.

Теодор Руссо (1812—1867). У ВОДОПОЯ. 1850 год.

Музей в Реймсе

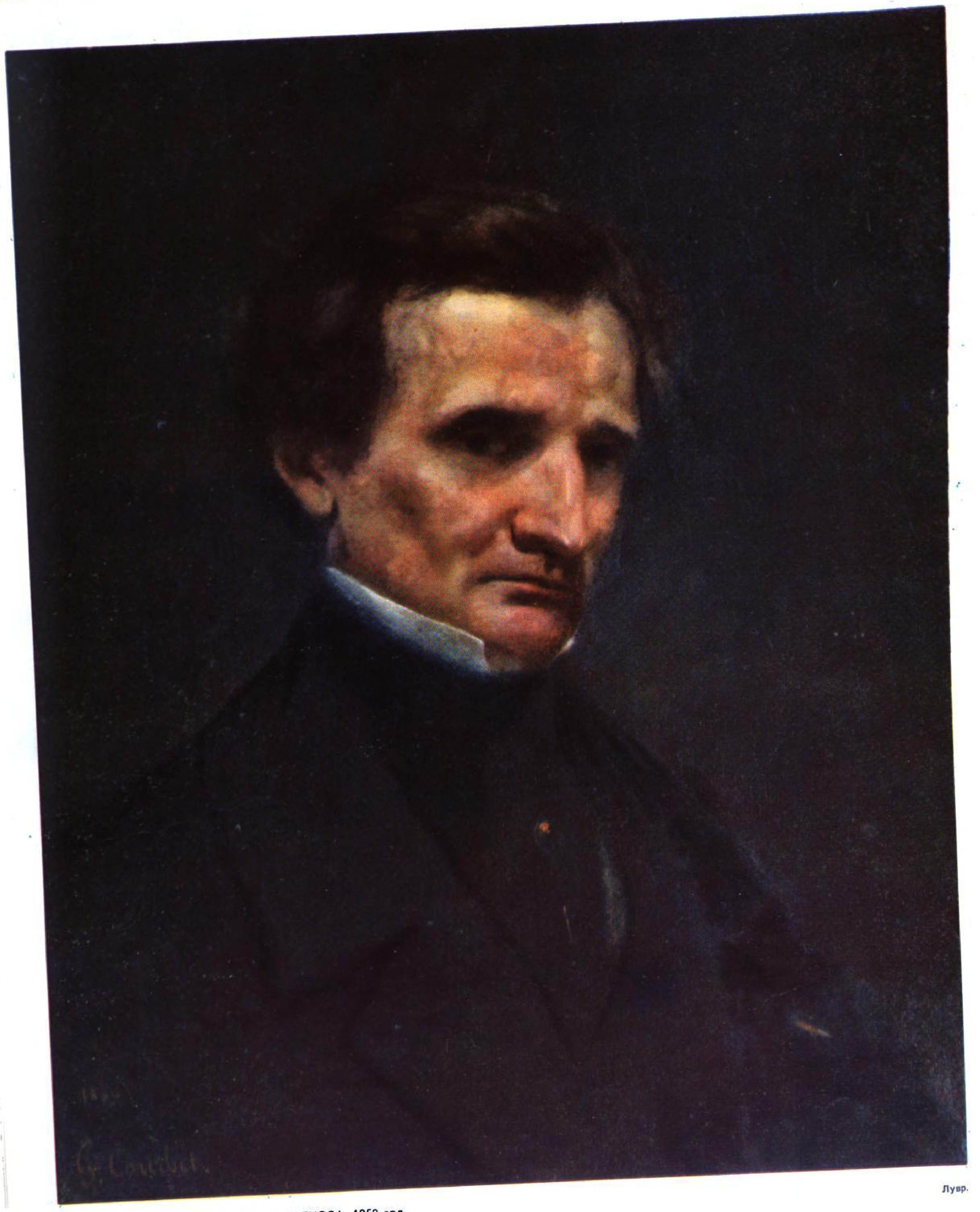
Жюль Дюпре (1811—1889). БОЛЬШОЙ ДУБ. Лувр.

Альфред Сислей (1839—1899). ДОРОГА НА БЕРЕГУ.

Музей в Ницце.

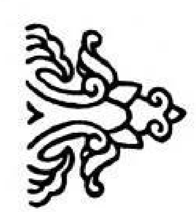
Шарль Франсуа Добиньи (1817—1878). ШЛЮЗ В ДОЛИНЕ ОПТЕВО. 1855 год.

Музей в Руане.

Лувр.

Густав Курбе (1819—1877). ПОРТРЕТ БЕРЛИОЗА. 1850 год.

ПИСАТЕЛЬ НОВОГО КИТАЯ

Профессор
Н. ФЕДОРЕНКО

I

Вторжение современной китайской литературы в действительность, в недра народной жизни, ее активное участие в творческом труде миллионов находит свое выражение в широте ее тематики, охватывающей многообразные явления современности. Однако едва ли не самое большое место в современной китайской литературе занимает тема великих преобразований в деревне. И это закономерно. Основная масса населения Китая, крестьянство, «составляющее приблизительно восемьдесят процентов населения Китая, является сейчас главной силой народного хозяйства страны» [1]. Под руководством рабочего класса китайское крестьянство активно участвовало в революции, провело аграрную реформу и в настоящее время с воодушевлением строит в деревне новые, социалистические отношения.

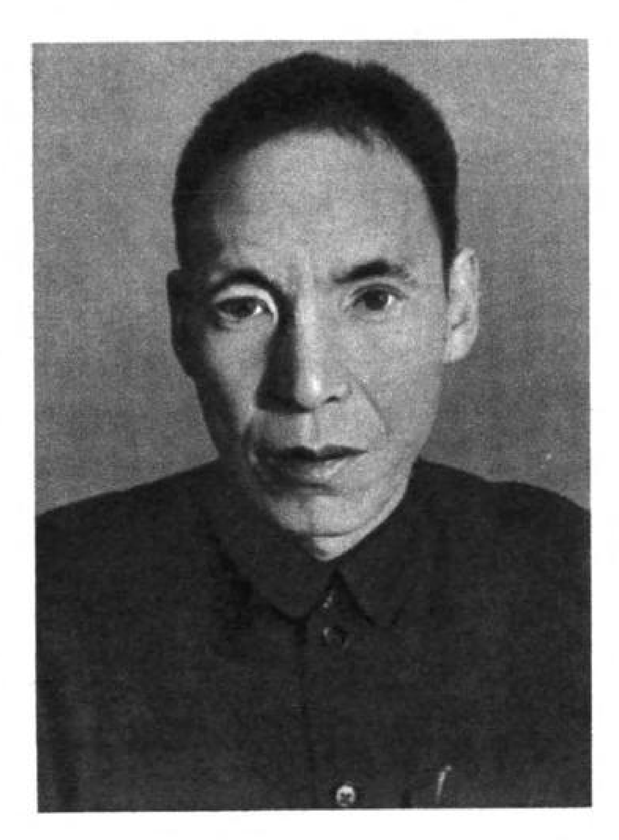
«Товарищи, друзья, — сказал Чжоу Энь-лай на Первом Всекитайском съезде работников литературы и искусства, — только благодаря такой опоре, как великое, трудолюбивое, отважное китайское крестьянство, мы одержали нынешнюю победу. Мы должны быть благодарны великому китайскому крестьянству, а в особенности крестьянству старых освобожденных районов. Хотя в крестьянстве есть черты отсталости, и оно нуждается в терпеливом воспитании, но мужество, трудолюбие, твердость в лишениях и неприхотливость крестьянства заслуживают того, чтобы мы воспевали его, стóят того, чтобы мы запечатлели его и разнесли весть о нем повсюду».

Китайской литературой уже сделано немало для того, чтобы рассказать правду о жизни китайской деревни, показать эту жизнь в ее революционном развитии, в борьбе. Ожесточенная борьба между старым и новым, нарождающимся и отживающим — таково главное содержание лучших художественных произведений о китайской деревне.

В них отражена плодотворная направляющая деятельность коммунистов как руководителей китайского крестьянства в его борьбе за раскрепощение и в процессе социалистического преобразования деревни.

Аграрные преобразования, проведенные по окончании народно-освободительной войны, уничтожили вековые цепи средневекового гнета, внесли в жизнь китайского крестьянства коренные изменения. Недавно безземельные крестьяне, получив бывшие помещичьи земли, стали трудиться на них с необыкновенной энергией. Они воочию убедились, что лишь коммунистическая партия и новое народное правительство являются подлинными выразителями и защитниками интересов трудящихся. «Без понимания роли Коммунистической партии Китая, — говорил Чжоу Энь-лай на упомянутом выше съезде работников литературы и искусства, — нельзя ни понять, ни показать по-настоящему главное в сегодняшней жизни и борьбе китайского народа».

Герои многих произведений китайских писателей о деревне все чаще изображаются людьми активной воли, верными идеям партии коммунистов, деятелями нового типа, характер которых раскрывается прежде всего в

ЧЖАО ШУ-ЛИ.

делах, в отношении к людям, в служении народу.

Среди китайских писателей, посвятивших свое перо китайской деревне, жизни крестьянства, в первую очередь следует назвать имя Чжао Шу-ли, писателя талантливого и оригинального, чье творчество проникнуто глубокой народной мудростью, великой простотой. Бесхитростным, полным юмора рассказам Чжао Шу-ли присуще то большое очарование, какое способны вызвать лишь произведения, отмеченные печатью высокой одаренности.

«Я опьянен свежестью, здоровьем, простотой сюжета и манерой письма, — писал Го Мо-жо о «Песенках Ли Ю-цая» Чжао Шу-ли.— Здесь новый мир, новые люди, новые чувства, новые обычаи, новая культура. Я уверен, что эта повесть способна увлечь любого читателя»

В творческой манере писателя есть нечто от рассказчиков книг, сказителей «шошуды», умеющих сразу же привлечь на свою сторону симпатии читателей, завязать с ними непосредственные, простые отношения, полностью завладеть их вниманием. Чжао Шу-ли — прекрасный рассказчик.

Литература народного Китая знает не много примеров, когда всеобщее признание и любовь читателей внезапно пришли бы к ранее неведомому писателю, как это было с Чжао Шу-ли. Его первые произведения, повесть «Песенки Ли Ю-цая» и рассказ «Женитьба маленького Эр Хэя», опубликованные в 1943 году в одном из освобожденных районов Северного Китая, необыкновенно быстро завоевали популярность у самых широких кругов читателей. Слушая где-нибудь в китайской деревне частушки уличного певца, сопровождаемые ударами бамбуковых кастаньет, или повесть рассказчика книг «шошуды» о судьбе деревенских юноши и девушки, полюбивших друг друга и невзирая на старые нравы и предрассудки построивших свое счастье, — нетрудно узнать в этих речитативах бойкие песенки сельского пастуха Ли Ю-цая, а в героях, смело бросающих вызов отжившим понятиям о браке, — Эр Хэя и Сяо Цзин. Образы и характеры в произведениях Чжао Шу-ли почерпнуты из самой жизни. И не случайно Чжао Шу-ли так часто обращается к народному творчеству, к фольклорным мотивам, к песне и частушке.

Чжао Шу-ли прекрасно знает самобытную жизнь села, ее стародавние обычаи, думы и многовековые стремления к свободе и раскрепощению. Чжао Шу-ли сам выходец из народа, он рос и формировался в среде тружеников. Поэтому Чжао Шу-ли никогда не был только писателем — всегда он был раньше всего вольнодумцем, революционно мыслящим человеком, борцом.

Чжао Шу-ли родился в 1906 году в семье бедного крестьянина в небольшой деревушке провинции Шаньси в Северном Китае. С юных лет он испытал на себе тяжелый, изнурительный сельский труд, горькую участь бедняка, помещичье самоуправство, ростовщическую кабалу. Грамоте Чжао Шу-ли учился сперва у своего деда, а затем ему удалось поступить в Шаньсийскую учительскую семинарию.

Годы учебы Чжао Шу-ли приходятся на период, наполненный важными историческими событиями, в которых молодежь принимала самое деятельное участие. Еще учеником семинарии Чжао Шу-ли примыкает к антифеодальному и антиимпериалистическому движению студентов, охватившему всю страну. В 1926 году он участвует в революционных выступлениях трудящихся провинции Шаньси против милитаристов. К этому времени относится вступление Чжао Шу-ли в ряды Коммунистической партии Китая. В одной из песен, написанных им в те дни, писатель гневно осуждает ненавистных народу милитаристов в лице Янь Си-шаня, превратившего провинцию Шаньси в свою феодальную вотчину.

Вскоре Чжао Шу-ли был арестован и заключен в тюрьму за коммунистические убеждения и нелегальную деятельность. Здесь писатель столкнулся со всеми ужасами застенков китайских милитаристов. Много лет спустя он описал их в повести «Перемены в Лицзячжуане». Но ни пытки, ни угрозы не сломили воли Чжао Шу-ли. Он остался верен своим убеждениям.

Выйдя из тюрьмы, Чжао Шу-ли работал одно время сельским учителем в своей родной деревне, в уезде Циншуй, выступал актером в передвижном театре. Позже он переехал в столицу провинции Шаньси — Тайюань. В годы войны китайского народа против японской агрессии Чжао Шу-ли был на партийной работе как редактор коммунистических газет «Чжунго жэнь» и «Синь дачжун».

В 1940 году Чжао Шу-ли начинает работать в крупнейшем издательстве освобожденных районов «Синьхуашудянь». К этому времени относится плодотворная творческая деятельность писателя.

Сперва на территории освобожденных районов, а затем в народном Китае Чжао Шу-ли, помимо писательской работы, принимает деятельное участие в общественной жизни, выступает как непреклонный борец за мир.

В рассказах и повестях Чжао Шу-ли живет хорошо выверенный опыт, почерпнутый писателем из гущи событий, участником которых он был сам.

II

Уже в самом начале повести «Песенки Ли Ю-цая» автор вводит читателя в атмосферу китайской деревни. Перед читателем возни-

[1] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 3, стр. 167.

кает сельская панорама: на западной окраине деревни — большие, кирпичные дома, в центре — глинобитные, а на восточной окраине, под старыми акациями, в один ряд стоит десятка три утлых землянок. Обитатели западной окраины носят фамилии Янь; в центре живут люди и с фамилией Янь и с другими фамилиями. У всех у них есть своя земля. На восточной окраине половина жителей — новоселы, они пришли из других местностей поднимать целину; другая половина состоит из тех, кто раньше жил в центре деревни, но затем обеднел, продал свое имущество и перебрался сюда. Среди них есть даже три семьи с фамилией Янь, но и они совсем разорились.

Через судьбы людей этого селения Чжао Шу-ли стремится художественными средствами обрисовать социальную и политическую природу процессов, происходивших в китайской деревне, борьбу классов. Именно это и составляет фон художественного повествования.

Живет в деревне Яньцзяшань Ли Ю-цай, по прозванию балагур. Ему лет пятьдесят. Земли он не имеет. Односельчане отдают ему пасти свой скот, а летом и осенью он еще караулит их поля. Семьи у Ли Ю-цая нет, он одинок. Про себя он говорит: «Наелся — вся семья сыта, запру дом, и не нужно беспокоиться, что табуретка умрет с голоду». Живет Ли Ю-цай в землянке, которая стоит под старыми акациями на восточной окраине деревни. Землянка теперь его единственное имущество.

Ли Ю-цай — любимец сельской бедноты. По вечерам, когда крестьяне отужинают, где он — там и веселье. Его остроумные шутки неистощимы. Он обладает даром складывать стихи, которые исполняют как частушки, отбивая такт бамбуковой трещоткой.

Острие своей сатиры Ли Ю-цай обращает нередко против старого помещика Янь Хэн-юаня, тиранствующего в деревне Яньцзяшань.

Если б мог Янь Хэн-юань,
То со звезд собрал бы дань...

Помещик ловко подстраивал так, что из года в год его выбирали старостой деревни. И вот Ли Ю-цай в своих песенках обличает этого опытного деревенского эксплуататора, жестокого и ненасытного.

Песенки Ли Ю-цая пользуются в селе необыкновенной популярностью, особенно среди молодежи. Не раз из-за них Ли Ю-цай попадает в затруднительное положение, подвергается преследованиям, гонениям.

Особенно людно становится в землянке Ли Ю-цая с наступлением холодов, когда вокруг него, как вокруг затопленной печки, неизменно теснится народ. С большим мастерством воспроизводятся в повести Чжао Шу-ли коллизии, возникающие в деревне, бытовая среда, характеры людей, и повествование нередко приобретает огромную обличительную силу, большую сатирическую заостренность.

Характерна песенка, сложенная Ли Ю-цаем о фальшивом председателе крестьянского союза Чжан Дэ-гуе, помещичьем прихвостне, угодничающем перед Янь Хэн-юанем и нещадно обирающем бедняков:

Известно всем, что Чжан Дэ-гуй
Не любит лишних слов.
Янь Хэн-юаню он всегда
Поддакивать готов.
. . . .
Коль Янь расскажет, что яйцо
Недавно снес петух, —
Дэ-гуй, и глазом не моргнув,
«Я видел», — скажет вслух.
Едва старик Янь Хэн-юань,
Не тратя лишних слов,
Чуть-чуть губами шевельнет, —
Дэ-гуй на все готов.

Успех песенок Ли Ю-цая в их конкретности, насыщенности фактами, в меткости характеристик. В их основе — народное творчество, живой, никогда не иссякающий источник, из которого Чжао Шу-ли настойчиво черпает богатство образов, построение сюжетов, выбор ритма, решение композиционных задач.

Именно это придает частушкам Ли Ю-цая подлинную живость, яркость и неожиданность характеристик персонажей, которые часто изображаются им в гротескном плане и сатирической заостренности.

Интересен в этой связи один из персонажей повести «Песенки Ли Ю-цая» — Янь Си-фу. Нечестным путем пролез Янь Си-фу в старосты деревни. И нет такого черного дела, к которому он не приложил бы руку.

И когда на деревенском собрании крестьяне гневно рассказали, как Янь Си-фу растрачивал общественные деньги, как староста силой вынуждал угощать его и подносить подарки, как избивал он палками сельчан, штрафовал работой, бесчинствовал, — «десятки рук схватили Янь Си-фу и, задрав ему ноги кверху, связали, как пойманного зайца», чтобы политработник Чжан отвез его в район для привлечения к ответу.

Долго не мог успокоиться старый Янь Хэн-юань после того, как связали и увезли Янь Си-фу. Более всего он опасался гневной расправы с ним трудового крестьянства. Главная беда для него была в том, что вновь избранное народное правительство совсем не было похоже на старое — деньгами, подкупом теперь действовать нельзя. Изменились времена — деревня Яньцзяшань находится теперь на территории освобожденного района, где царят новые, демократические порядки. Старый помещик Янь Хэн-юань стремится приспособиться к изменившейся обстановке. Нечестными средствами ему удается на выборах провести в старосты деревни своего ставленника Лю Гуан-цзюя, за которым установилось прозвище Пустая башка.

Но вот в деревню Яньцзяшань приезжает председатель уездного крестьянского союза коммунист Ян, и в селе многое меняется. В образе Яна, или товарища Яна, как его называют крестьяне, показан настоящий коммунист, представитель партии, народный слуга и руководитель. Ян — авторитетный и всеми уважаемый партийный деятель, проводник пролетарского руководства в китайской деревне. «В тех делах, что происходят сейчас, — говорит Ян, — надо искать опору в народе, а не в одном — двух человеках — это как на войне, где надежда на всю часть, а не на одних только командиров... Ты не говори, что нет людей; как я посмотрю, так под старыми акациями немало тех, кто может поработать. Их только подними, а уж слово свое они скажут».

Бедняки получают землю. В сельские органы власти избираются наиболее достойные труженики. Помещичьему произволу положен конец. И во всем этом, в отрадных преобразованиях, совершающихся в жизни трудового крестьянства, есть заслуга Ли Ю-цая.

Ли Ю-цай — собирательный образ народного певца. Умный, смелый и трудолюбивый, он воплощает в себе совесть простых людей, тружеников, их великую мудрость. И правомерно то, что его назначают учителем крестьянских детей.

Повесть «Песенки Ли Ю-цая» заканчивается победой трудового крестьянства, торжеством светлого разума. И над деревней Яньцзяшань громко раздается песня Ли Ю-цая:

Радостная песня, душу веселя,
Вьется по деревне и летит в поля.

III

В 1943 году Чжао Шу-ли написал один из наиболее самобытных своих рассказов, «Женитьба маленького Эр Хэя», в котором рассматривается одна из наиболее острых проблем — проблема брака и отношения к женщине.

Нигде, пожалуй, с такой силой не проявились пережитки феодально-патриархальных традиций, как в положении женщины. В старом Китае, особенно в китайской деревне, где с особой силой давало о себе знать наследие средневековья, самым большим несчастьем было рождение в семье девочек. Девочек называли «убыточным товаром». Женщину покупали и продавали, как вещь, как товар. Она даже не всегда имела собственное имя. Часто девушек «выдавали замуж» за мертвых. В старом Китае существовал обычай, по которому между родителями, по их собственному усмотрению, заключались брачные контракты, когда дети были еще младенцами или вовсе еще не родились. По таким контрактам девушку отдавали в семью жениха, даже если он умирал еще до свадьбы. Нередко молодые женщины, брошенные своими мужьями, влачили всю жизнь жалкое существование в семье мужа, где они, по древним феодальным законам, оставались навсегда в качестве собственности, «живой вещи». В течение многих столетий в Китае существовал институт неофициальных жен, так называемых наложниц, число которых бывало тем больше, чем богаче был феодал или купец. В горьких слезах, в тяжких лишениях и неволе проходила жизнь многострадальной китайской женщины, обреченной на положение рабыни.

Существует немало литературных источников, свидетельствующих о многочисленных выступлениях и протестах передовых людей Китая против бесправного и унизительного положения китайской женщины. Но покончить с социальной несправедливостью в отношении женщины удалось лишь вместе с крушением сил старого, гнетущего режима, в результате торжества народной революции в Китае.

В рассказе Чжао Шу-ли «Женитьба маленького Эр Хэя» повествуется о дружбе и любви юноши по имени Эр Хэй и девушки Сяо Цзин, которые вопреки феодальным традициям поженились против воли родителей.

Маленький Эр Хэй, как его характеризует автор, был умным и сообразительным юношей, учение ему давалось легко. Отец его, Эр Кун-мин, деревенский оракул, стремился приучить сына к своим занятиям — гаданию по древним таинственным книгам, и односельчанам, приходившим поворожить, очень нравилось, как мальчик, раскрыв старые, потрепанные фолианты, предсказывал им судьбу: уж больно забавно он все рассказывал! Но впоследствии, потеряв веру в волшебную силу отцовских прорицаний и правдивость колдовских книг, Эр Хэй возненавидел ворожбу и перестал верить всем предсказаниям отца. Образ Эр Хэя наделен чертами смелости и отваги. Во время карательного похода японских частей он отличился в бою: убил двух японских солдат, получив за это звание отличного стрелка и награду.

На пути влюбленных Эр Хэя и Сяо Цзин и их супружеского счастья встают многочисленные препятствия. Здесь и сопротивление родителей с их отсталыми взглядами и предрассудками, и злобные интриги недоброжелателей в лице братьев Цзинь Вана и Син Вана, злобных врагов сельских тружеников. В качестве главного возражения отец Эр Хэя выдвигает тот факт, что Эр Хэй родился в день, обозначенный в старом китайском календаре циклическим знаком «металл», а его невеста Сяо Цзин — в день «огня»; поэтому существует опасность того, что «огонь пожрет металл».

Беспощадно высмеивает Чжао Шу-ли ханжество и цинизм «бессмертной Сань Сянь-гу», которая первого и пятнадцатого числа каждого месяца обряжалась в яркие красные наряды и занималась ворожбой, одурачивая крестьян своей шарлатанской магией.

В сражении с мрачными силами суеверия и патриархальными, домостроевскими пережитками, в мужественной борьбе нового против сил старого, отжившего свой век, но еще сопротивляющегося мира, побеждают силы нового Китая в лице Эр Хэя и Сяо Цзин, движимых чувством взаимного влечения, дружбой, любовью и полных жизнеутверждающих сил, здорового оптимизма.

Простая, безыскусственная история о смелом юноше Эр Хэе и его возлюбленной Сяо Цзин, почерпнутая писателем из родника народной жизни, снискала у китайского читателя необыкновенную популярность и любовь. По словам маршала Пын Дэ-хуая, «редко еще можно видеть произведения, подобные этой простой истории, основанной на наблюдении и изучении народных масс». Рассказ «Женитьба маленького Эр Хэя» послужил сюже-

том для бесчисленных постановок и сценических представлений, не сходящих с подмостков деревенских клубов и городских театров в Китае. Рассказ был экранизирован. История Эр Хэя и Сяо Цзин стала любимым сюжетом в репертуаре «шошуды».

IV

Творческий рост Чжао Шу-ли неотделим от роста всей революционной литературы Китая. Огромные сдвиги в общественной жизни страны, всемирно-исторические успехи китайского народа в утверждении своей власти, великие свершения в городе и деревне — все это вдохновляло писателя в его творческом труде, помогало в поисках и создании новых образов и характеров.

В изнурительной и жестокой битве с чужеземными захватчиками, в длительной борьбе, исполненной мужества и драматизма, побеждают народные силы.

Место действия повести «Перемены в Лицзячжуане», вышедшей в 1946 году, — одна из горных деревень в провинции Шаньси, которая на протяжении десятилетий была вотчиной крупнейшего феодала-милитариста Янь Сишаня. Перед читателем проходят картины мужественной борьбы китайского народа против помещичьих сил в деревне, милитаристов, вооруженного вторжения японских захватчиков, картины боев партизанских отрядов и — после восьмилетней кровопролитной войны — победы и торжества народа над японскими разбойниками.

Центральная фигура повести «Перемены в Лицзячжуане» — Те-со — бедняк, прошедший суровый путь от бесправного и разоренного помещичьей эксплуатацией крестьянина до выдвинутого народом руководителя. Те-со в юности покидает свою деревню, становится бездомным батраком. Скитания Те-со позволяют Чжао Шу-ли нарисовать ряд колоритных персонажей гоминьдановской чиновной среды, показать нравы гоминьдановской военщины.

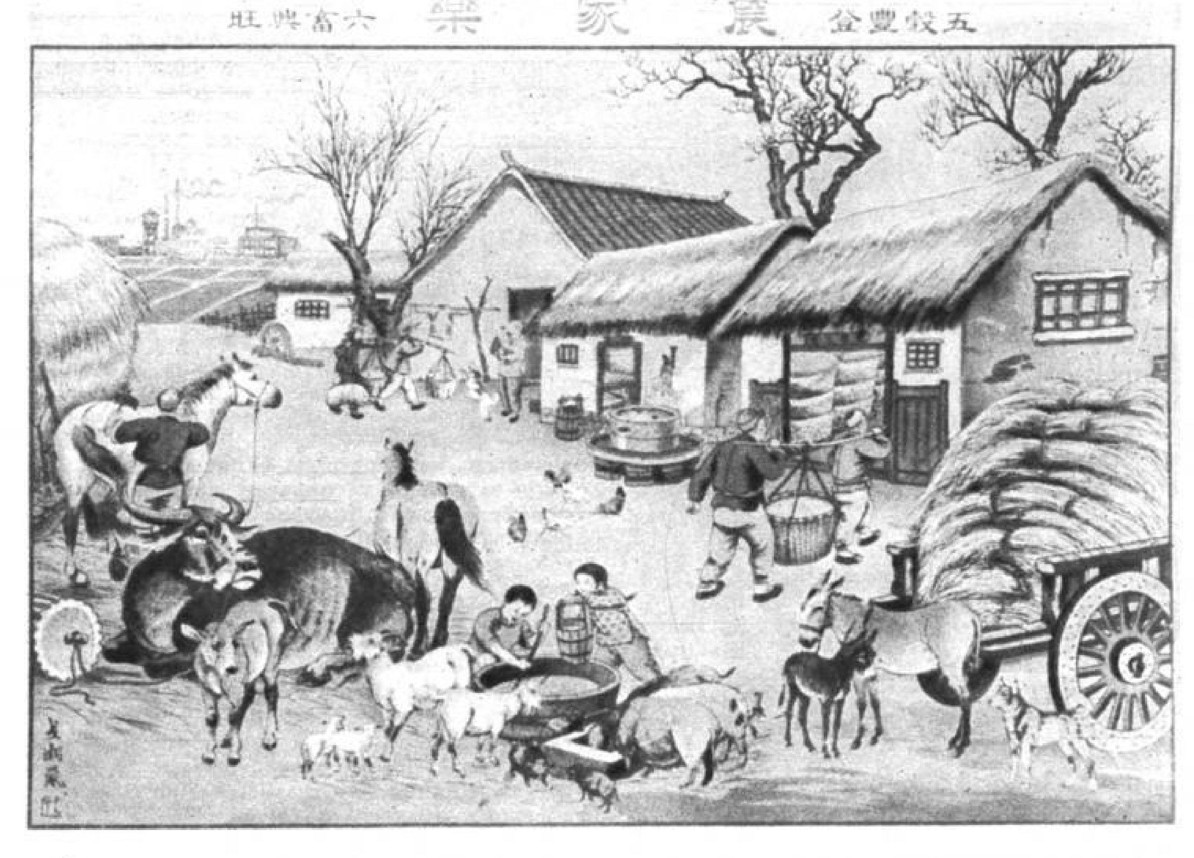
Те-со — яркое олицетворение перемен в китайской деревне. Какой огромный скачок совершен по сравнению с А-кью, этим темным, бесправным и никому не нужным деревенским бродягой, сатирический образ которого был создан великим китайским художником Лу Синем! Времена А-кью прошли навсегда. Если А-кью разделил печальную участь своих соотечественников, ставших жертвой феодального произвола, то на пути Те-со встретился коммунист Чан, который показал ему дорогу в победоносное завтра. В образе коммуниста Чана, с которым духовно сближается Те-со, писатель стремился нарисовать собирательный тип китайского коммуниста, самоотверженно отдающего свои силы и способности служению народу.

— Столкнуть, — говорит Чан, — свергнуть всю эту свору, которая творит беззакония, пользуясь своей силой. Мы, простые, честные люди, должны стать хозяевами своей жизни, и тогда в мире воцарятся правда и справедливость.

— Но кто же может столкнуть их? — спрашивает своего собеседника Те-со.

— Мы сами, надо только, чтобы все действовали сообща, все, как один. Ведь тех, которые наверху, лишь ничтожное меньшинство, — уверенно отвечает Чан.

Не сразу, однако, постигает Те-со смысл сказанного коммунистом Чаном. Те-со потребуется и время для раздумий, и столкновения с врагами, и многотрудные испытания в жизни, прежде чем он станет активным и сознательным участником революционной борьбы. Постепенный и сложный процесс идейного роста своего героя Чжао Шу-ли раскрывает без упрощения, не допуская прикрас, не сглаживая противоречий, не отступая от правды жизни. Писатель раскрывает перед нами тяжкий путь, который прошли китайские батраки, все этапы их движения вперед, отмеченные кровью павших братьев. Спустя пять лет после первой встречи Те-со с коммунистом Чаном бывший батрак становится неустрашимым бойцом, примером для своих односельчан, как верный сын народа и партии.

Гэ Сян-фэн. РАДОСТЬ КРЕСТЬЯНИНА.

Жестокая, кровопролитная война против японского нашествия обнажает то, что удавалось маскировать в условиях мира. Так, в открытой схватке была сорвана маска с злейшего врага трудового крестьянства в деревне Лицзячжуань, вероломного и трусливого помещика Ли Жу-чжэня, ловко выдававшего себя за патриотически мыслящего человека, а на деле легко нашедшего общий язык с японскими захватчиками. В огне сражений рождается верная дружба молодых патриотов Те-со, Лын-юань, Бай-гоу и других смелых людей, которые вступают в ряды народных мстителей — партизанский отряд Восьмой армии, руководимой китайскими коммунистами. Рост и идейное формирование положительных героев показываются в процессе преодоления многих недостатков, родимых пятен, унаследованных от старого эксплуататорского общества.

В повести «Перемены в Лицзячжуане» Чжао Шу-ли показал, как поднимается против ненавистных иноземных захватчиков весь народ, как включаются в священную войну мирные крестьяне, оскорбленные зверствами и произволом японских оккупантов и их приспешников, как китайские юноши и девушки, старики и дети превращаются в грозных народных мстителей. Суд народа над деревенскими угнетателями, деспотически господствовавшими в Лицзячжуане, в частности, сцена правосудия над помещиком Ли Жу-чжэнем,— наиболее сильные, впечатляющие страницы повести.

В образе Чана, живым зарытого в землю гоминьдановскими палачами, автор показал стойкого коммуниста, самоотверженно отдавшего всего себя делу революции.

В повести «Перемены в Лицзячжуане» Чжао Шу-ли ярко показал борьбу китайского народа за освобождение своей земли от китайских и заокеанских поработителей, демократические преобразования наших дней, формирование новых людей и новых общественных отношений.

Великие перемены совершились в Лицзячжуане под руководством лучших сынов народа — китайских коммунистов. «Жизнь в деревне, — говорится в повести Чжао Шу-ли, — пошла совсем по-другому. Был создан крестьянский союз во главе с комитетом бедноты... Разоренные крестьяне, получив землю, воспрянули духом, стали похожи на людей...»

Сильнейшей стороной творчества Чжао Шу-ли является то, что его книги близки и понятны массовому читателю, ряды которого в сегодняшнем Китае множатся с каждым днем. На многих произведениях Чжао Шу-ли написано: «Рассказы для народа».

«Книга эта, — писал о повести «Перемены в Лицзячжуане» Мао Дунь, — является как бы вехой на пути к подлинно национальной литературе».

Повесть «Перемены в Лицзячжуане» не лишена, однако, недостатков. Судя по авторскому замыслу, он стремился показать две различные деревни, два мира, две противоположные системы общественных отношений в китайской деревне. Но если старая деревня, где царил помещичий произвол, бесправие и нищета крестьян, показана Чжао Шу-ли ярко и убедительно, то тема рождения новой деревни и новых отношений, по сути, осталась нераскрытой. Этот пробел автор стремился восполнить в других своих произведениях, посвященных новой китайской деревне.

V

Повесть «Возница Ши Бу-лань», в которой наряду с прозой применяются стихотворные формы, в значительной степени напоминает «Песенки Ли Ю-цая».

Старый возница Ши Бу-лань приезжает на постоялый двор на территории одной из антияпонских баз провинции Хэбэй. Ши Бу-лань рассказывает о своей прежней тяжкой жизни в условиях гоминьдановского режима и японской оккупации. Он вспоминает о засухе 1936 года в родной деревне, о деспотизме помещика Чжу Гуй-тана. Всесильный Чжу Гуй-тан задумал взять 19-летнюю дочь Ши Бу-ланя к себе в наложницы за неуплату аренды. В защиту дочери вступился отец, но разъяренный помещик приказал слуге расправиться с непокорным отцом. Ши Бу-лань остался на всю жизнь хромым и горбатым.

Возвращение Ши Бу-ланя домой совпадает с проведением там земельной реформы. Желая задобрить старого возницу, Чжу Гуй-тан пытается пригласить его к себе в гости. Однако встреча с дочерью, которая рассказала отцу о своей унизительной доле наложницы в доме помещика, помогает Ши Бу-ланю разгадать тайный замысел Чжу Гуй-тана. Для обличения помещика Ши Бу-лань использует общее собрание крестьян, на котором рассказывает о преступлениях Чжу Гуй-тана.

Обложки изданных в Китае книг с произведениями Чжао Шу-ли и критическими статьями о его творчестве.

Собрание крестьян, возмущенных злодеяниями и цинизмом Чжу Гуй-тана, выливается в общественный суд над помещиком. Ши Булань получил дом, повозку и скот, конфискованные у помещика, но он передает их в местный кооператив, а сам начинает работать там возницей.

У повести «Возница Ши Бу-лань» оптимистический финал. Она заканчивается торжественным вступлением Ши Бу-ланя в ряды коммунистической партии на фоне праздничного ликования крестьян, которые радостным массовым танцем «янгэ» отмечают богатый урожай, собранный ими после земельной реформы.

Особого внимания заслуживает новый роман Чжао Шу-ли «В деревне Саньливань», опубликованный в 1955 году в журнале «Иностранная литература».

Появление этого романа, по отзывам китайской критики, явилось большим событием, поскольку это произведение вышло в свет, когда социалистические преобразования в деревне начали бурно переходить на новую, более высокую ступень — коллективную форму организации труда.

«Когда наша страна, — пишет Чжао Шули, — вступила в период социалистических преобразований, большая часть писателей направилась на социалистические стройки в промышленности и сельском хозяйстве. Я хотел писать о деревне и, конечно, должен был поехать в деревню, чтобы понять происходившие там перемены. Весной 1951 года я поехал в Тайсиншань, который хорошо знаю».

Писатель направился в один из местных комитетов партии особого района Чанчжи провинции Шаньси и там узнал, что на местах изучаются многие, далеко не просто разрешимые проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства. Исходя из местных условий, изучив опыт Советского Союза и стран народной демократии, комитет остановился на методе кооперирования и решил в виде опыта создать в своем районе десять сельскохозяйственных кооперативов. Чжао Шули принял участие в этой работе.

На следующий год писатель снова поехал в тот же район. Зимой 1953 года он начал писать. Несколько раз прерывал работу для того, чтобы побывать в других кооперативах, и лишь весной прошлого года роман «В деревне Саньливань» был закончен.

«То, что я пишу, — продолжает Чжао Шули, — по-моему, большей частью предназначено для грамотных людей в деревне, которые могут пересказать прочитанное неграмотным. Поэтому в вопросах стиля мной было обращено большое внимание на традиции... Традиционных форм ознакомления широких масс с произведениями литературы и искусства много: крестьяне слушают пересказ книг, сказ под барабан, слушают чтение классического романа, пение оперных арий, устные рассказы, народные песни, смотрят пьесы; люди, обладающие особым даром, пересказывают другим интересные события, создают песни, которые затем поют повсюду... Я сжился с крестьянами, узнал их привычки — это помогло мне выработать понятный крестьянам стиль. В то же время стиль моего произведения нельзя резко отделять от стиля большинства других современных писателей нашей страны; ведь хотя я и происхожу из крестьянства, но являюсь интеллигентом; моя литературная учеба находится под влиянием не только китайской народной традиции, но и прогрессивной литературы мира — именно поэтому я стал профессиональным писателем и именно на этом пути следует преодолевать недостатки в традиционной китайской народной литературе...»

Роман «В деревне Саньливань» — это своеобразная хроника, рассказывающая о том, как идеи коллективизма овладели сознанием крестьян.

Правдиво создает писатель образ крестьянина Фань Дэн-гао, находившегося в плену частнокапиталистических взглядов и сталкивающегося с новыми силами, новыми суждениями, выразительницей которых является его родная дочь Фань Лин-чжи, член Союза молодежи. Решительная и волевая, Фань Линчжи смело становится на путь новой жизни и соединяет свою судьбу с юношей Ван Юйшэном. Не менее убедительно раскрывается борьба между носителями двух различных мировоззрений: Ма До-шоу, который пытается защищать старый мир феодализма, и его невесткой Чэнь Цзюй-ин и сыном Ма Ю-и. Изображая борьбу нового со старым во всей ее сложности и остроте, писатель показывает, как новое неуклонно побеждает, как приходят к торжеству силы света и разума. И это определяет самый характер романа, проникнутого глубоким оптимизмом, верой в победу новой жизни.

С большой убедительностью в романе показано, как меняется жизнь китайской деревни в результате развития кооперирования сельскохозяйственного производства, применения коллективных форм труда. Движущей силой этих разительных перемен в деревне являются коммунисты и члены Союза молодежи.

Черты нового, жизнеутверждающие идеи, коммунистическое сознание особенно ярко воплощены в образе секретаря партийной организации и заместителя председателя производственного кооператива Ван Цзинь-шэна. Это человек пролетарского склада ума и пролетарского образа действий. Он принципиален, глубоко разбирается в политике, самоотвержен, постоянно движим заботой об общем благе, идеей служения народу. Ван Цзиньшэн — один из многих тысяч китайских деревенских кадровых работников, полностью отдающих себя претворению в жизнь великой задачи социалистического перевоспитания китайского крестьянства. Хорошо зная жизнь односельчан, Ван Цзинь-шэн умело решает вопросы деловых и бытовых взаимоотношений на селе, правильно направляет работу коммунистов, активно способствует перевоспитанию одних, оказывает помощь другим.

Некоторые недостатки романа «В деревне Саньливань» отмечались китайской литературной критикой. Автор опубликованной в журнале «Вэньибао» статьи «Изображение любви, в котором недостает любви» Лу Да, в целом оценивая роман положительно, не без основания упрекает Чжао Шу-ли в том, что в книге упрощенно изображаются личные отношения молодых героев. Критик резонно отмечает, что Чжао Шу-ли не удалось в полной мере показать подлинно волнующие чувства, искреннюю и чистую влюбленность молодых людей, в финале романа счастливо соединяющихся брачными узами.

Характерно, что положительные герои романа «В деревне Саньливань» по своему духовному облику уже значительно отличаются от героев повести «Перемены в Лицзячжуане» — это уже представители новой эпохи, которые идейно выше и более зрелы, чем многие герои ранних произведений Чжао Шу-ли. «Это как раз и является отражением того, — пишет критик Ба Жэнь, — что сегодняшнее преобразование деревни отличается от преобразований периода земельной реформы, является свидетельством того, что преобразования нынешнего дня несут в себе характерные особенности социалистической революции».

Реалистическое раскрытие сложного и трудного процесса пробуждения самосознания народа, постепенного превращения его в борца за свое национальное и социальное раскрепощение придает повествованию Чжао Шу-ли глубоко правдивый характер, убедительную, патетическую интонацию.

Художественное творчество Чжао Шу-ли носит черты неповторимого своеобразия, самобытности. Его повести и рассказы свободны от литературных штампов, шаблонов. В них много действия, лаконичны психологические характеристики персонажей. Для языка произведений Чжао Шу-ли, емкого и сочного, характерны короткие фразы живой разговорной народной речи. Особый успех Чжао Шу-ли следует, несомненно, отнести за счет его глубокого знания сельской жизни, классовых взаимоотношений в деревне, сложности классовой борьбы и отражения этих отношений и этой борьбы в работе кадров, что придает его произведениям высокую идеологическую ценность. Но, с другой стороны, причину его успеха также следует искать в языке его произведений, ибо его язык — подлинный язык народных масс, настолько обработанный и отточенный, что не носит никакого следа искусственности. Произведения Чжао Шу-ли — пример высокой гармонии искусства и мысли.

КИНОФАБРИКА У МОРЯ

Скоро здесь начнется бой Дон Кихота с ветряными мельницами.

Горное шоссе. Знакомый крымский пейзаж: кипарисы, дубки, акации, белые колоннады санаториев. А вот и ялтинская Чайная горка, ставшая... киноплощадкой: в Ялту на натурные и павильонные съемки ежегодно приезжают киногруппы «северных» студий.

Этим летом на территории Ялтинской кинофабрики возникли площадь и улицы Испании XVI века. Это Баратария, «губернаторство» Санчо Пансы, бессмертного персонажа романа Сервантеса. На площади шумела и сновала толпа — ремесленники, торговцы, монахи, знать... В массовках, кроме артистов, участвовали десятки жителей Ялты... Для воссоздания знаменитой сцены из романа Сервантеса — сражения Дон Кихота с ветряными мельницами — высоко в горах, на пустынном, выжженном солнцем плато Ай-Петри были выстроены три большие ветряные мельницы. И здесь Дон Кихот (народный артист СССР Н. Черкасов) вступил в бой с воображаемыми великанами. Кинокартина «Дон Кихот» ставится студией «Ленфильм».

Чего только не увидишь на кинофабрике! К стене прислонен гигантский плуг, которым пахал землю могучий русский богатырь — только недавно здесь закончились съемки фильма «Илья Муромец». Маляр старательно камуфлирует пестрыми пятнами автомобиль, а рядом ожидают отправки в нем артисты в мундирах гитлеровской армии. Это участники одного из эпизодов картины «Без вести пропавший», которую ставит Киевская киностудия. Этот фильм — о событиях Великой Отечественной войны, о людях разных национальностей и убеждений, которых объединяет борьба с фашизмом. Действие происходит в основном в Чехословакии, но сцены снимались в Каунасе и Вильнюсе. Эпизоды, происходящие в лесу между Новороссийском и Туапсе, пришлось готовить не на подлинных местах — был плохой прогноз погоды, — а под Ялтой, в парке Массандры.

Автор сценария, Виталий Закруткин, во время войны бывал в казачьем кавалерийском корпусе, оператор Н. Слуцкий был артиллерийским офицером, постановщик И. Шмарук в годы войны служил в Советской Армии.

В ведущем цехе фабрики — отделе декоративно-технических сооружений — хранятся фотографии эскизов декораций, рабочих моментов, сцен из фильмов, подготовка которых производилась на ялтинской базе: две серии фильма об адмирале Ушакове, «Ромео и Джульетта», «Отелло», «Двенадцатая ночь» и другие.

— Мы можем не только строить декорации для «чужих» студий, но и снимать сами,— утверждают на кинофабрике.— Ведь еще на заре русской кинематографии Ялта выпускала свои картины. Нам нужна съемочная аппаратура.

Старый работник кинофабрики, которой он отдал много лет жизни, Дмитрий Флорианович Соколовский говорит:

— Не случайно одну из первых русских студий создали в Ялте. Чудесная крымская природа: громады гор, берега, изрезанные живописными бухтами, синее-синее море, волны, с пеной разбивающиеся о прибрежные утесы, лес, где будто и не ступала нога человека, парки с мощными деревьями, чудесные дворцы разных стилей и эпох. Самой природой создан здесь выбор любой натуры. Здесь можно снимать и страны Европы и страны Востока, Украину и Кавказ — все, что только пожелаешь. Зимой в горах к услугам киноработников морозная снежная зима, а чуть ли не одновременно внизу, в Ялте, — весенняя, летняя и осенняя натура... А голубизна неба! А солнце! У нас бывает не меньше 260 солнечных дней!

Работники фабрики, от директора до рабочих, мечтают сами выпускать полнометражные картины. И пусть в числе новых фильмов шестой пятилетки будут и созданные возрожденной Ялтинской киностудией.

Т. КУЛАКОВСКАЯ

Площадь Баратария. На съемках фильма «Дон Кихот». Фото Н. Есауленко.

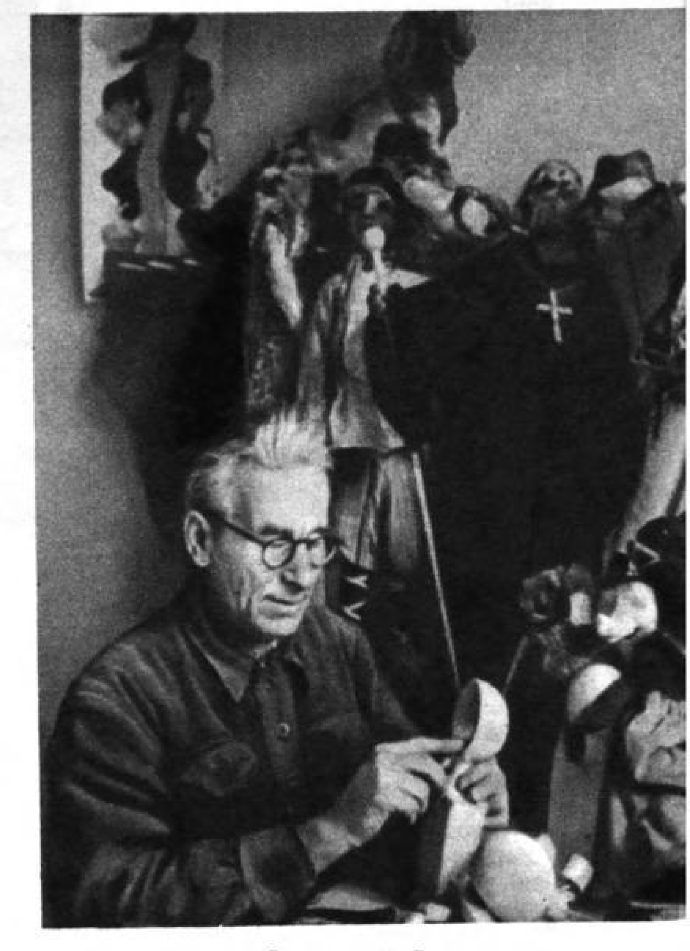
В зале театра кукол. Каждый реагирует по-своему.

Львовский театр КУКОЛ

Львовский театр кукол пользуется немалой популярностью. В его репертуаре пятьдесят постановок для зрителей разного возраста. За десять лет своего существования творческий коллектив показал более пяти тысяч спектаклей. Его актеров и маленьких героев спектаклей полюбила детвора Львова и городов Донбасса, Крыма и Грузии, Краснодарского края, Ровенской, Волынской и Закарпатской областей, где побывал театр на гастролях.

Вот кукла ожила и разговаривает с артисткой К. Авраменко, бессменной исполнительницей роли Буратино.

Посмотрите на эту галерею смешных голов, вылепленных художником А. Столбовым. Это персонажи будущих постановок. Каждый из них имеет свой характер, то добродушный, то полный лукавства и юмора.

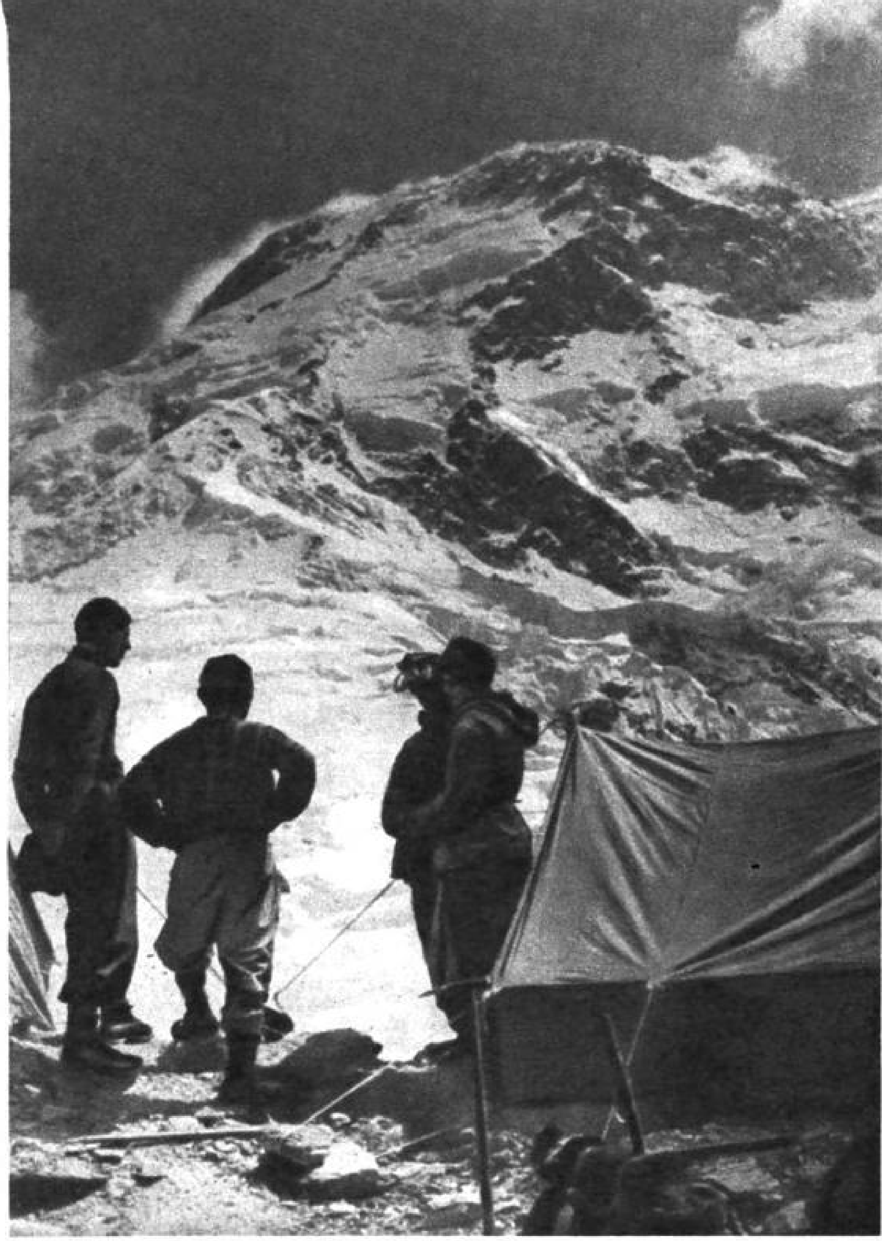
Зрителям иногда разрешается заглянуть за кулисы. Мастер театра М. Гнатовский, создавший множество кукол и декораций, расскажет тогда любознательным экскурсантам, как из точеных кусочков дерева возникает веселый Буратино.

Огорченной маленькой зрительнице показывают по окончании спектакля «воскресшую» героиню.

В. ШУМОВ
Фото Я. ТАБАРОВСКОГО.

Нынешней осенью минуло 25 лет с того сентябрьского дня, когда советские альпинисты впервые поднялись на оледенелый купол пика Хан-Тенгри. Три восходителя экспедиции М. Т. Погребецкого положили начало тому виду советского альпинизма, который носит название высотного. А осенью нынешнего года в этом же районе Тянь-Шаня была завершена длившаяся долгих 18 лет борьба за вершину, почти на полкилометра превосходящую по высоте легендарный Хан-Тенгри. Эта вершина — пик Победы.

У подножия вершины.

К пику Победы

Евг. СИМОНОВ

Фото М. Ануфрикова.

Горы, подобно людям, имеют биографии. История иных вершин оказывается столь скупой, что может быть сведена к нескольким сухим анкетным строкам: столько-то метров высоты, сложены такими-то породами, столько-то восхождений. Но есть вершины, о которых можно рассказать много интересного, и к ним относится гора-великан, раскинувшаяся на два государства. К ней-то и приближался в последних числах июля наш караван: 20 альпинистов, 6 караванщиков и 1 корреспондент.

Проторив тропу через двухкилометровое снежное поле, мы поднялись на тянь-шаньский перевал Тюз. Мир гор раскинулся перед нами. Все здесь было огромно, и хребты, уходящие вдаль один за другим, напоминали валы не знающего границ океана. Мы видели над ними скопления вершин, а у подножия различимые сероватые ленты ледников с ниточками рожденных ими рек, несущих в долины и свежее дыхание гор и зеленоватые краски глетчеров.

Наша экспедиция носила название «Объединенная». Ядром ее были московские спартаковцы. Вот уже десятый год команду альпинистов «Спартака» ведет Виталий Абалаков, жилистый, немолодой уже спортсмен с выдубленной солнцем и ветрами кожей и глубоко сидящими зоркими глазами, и год за годом водружают они вымпелы с вписанным в ромбе «С» на неприступных кручах. На сей раз к этим испытанным горовосходителям присоединились альпинисты Казахстана, уже пытавшиеся штурмовать неприступную вершину пика Победы.

Снег идет.

Наш путь лежал к вершине, которая вплоть до 1943 года скрывала от людей не только свою высоту, но и местонахождение. Эту вершину не раз видели издалека, но когда устремлялись к ней, то стены хребтов, словно ворота крепости, сдвигались, заслоняли ее, как бы обороняя от появления беспокойного и пытливого человека.

Еще восемнадцать лет назад вступили на склоны этого, тогда еще не имевшего имени массива первые альпинисты, но мог ли кто-либо подозревать, что именно здесь, на границе нашей страны и Китая, высится пик, которому будет суждено отобрать рекорд высоты, принадлежавший с прошлого столетия Хан-Тенгри?

...Наш лагерь из двенадцати палаток прилепился на морене у висячего ледника, стекающего с хребта, носящего характерное для этих мест название «Дикий». Мир гор окружает нас. Вот изборожденный километровыми рубцами, следами лавин пик Максима Горького. Вот его сосед — пик Чапаева, а Повелитель Неба — Хан-Тенгри прячется в облака. В час заката, когда одна за другой погружаются в сумерки вершины, розовые отблески последними касаются темени пика Горького, но когда и здесь угасшее пламя заката сменяется пепельными тонами подкрадывающейся ночи, долго еще дрожат мерцающие зарницы на Хан-Тенгри. «Отраженный свет»,— комментирует Боровиков, заслуженный мастер спорта и кандидат физико-математических наук.

Вечером, когда утих наш городок, раскинувшийся на высоте «4150», в воздухе возникло легкое шуршание, будто шелестят над нами сотни чьих-то крылышек. Мы засыпаем под это убаюкивающее шуршание, не подозревая, что будем слушать его теперь и ночь, и день, и еще не одни сутки. Снегопад подкрадывается к нам по-кошачьи, на мягких подушечках, чтобы лишь попозже выпустить свои когти.

Утром лагеря не узнать. Без малого метровый пласт снега закрыл тропу между палатками, сровнял камни, на которых еще вчера принимали солнечные процедуры охотники за загаром. Кто-то уже прокладывает траншею к кухне и радиопалатке, другие поднимают поваленную мачту: невидимая нить радио связывает нас с городом Пржевальском, где за каждым нашим шагом следит радист Петр Сулимов. Он уже предупреждал: надвигается вторжение холодных масс воздуха.

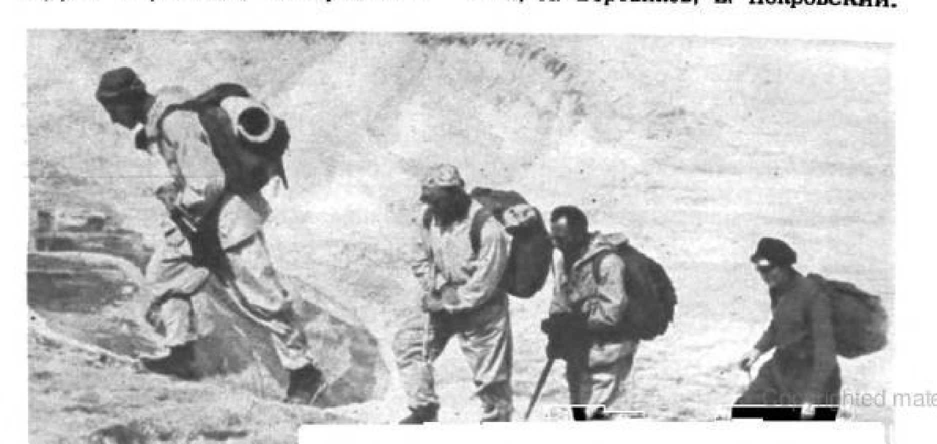
А снег все сыплет и сыплет, и энтузиасту метеонаблюдений Грудзинскому приходится все выше поднимать цифры на рейке, воткнутой в сугроб. Зима в августе! В те именно дни, когда спортсмены в легких майках и трусах обновляют под грохот оваций новый стадион в Лужниках, у нас свирепствует метель и грохочут лавины. А что там, на подступах к пику Победы, куда ушли в первую разведку наши товарищи?

И когда, ныряя и вновь выскакивая из снегового пуха, словно в заплыве баттерфляем, возникают на склоне наши товарищи-разведчики, мы сначала облегченно вздыхаем, а затем по старой альпинистской привычке пересчитываем их, движущихся к нам в покрытых ледяной корой, давно уже промокших насквозь штормовых костюмах.

Вернулись все! Лагерь у подножия пика воздвигнут. Но это лишь первая ступень той огромной лестницы, которую придется поднять выше облаков.

Словно непрерывно действующий конвейер, движутся вверх и вниз «челноки»: несут пуховые

Разведка выходит к пику Победы. Слева направо: В. Кизель, Я. Аркин, А. Боровиков, Е. Покровский.

мешки и стальные крючья, мазь от солнечных ожогов и средства против обморожения, бензин и варенье, бинты и вафли, квадраты невесомого, но отлично предохраняющего от сырости пенопласта и увесистые, утепленные, обитые металлом ботинки-шеклтоны. Да разве можно перечислить все то, что нужно день за днем тащить на своем горбу, чтобы четверть тонны груза было поднято на шесть с лишним километров высоты!

В эти дни лагерь больше напоминал пакгауз, транспортную контору, чем спортивную площадку. Впрочем, один из виднейших знатоков высотного альпинизма, швейцарец Рош, прямо говорит, что высотная экспедиция — это «транспортное предприятие от начала и до конца».

Вечером облака разошлись, и мягкий свет полной луны пролился на вершины, на протоптанную нами тропу. Она идет от Хан-Тенгри к пику Победы, к неведомым еще склонам, где восходителям будут противостоять не только крутизна, не только высота, но и собственная усталость. Ведь с каждым метром подъема все меньше кислорода можно будет получить в разреженной атмосфере, и где-то за порогом шести с чем-то, а тем более семи тысяч метров одна за другой будут вдруг выходить из строя части того единого механизма, что зовется человеческим организмом.

Дневники альпинистов свидетельствуют об этих изменениях на тех высотах, где чернеет кровь, а жадно выпив семнадцать кружек жидкости кряду, человек с удивлением отмечает, что лишь ничтожная, измеряемая несколькими ложками порция влаги покидает его тело. Вслед за нарушениями в физиологии кислородное голодание добирается и до психики, и после взрыва эйфории, как называет медицина неоправданное возбуждение, человеком овладевает неожиданная раздражительность, упадок сил, завершающиеся полнейшим безразличием. И это на отвесах оледенелых скал, на таких склонах, где должно быть выверено каждое движение!

...Снова и снова приходят и уходят из базового лагеря альпинисты. «Челноки» движутся неустанно. Все выше подбирается к поясу верхних скал линия следов, хотя время от времени их снова заметает поземка.

На снежном плато уже темнеет люк. Это вход в убежище первого высотного лагеря. Раздвинув снежные блоки, человек входит — заметьте это, не вползает, как в палатку, а входит — под своды пещеры; сюда не прорваться ветру.

...Попыхивает трубочкой Гусак. Острит, теребя рыжеватые усы, Аркин. Устремивший в снежный купол ясные голубые глаза Кизель, физик по профессии, восходитель по призванию, зам. Абалакова в данном походе, подсчитывает, сколько же еще снаряжения и харчей надо затащить в верхние лагери. Пещера на высоте «5300» до удивления похожа на обжитое, давно уже заселенное жилье.

И так на всем пути — и под навесом гигантского фирнового карниза у отметки «5800», и в мощном снежном надуве на шести тысячах трехстах метрах, и еще выше, вплоть до последнего пункта, того порога, за которым начинается восьмой километр высоты. Люди, очутившись здесь, строились домовито и добротно.

Конечно, куда легче натянуть на дюралевых трубках палатку и расчалить ледорубами оттяжки, чтобы не позже чем через четверть часа нежиться в спальном мешке. Это приятней, чем час и другой работать под леденящим ветром, преодолевая хватающую за глотку слабость. Но в снежной пещере не придется с тревогой прислушиваться к треску раздувающихся, как паруса, палаток.

Первые участники нашей экспедиции прибыли на Тянь-Шань в конце июня. Пошел третий месяц их пребывания в горах, когда они подошли вплотную к высоте семи километров, где должны были соорудить последний, выдвинутый вперед штурмовой лагерь. За ним была вершина!

Туго затянув капюшоны, в толстых пуховых варежках, с посуровевшими, напряженными лицами, сразу ставшими у молодых взрослее, у ветеранов, чего же таить, еще старше, продвигались в безмолвии вперед восходители. Здесь бережешь не только каждое движение — каждое слово, произнося которое выкладываешь какую-то долю тепла и энергии. Даже верхний, самый молодой слой снега скован здесь морозами и плотно утрамбован ветрами. Без ледоруба ни шагу. Сейчас, в полдень, никак не меньше минус двадцати. Можно представить себе, что же творится тут в штормовую погоду!

Уже были выброшены наружу пласты снега из будущей пещеры, когда Абалаков, обменявшись несколькими репликами с Кизелем и Гусаком, коротко, но решительно обронил:

— Хорошенько сложить все грузы. Спускаемся на шесть пятьсот.

— Терять высоту? Чтобы снова набирать ее? — недоумевает кто-то.

— Ничего не поделаешь. С запада прут грозовые тучи. Быть непогоде.

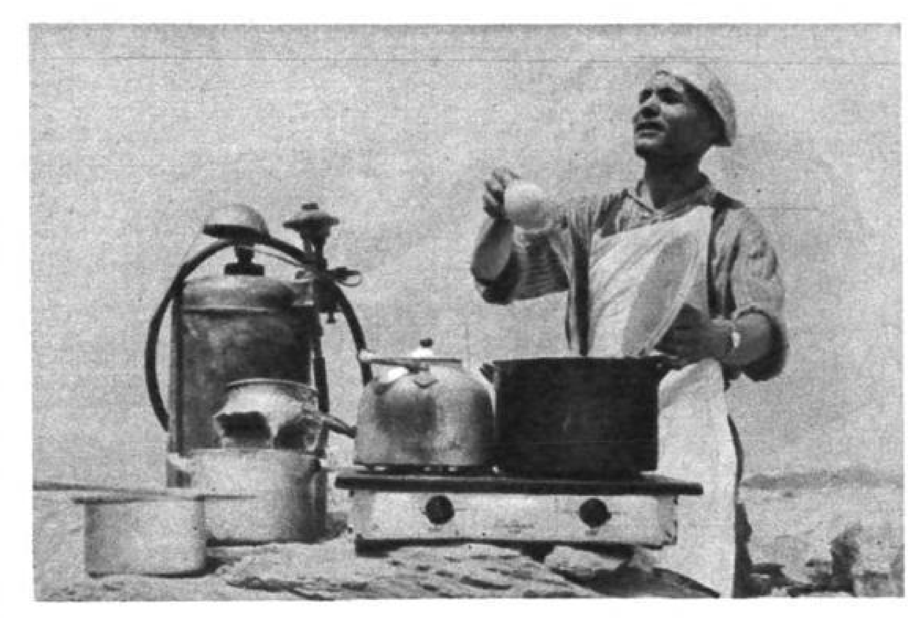
— А разве нет смысла отсидеться здесь?

— Никакого! Пещера не готова, спальных мешков не хватит. Дискуссии после! Живо готовиться к спуску!

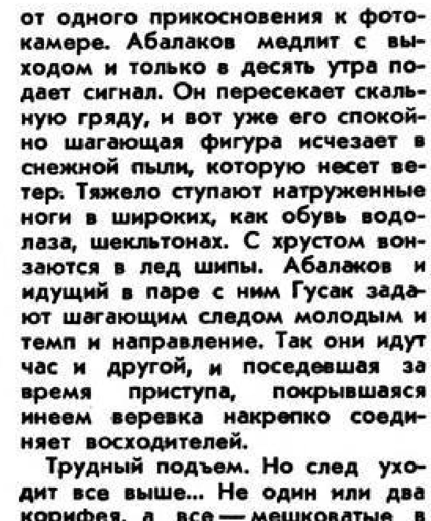
Они спустились во-время. Час, другой промедления — и разыгравшаяся буря накрыла бы их на открытом склоне, подставленном всем тянь-шаньским ветрам. А теперь пусть себе непогода стучится в снежные кирпичи, которыми плотно заложен вход!..

Только на четвертый день Абалаков приказал готовиться к штурму, и всеми в лагере «6500» овладело хлопотливое возбуждение.

Утро 30 августа. Метет поземка. Холод такой, что руки застывают

Повар А. Галиченко доволен: газовая плита отлично работает в лагере на леднике.

от одного прикосновения к фотокамере. Абалаков медлит с выходом и только в десять утра подает сигнал. Он пересекает скальную гряду, и вот уже его спокойно шагающая фигура исчезает в снежной пыли, которую несет ветер. Тяжело ступают натруженные ноги в широких, как обувь водолаза, шеклтонах. С хрустом вонзаются в лед шипы. Абалаков и идущий в паре с ним Гусак задают шагающим следом молодым и темп и направление. Так они идут час и другой, и поседевшая за время приступа, покрывшаяся инеем веревка накрепко соединяет восходителей.

Трудный подъем. Но след уходит все выше... Не один или два корифея, а все — мешковатые в своих пуховых костюмах, с осунувшимися лицами и глубоко запавшими глазами — вступают на купол, выше которого нет ничего ни в этом массиве, ни во всех сорока хребтах Небесных Гор.

Их взошло одиннадцать: конструктор и старший научный сотрудник Виталий Абалаков, кандидаты наук — физик Владимир Кизель и металловед Лев Филимонов, ветераны команды работник Эльбрусской экспедиции Академии наук Николай Гусак, московский педагог Иван Леонов и старший инженер экспериментальной лаборатории Яков Аркин. С ними делят лавры победителей и те, кому лишь несколько лет назад в шхельдинском лагере «Спартака» вручены были значки альпиниста первой ступени: молодой московский художник Юрий Тур, ленинградцы — металлист Петр Буданов и столяр Константин Клецко. Победили вершину и алма-атинский инструктор Урал Усенов и карагандинский горняк Сембай Мусаев. Сильные своей дружбой и единством ребята. Такие разные по профессии, такие общие по цели.

После спуска с вершины пика Победы (слева направо): стоят — У. Усенов, Л. Филимонов, Н. Гусак, И. Леонов, Ю. Тур, В. Абалаков, С. Мусаев; сидят—К. Клецко, Я. Аркин, П. Буданов. Одиннадцатым был на вершине тот, кто фотографировал своих товарищей.

Фото участника штурма В. Кизеля.

Солнечная ванна на высоте четырех тысяч метров, в зоне вечных снегов.

БАЛЕТНАЯ СЕМЬЯ

Солистка балета Большого театра СССР Людмила Литавкина.

Как-то, просматривая сохранившийся с давних времен «Ежегодник императорских театров», артистка балета Большого театра СССР Людмила Литавкина обнаружила: сто лет назад, в сентябре 1855 года, ее прадед Спиридон Александрович Литавкин вступил в балетную труппу Большого театра. С него-то и пошла «балетная династия» Литавкиных. Вначале Спиридон Литавкин был в театре фигурантом — так называли тогда начинающих танцоров, но вскоре стал солистом балета. Впоследствии он вел преподавательскую работу в хореографическом училище.

У Спиридона Александровича было три сына — Сергей, Михаил и Дмитрий,— и все они пошли по стопам отца. Они тоже окончили хореографическое училище и посвятили свою жизнь балету: Сергей выступал на сцене петербургского Мариинского театра, а Михаил и Дмитрий — на сцене Большого театра, где они так и значились в афише: Литавкин 1-й и Литавкин 2-й.

Дмитрий Литавкин — дед Людмилы, — поступив в Большой театр, в первом же сезоне выступал в спектаклях, по свидетельству современников, 61 раз. Состарясь, он по примеру своего отца занялся педагогической деятельностью. После Октябрьской революции Литавкин 2-й создал танцевальную группу и успешно выступал в театрах страны. Умер он в годы Отечественной войны, когда на сцене Большого театра снова появилась Литавкина: это была его внучка Людмила.

...Внучка закончила в этом году свой пятнадцатый сезон в Большом театре, где сто лет назад впервые выступил ее прадедушка. Людмила Литавкина исполняет партии в «Золушке», в «Лебедином озере», «Бахчисарайском фонтане» и других спектаклях.

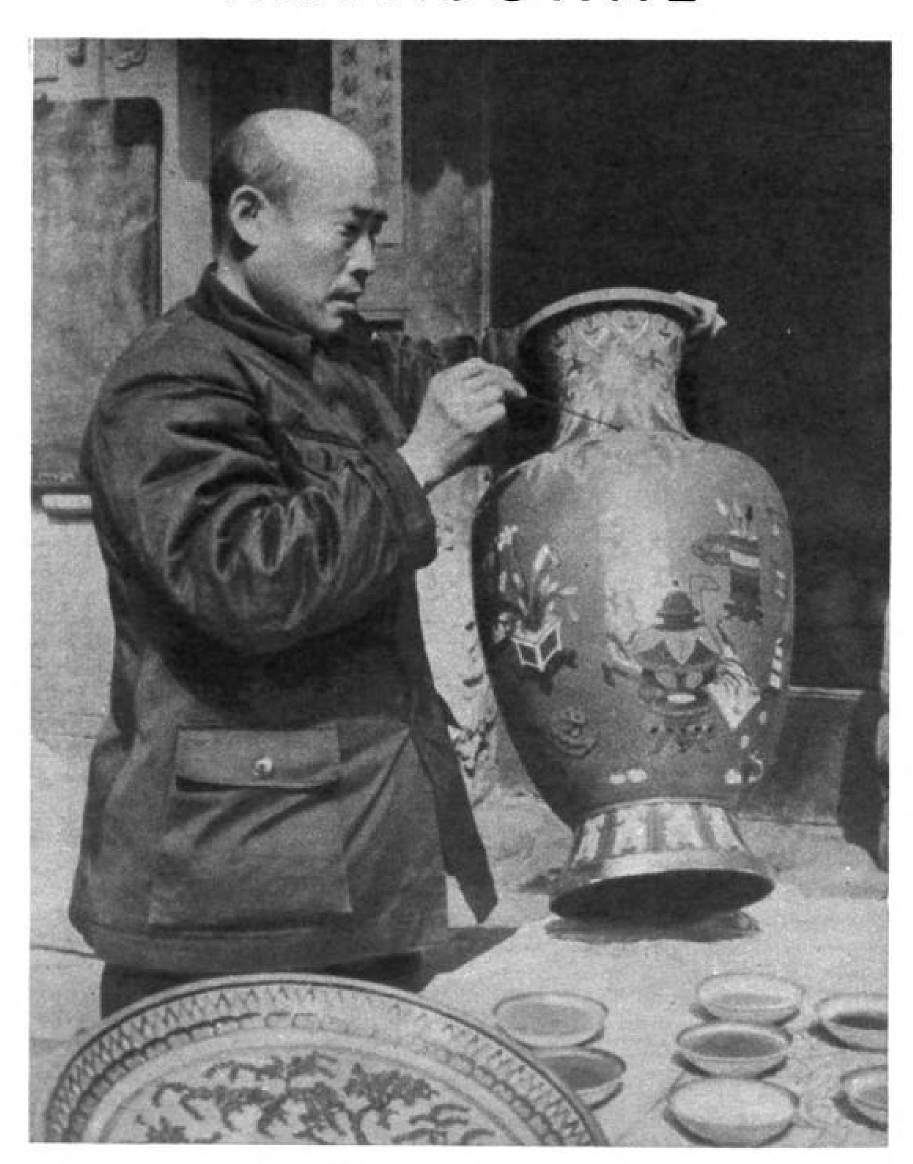
Балерина бережно хранит семейный архив и альбом, оставшиеся от прадеда и деда. Вот портрет Ф. И. Шаляпина, который дружил с дедушкой и часто бывал в этой самой комнате, где к приходу гостя всегда ставилась на стол его любимая гречневая каша. Или снимок совсем еще молодого В. И. Качалова с надписью: «В память о Виленском концерте». Это подарок людмилиной матери — артистке эстрады.

Я. ЛАПИН

Дмитрий Спиридонович Литавкин.

КЛУАЗОННЕ

Мастер Ли Яо-юн работает над вазой перегородчатой эмали.
Фото автора.

Заслуженной славой во всем мире издавна пользуются изделия пекинских мастеров из перегородчатой эмали—клуазонне. Это искусство было наиболее популярным в эпоху Минской династии.

Техника изготовления перегородчатой эмали сложна: на металлическую основу припаивают тонкие латунные пластинки, образующие контур узора, просветы заполняют разноцветной эмалевой жидкостью. После обжига эмаль дает осадку, поэтому заливка и обжиг производятся в три приема. Затем изделие тщательно шлифуют, и, наконец, на металлические перегородки наносится позолота.

После освобождения Китая клуазонне получило там свое второе рождение. Старые мастера, объединившись в кооперативы, сейчас выпускают самую разнообразную продукцию: вазы, курительные приборы, настольные лампы, чаши, тарелки.

Ю. СЕРАДСКИЙ

ПЕВЦЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Откуда-то из-за синих сопок, поросших сосной, доносится песня: «Славное море, священный Байкал...» Мгновение — и мелодия пропала. Сколько мы ни вслушивались, не могли различить ничего, кроме плеска стремительной Селенги да шелеста высоких хлебов, подбегающих прямо к дороге.

Но нет, песня снова слышна, правда, уже другая:

Не шути ты, парень, шуточки
со мной...

Вот из-за сопки показался грузовик, в кузове на лавочках сидели старики и старухи, стояли парни и девушки. Женщины были в старинных русских нарядах, те, кто помоложе,— с множеством крупных бус, с венками на головах, а мужчины — в ярких косоворотках. Песню заводил коренастый старик с широкой, тронутой сединою бородой, в ослепительно белой рубахе, подпоясанной кушаком. Хор подхватывал запев вроде бы и не сразу, но голоса звучали удивительно согласно.

Мы познакомились. Федор Ферапонтович Рыжаков — так звали запевалу — представил нам своих спутников. Оказалось, что это группа участников известного в Забайкалье колхозного хора. Они возвращались с праздника песни Тарбагатайского аймака Бурят-Монгольской АССР.

Издавна славится своими певцами село Большой Куналей. Бережно хранят его жители песенное наследство, доставшееся им от предков, из рода в род передают чудесные мелодии. Поют здесь на свой лад, протяжно и задушевно.

После Октября над древним селом зазвенели новые песни. Любители собирались по праздникам у Федора Ферапонтовича Рыжакова. Грустная старинная мелодия сменялась революционной песней. Больше всего любили петь партизанские песни времен гражданской войны. Не во время ли этих спевок родилась мысль объединить певцов в едином коллективе? С 1935 года занятия хора стали проводиться регулярно. Постепенно коллектив увеличивался, репертуар обогащался. Некоторые песни слагали сами участники. Лука Тимофеевич Лобозеров нот не знал, но умел подобрать на баяне такой мотив, который трогал сердце.

Слава о самобытном русском хоре перелетела через Байкал. Песня «В островах охотник» и другие были записаны на пластинки, выступления хора транслировались по радио.

В 1940 году певцов пригласили в Москву. Колхозники из далекого забайкальского села выступали на сцене Большого театра. Тогда же состоялось первое их знакомство с русским народным хором имени Пятницкого. С тех пор оба творческих коллектива соединяет крепкая дружба.

Певческий коллектив села Большой Куналей, в котором теперь более шестидесяти человек, существует уже двадцать лет. Руководит хором попрежнему колхозник Федор Ферапонтович Рыжаков.

В. ШУСТИКОВ

Семья певцов Рыжаковых. В центре—Ф. Ф. Рыжаков.
Фото А. Истомина.

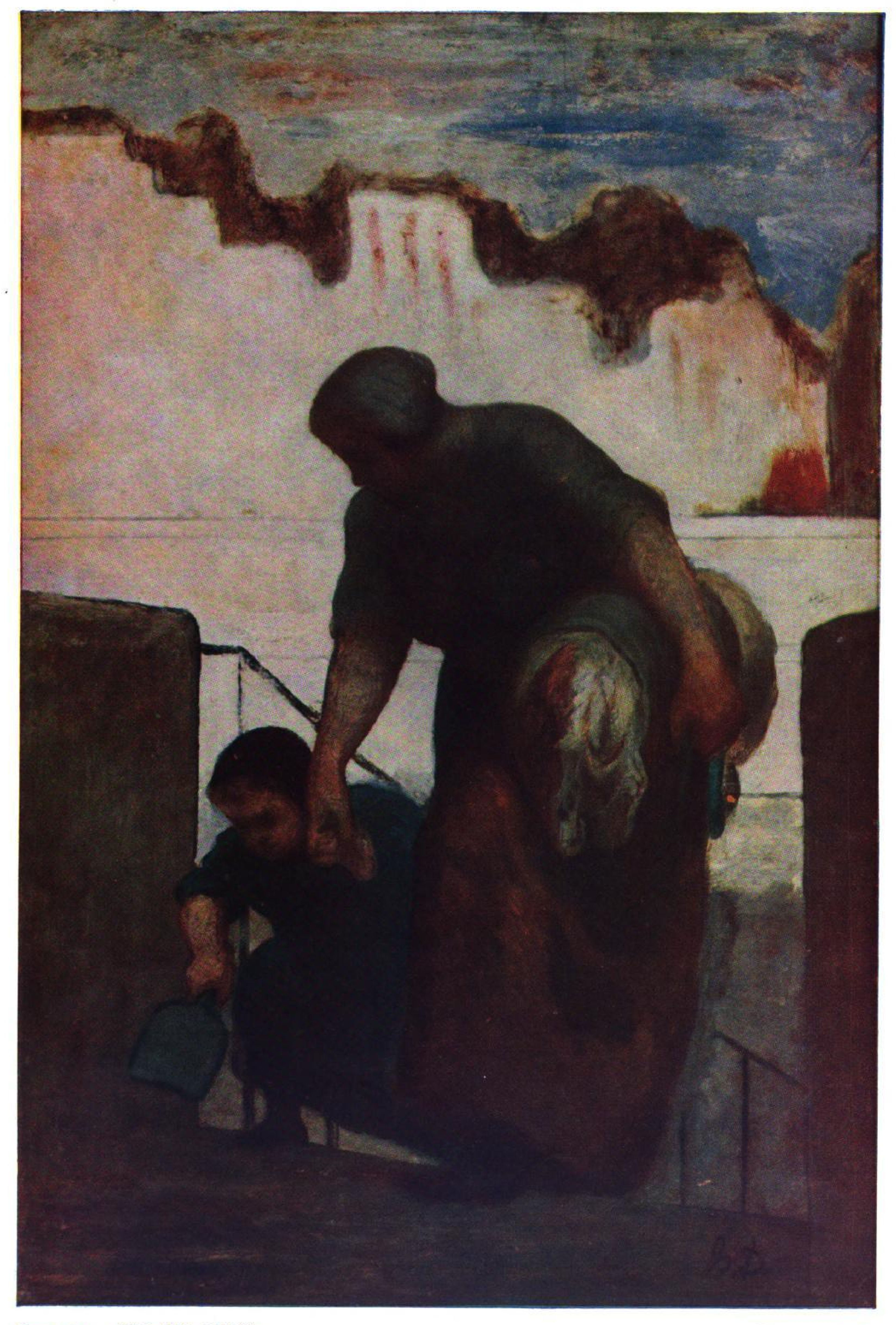
Жан Франсуа Милле (1814—1875). СОБИРАТЕЛЬНИЦЫ КОЛОСЬЕВ. 1857 год.

Лувр.

Густав Курбе (1819—1877). СНЕЖНЫЙ ПЕЙЗАЖ. Около 1867 года.

Лувр.

Оноре Домье [1808—1879]. ПРАЧКА. Лувр.

ПО СЛЕДУ

Д. ХРАБРОВИЦКИЙ, В. ВЕДЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Брайцев встал, прошелся по кабинету и, закурив, внимательно посмотрел на Коваленко.

— Устраивает, — ответил Брайцев и, не давая ему опомниться, задал следующий вопрос: — В котором часу в пятницу вы заступили на смену?

— В ноль часов, можете справиться в табельной.

— А где вы были между двадцатью одним и двадцатью четырьмя часами?

Коваленко насторожился.

— Где был, там уже нет меня.

— Потрудитесь отвечать точно! — повысил голос Брайцев.

— Я отказываюсь отвечать на это.

— Хорошо, оставим пока в покое пятницу. — Брайцев заметно волновался. — А куда вы уходили сегодня с утра?

Коваленко побледнел.

— Почему вы считаете себя вправе влезать в чужую жизнь и так бесцеремонно копаться в ней обеими руками?

— Пока что спрашиваю здесь я! — Брайцева несколько смутил тон Коваленко. — Вы будете отвечать или нет, Коваленко?

— Не буду.

— Отлично.— Брайцев встал из-за стола. — Отлично. В таком случае я сам за вас отвечу. В пятницу вместе с двумя приятелями, один из которых имел на лице шрам...

— Шрам? — переспросил Коваленко и побледнел еще больше.

— Да, шрам. Вот видите, вы уже начинаете припоминать. Итак, вместе с двумя приятелями в девять часов вечера вы взяли у Земляного вала такси и поехали по направлению к Северянину. Там вы ограбили шофера и, возвратившись в город, выбросили его на Третьей Мещанской. Так я говорю?

Коваленко молчал.

— Ночью, примерно в половине второго, заменив на машине номер, — продолжал Брайцев, — ваши друзья приехали на Каширское шоссе, где ограбили квартиру Лосева. Я не стану сейчас останавливаться на подробностях, хотя они нам хорошо известны. Ну, говорить дальше?

Коваленко молчал.

— Что же произошло дальше? Не далее как сегодня в той же компании вы пытались угнать такси. Это было у трехрублевых касс ипподрома.

— Ложь. Все от первого до последнего слова — ложь. Не было этого, — еле слышно произнес Коваленко.

— Было. Все было! И вы об этом не хуже меня знаете.

Он подошел к столу и, взяв заключение дактилоскопической экспертизы, протянул его Коваленко.

— Познакомьтесь, эти отпечатки обнаружены на осколке ветрового стекла ограбленной вами машины. — Брайцев с интересом следил за выражением лица Коваленко. — Увы, мы привыкли прежде всего верить фактам. Факты, как говорят, — упрямая вещь.

— Не может этого быть! — Коваленко дышал так тяжело, как будто ему не хватало воздуха. — Здесь какая-то дурацкая ошибка.

— А это, по-вашему, тоже дурацкая ошибка? — Брайцев подал Коваленко акт биологического исследования пятен крови и вынул из ящика стола пиджак.— Узнаёте?

— Мой, — упавшим голосом сказал Коваленко.

— Вот видите? — Тон Брайцева стал даже ласковым. — Я так и знал, в конце концов мы должны были понять друг друга. Теперь, я надеюсь, дела пойдут веселее.

И вдруг в юноше, сидевшем перед Брайцевым, произошла непонятная перемена. Губы его задрожали, глаза наполнились слезами, и, по-мальчишечьи всхлипывая, он закричал:

— Пишите все, что хотите, пишите! Да, грабил, воровал, убивал, мать родную зарезал, отца задушил!.. Будьте вы все прокляты! Мне все равно, слышите вы, все равно!.. — Он рыдал, закрыв лицо своими тяжелыми руками.

Брайцеву стало не по себе. Он меньше всего ожидал такого оборота.

— Послушайте, я не могу принять всерьез ваше заявление, — стараясь говорить как можно спокойнее, сказал он. — Дело весьма серьезное.

Коваленко плакал навзрыд, вздрагивая всем телом. И снова Брайцева охватило уже знакомое ему двойственное чувство: с одной стороны, факты, с другой... Впрочем, черт его знает, что было с другой! Брайцев задал еще несколько маловажных вопросов, но Коваленко даже не поднял головы.

— Что ж, посидите в коридоре, подумайте, я вас вызову, — сказал Брайцев и отправился на доклад к полковнику.

Ивана Ильича насторожило это внезапное признание. Он тоже почувствовал, что здесь не все ладно. Однако неумолимые факты обусловливали дальнейшие действия, и Северцев скрепя сердце отдал приказ о задержании Коваленко. Так закончился еще один день.

В понедельник с утра Северцев решил сам допросить Коваленко. В кабинет полковника вошел юноша среднего роста, щеки уже успели ввалиться, под глазами появились темные круги.

Северцев, который день назад мельком видел его, поразился столь быстрой перемене. Коваленко был бос, без пиджака. Брюки, лишенные ремня, то и дело спадали, и он неловко придерживал их рукой.

— Хорош! — без улыбки заключил полковник. — В камере пощипали?

Коваленко не ответил.

— Не волнуйся, — успокаивающе сказал Северцев. — Сейчас все будет возвращено.

Просмотрев список заключенных камеры № 14, он приказал привести арестованного Шамшурина.

— Вот что, Бирюк, а вещи-то придется вернуть.

— Невозможно, — нагло улыбаясь, пояснил уголовник, — проиграл в карты.

— Кто проиграл?

— Я, ваше величество!

— Не паясничать! — Это было сказано таким тоном, что даже конвойному стало не по себе. — Вы слышали? Чтобы вещи были! Сейчас же!

— Слушаюсь, гражданин начальник! — И, недобро подмигнув Коваленко, Бирюк скрылся за дверью.

Не прошло и пяти минут, как тот же конвойный принес пиджак, полуботинки, галстук, запонки и носки. Все было в полной сохранности.

Прислонясь к стене, Коваленко надевал ботинки.

— Садись в кресло, тебе же неудобно, чудак, — совсем по-домашнему предложил полковник.

— К арестованным полагается обращаться на «вы», — заметил Коваленко.

— А я к тебе обращаюсь не как к арестованному.— Полковник подошел к Коваленко. — Эх, ты, герой, герой! Ну, садись, что ли, чего уж тут церемониться!

Коваленко сел в кресло. Полковник опустился напротив.

— Чувствую, ты что-то скрываешь от нас. И вроде как будто бы парень ты неплохой...

— Что? Подход пробуете найти. — Глаза Коваленко глядели с нескрываемой злобой. — Бросьте, ни к чему это все, гражданин начальник! Я же признался. Любой протокол дайте. Не читая, подпишу. Что вам еще нужно? Оставьте меня в покое!

— Дурак! — в сердцах произнес Северцев. Они помолчали. — У меня сын такой был. Тоже, как пень, упрямый. Погиб в сорок первом под Гжатском... — Он тяжело выдохнул воздух и как-то весь сник — плечи ссутулились, глаза потухли, и Коваленко почувствовал, как тяжело сейчас этому усталому, уже далеко не молодому человеку.

...Не спрашивая ни о чем, Иван Ильич заговорил о сыне. Он рассказывал неторопливо и подробно о его склонностях и привычках, о ночах на рыбалке, которые они коротали вместе. И в каждом слове сквозило порою трудно уловимое, немного суровое, но неизменно теплое отцовское чувство, то самое мужское тепло, которого все эти годы так не хватало Виктору Коваленко.

Одно откровение порождает другое. Виктору вдруг неотвратимо захотелось открыть этому, в сущности, постороннему человеку свою душу, рассказать о том, чем он не стал бы делиться даже с матерью, хотя считал ее самым близким и, пожалуй, единственным другом.

Да, он был в лагере, но об этом сейчас не к чему вспоминать, было и прошло... Он говорил о девушке, и Северцева поразили какая-то свежесть и глубина чувства, словно откуда-то издалека вдруг пахнуло на него теплым ветром его юности...

История была коротка, она не блистала новизной и заканчивалась печально. Он объяснился девушке, но родители были категорически против; она спросила разрешения у родителей и отказала. Ее отец, преподаватель физики, человек старых правил, не желал и слышать о том, чтобы дочь вышла замуж за амнистированного. Так они разошлись.

— Когда это случилось? — спросил полковник.

— Вчера. Мы встретились в

Продолжение. Начало см. «Огонек» № 40.

двенадцать дня, и она мне сказала...

— И вы провели вместе весь этот день?

— Нет. В четверть первого она ушла.

— А дальше? Ведь тебя целый день не было дома.

— Это опять допрос?

— Мне просто интересно узнать, что было дальше.

— Дальше я бродил по улицам и думал. Иногда необходимо остаться одному. Я думал, что ее отец по-своему прав: мало ли хороших ребят с чистой анкетой?

— Чепуха! — уверенно сказал Северцев и повторил с ударением: — Чепуха!

— Не чепуха, гражданин начальник.

— А почему ты не рассказал следователю того, что говоришь сейчас мне?

— Потому что я не хочу, чтобы ее вмешивали в это дело.

— Ну, а ты сам?

— Мне уже все равно.

— Глупо.

— Не знаю.

— Эх, дорогой ты мой! — Северцев наклонился к Коваленко. — Давай-ка без всяких церемоний говорить о вещах прямо, мы же с тобой не дети. Допустим, я поверил, что ты не причастен к делу, которое лежит на моем столе. Но, согласись, одной только уверенности недостаточно, если ей противостоят факты, свидетельствующие не в твою пользу. Возможно, эти факты базируются на недоразумениях, будем считать их цепью трагических заблуждений, но кто нам поверит, даже мне? Пойми, без тебя мы бессильны установить истину, только ты сам можешь помочь нам. Только ты сам. Ты веришь мне, Виктор?

— Верю.

— Ну вот и отлично! — Полковник улыбнулся. — Первый вопрос: где, как и когда ты поранил руку? Только правду, без всяких фокусов.

— В четверг вечером меня ударили ножом.

— Кто?

— Я его не знаю.

— За что?

— Это длинная история. Она началась еще в лагере...

6

Проходя вечером через внутренний двор угрозыска, Брайцев был остановлен неожиданным зрелищем. У освещенной прожектором машины такси сидел на корточках Иван Ильич и раскладывал на листе фанеры осколки ветрового стекла. Ему помогал эксперт Аркадьев.

— К чему вы затеяли это? — спросил Сергей Васильевич.

— Очевидно, не из праздного любопытства.

— Усомнились в виновности Коваленко?

— Откуда вы догадались?

— А как же быть с фактами? — Брайцев платил полковнику его же монетой.

— Факты нужно анализировать, а не плестись у них на поводу.

Это было довольно нудным занятием — складывать из осколков ветровое стекло. Дело подвигалось медленно, и Северцев ухитрился дважды порезать себе палец. Но все на свете имеет конец, и постепенно очертания стекла на фанере стали принимать все более законченные формы. Лишь кое-где осталось несколько пустых участков, заполнить которые оказалось невозможным: от сильного удара часть стекла разлетелась в пыль.

— Я думаю, достаточно, — сказал полковник, вытирая платком пыльные руки. — А теперь, Аркадьев, давайте-ка сюда наш злополучный осколок.

Увы, для нового осколка, представляющего вытянутый треугольник, на фанере явно не оставалось места.

— Кому понадобилась эта комедия? — поразился Брайцев.

— Меня самого занимает тот же вопрос, — задумчиво произнес полковник, — кому и зачем? И покуда не будет найден ответ, вряд ли мы сдвинемся с места.

Они направились в лабораторию. С помощью качественного спектрального анализа нужно было установить, к какому типу стеклянных изделий относятся тот и другие осколки.

Анализ показал, что исследуемый осколок с пальцевыми отпечатками состоит из сплава полисиликатов, содержащих примеси титана и железа.

— Это — настольное стекло, — заключил Аркадьев. — Как оно могло попасть в автомашину, уму непостижимо!

Наступила пауза. Полковник подошел к окну и стал барабанить по стеклу пальцем. Ночная бабочка, случайно залетевшая в комнату, забилась о стекло. Полковник приоткрыл окно, и бабочка улетела. Потом он резко обернулся к Брайцеву:

— Пройдемте ко мне. Нужно сейчас же переговорить с Коваленко.

— Вы забыли о времени, Иван Ильич, — осторожно заметил Брайцев, — допросы разрешаются только до шести, а сейчас уже, слава богу, четверть двенадцатого.

— Это не допрос. Просто мы проведем с ним вечер вместе. Я даже попрошу, чтобы нам принесли по чашечке кофе.

Вместе с Коваленко они самым тщательным образом стали восстанавливать в памяти все события последних пяти дней. Где он бывал? С кем встречался? О чем разговаривал?

В этом неторопливом экскурсе назад не было незначительных мелочей и маловажных деталей, все интересовало полковника. Наконец, где-то около четырех утра полковник нашел то, что разыскивал с таким упорством.

— Он остановил меня у проходной, — рассказывал Коваленко, — и предложил зайти напротив, выпить по кружке пива. Есть у нас там такая забегаловка. Сели за столик.

— Стол был покрыт скатертью или клеенкой? — как бы между прочим спросил Северцев.

— Нет, сверху лежало стекло. Он сказал, что пришел от имени Урганова, которого я должен помнить по лагерю. Потом сообщил, что собралась группа своих ребят, решивших провернуть дело, о котором Урганов мне рассказывал раньше. Я спросил, на свободе ли Урганов. Он ответил, что это не имеет значения, а главное, друзья его сейчас здесь. И он предложил мне принять участие в этом деле. Я сразу же отказался и объяснил, что веду совсем другую жизнь и такими делами не занимаюсь. Он не уговаривал, а только спросил, сохранился ли у меня план, который давал Урганов.

— Что за план? — перебил полковник.

— Это тоже было в лагере. Когда стало известно, что я выхожу на волю, Урганов начертил мне план, по которому я должен был отыскать человека, чтобы после работать с ним, вернее, с ними, — Урганов говорил, что там целая группа.

— Вы воспользовались планом?

— Собирался воспользоваться, отыскал улицу, даже во двор зашел и вдруг передумал. Потом я где-то потерял эту бумажку.

— Вы помните адрес?

— Названия улицы я не знаю, но показать, если необходимо, смогу.

— А фамилия? Как фамилия человека, к которому вы шли?

— Фамилии не было, я знал только кличку — Скокарь.

— Так, — полковник щелкнул портсигаром и протянул Коваленко папиросы. Закурили. — Простите, я перебил вас. Так что же вы ответили ему по поводу плана?

— То же, что и вам.

— Ну, а он?

— Он сжал мою руку и сказал, чтобы я забыл имя Урганова и дом, к которому приходил.

— Вы говорите, он сжал вам руку. Покажите, в какой позе вы сидели, это очень важно.

Коваленко придвинул стул и сел вполоборота к письменному столу.

— Вот так на столе лежала моя рука, он положил свою сверху. Потом мы встали. В кружке у него оставалось немного пива, и он допил его стоя. Вдруг он закашлялся, и кружка выпала из рук. Стекло на столе разбилось. Появился заведующий, но он выложил пятьдесят рублей, и все утряслось. Я спросил, почему так много: стекло от силы стоит рублей двадцать. Он сказал: «Мы денег не считаем». На прощание он еще раз предложил мне подумать, и я еще раз отказался. Тогда он предупредил, что я пожалею об этом, потому что «вход в блатную компанию стоит рубль, а выход из нее два рубля»...

Было поздно. Коваленко уже устал. Но полковнику, напавшему на золотую жилу, не хотелось так быстро расставаться с ней.

— Когда это произошло? — спросил он.

— В четверг.

— А ножом вас ударили в пятницу?

— Нет, в тот же вечер, когда я был в Загорянке.

Продолжать допрос становилось бессмысленным: у парня слипались глаза.

— Последний вопрос. — Полковник говорил почти умоляюще. — Как выглядел этот человек?

— Обыкновенно: среднего роста, коренастый, в черном пальто, волосы светлые, на левой щеке шрам...

7

Летняя ночь коротка. Когда Северцев с Брайцевым вышли на Петровку, уже начинало светать.

Они медленно шли по направлению к центру. Иван Ильич шутил, и Сергей Васильевич чувствовал, что у его спутника отличное настроение. Для этого было основание: удалось нащупать ту главную нить, с помощью которой вскоре распутается и весь узел. Версия приобретала законченные формы, и полковник без труда изложил ее Брайцеву.

Итак, во время своего пребывания в лагере молодой и неопытный Коваленко попал на глаза матерому уголовнику Урганову. Тот пригрел парнишку, быстро подчинил его своему влиянию, рассчитывая в будущем сделать одним из своих помощников. Как раз в этот период Урганов вынашивал план какого-то нового дела, которое собирался осуществить, когда окажется на свободе. Дабы поразить воображение юноши, он поделился с ним своим замыслом. Но произошло непредвиденное: Коваленко отказался. Он работал, чтобы по возможности сократить срок заключения и таким образом порвать с Ургановым. Тот заметил эту перемену, но не придал ей особого значения. Коваленко нужен был ему не сейчас, и опыт подсказывал Урганову, что есть немало способов, с помощью которых впоследствии легко будет отрезвить юношу, если тот, паче чаяния, совсем отобьется от рук.

Поэтому, узнав, что Коваленко амнистирован, он, не задумываясь, начертил ему план местонахождения «малины» — главной штаб-квартиры его банды.

Но Урганов еще раз ошибся. Перспектива честной жизни оказалась для юноши увлекательнее грязной «романтики» уголовщины: он не пришел в шайку. Более того: каждый новый шаг Коваленко — вечерняя школа, футбол, девушка — оставлял у участников банды все меньше и меньше сомнений относительно его теперешних взглядов на действительность.

Таким образом, в Москве оказался свидетель, посвященный в замыслы Урганова, человек, знающий явки, имеющий возможность в любой момент провалить банду.

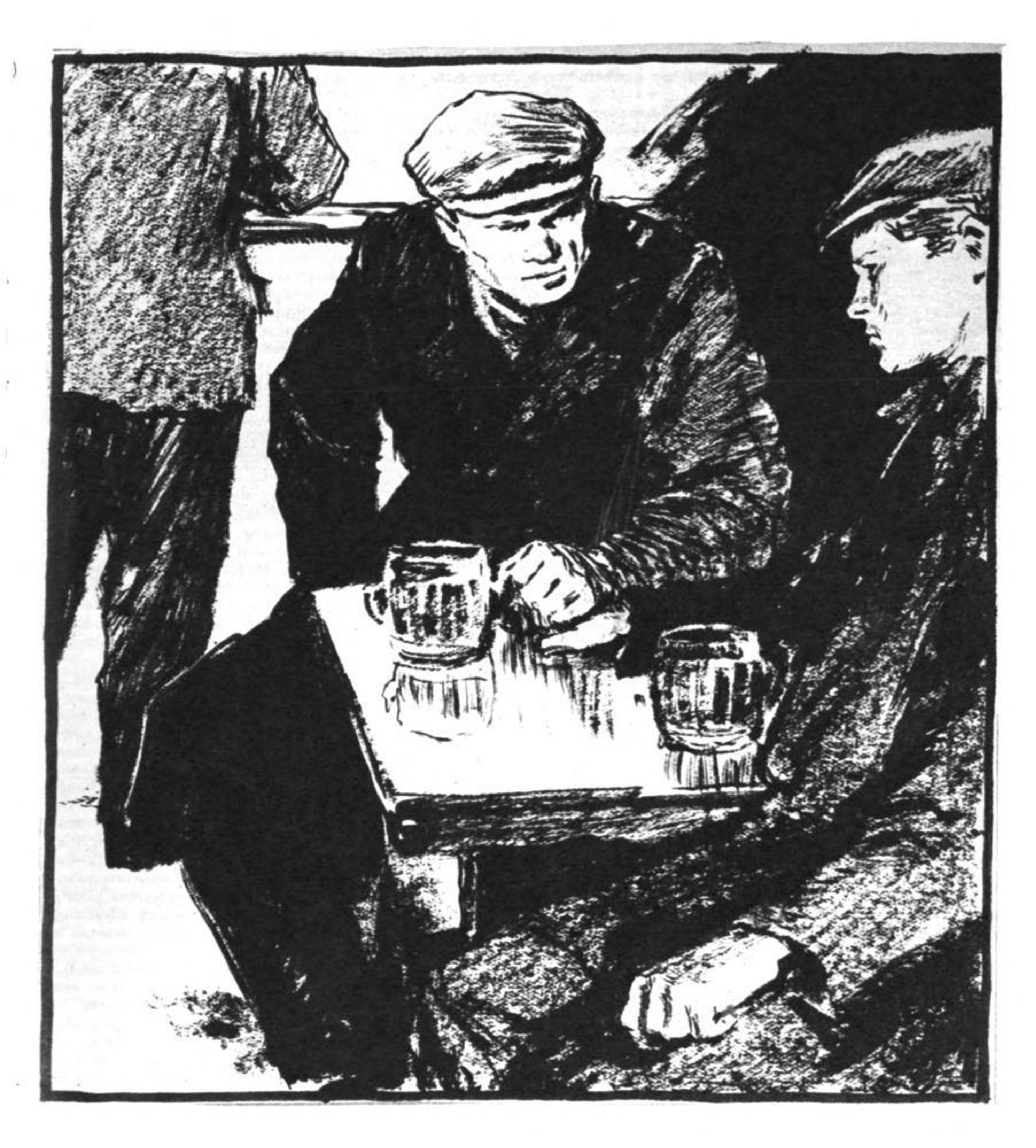
Отчаянные попытки «привести мальчика в чувство» окончились безуспешно. И вот тут-то... Здесь можно было поставить жирный вопросительный знак, потому что дальнейшие действия ургановских молодчиков противоречили элементарной логике.

— Допустим, что удар ножом в Загорянке, — рассуждал вслух Северцев, — был оправданным действием с ясно поставленной целью: устранить свидетеля. Но для чего им понадобилось впутывать Коваленко в историю с такси, подвергать его опасности ареста и ставить под угрозу судьбу всей банды, когда они отлично понимали, что Коваленко на допросе может рассказать все?

— Что ж, — после паузы заметил Брайцев, — вполне возможная версия. Однако у нас с вами нет еще уверенности, что это не просто красиво придуманная легенда. Я помню аналогичный случай в сорок шестом, в Брянске...

— Оставим в покое воспоминания, — перебил Северцев. — Завтра, то есть уже сегодня с утра, вы посетите пивную на Шарикоподшипниковской улице и проверите показания Коваленко. Хорошо было бы найти остальные осколки настольного стекла, даже если для этого вам пришлось бы съездить на городскую свалку. Я возьму на себя Загорянку. Сойдутся концы с концами, — значит, ночью мы проведем операцию по очистке ургановского гнезда.

...Во вторник одним из первых посетителей пивной на Шарикоподшипниковской улице был Сергей Васильевич. Заведующий, представительный мужчина лет сорока пяти, вначале долго не мог

понять, чего, собственно, добивается от него этот вежливый молодой человек.

Да, действительно, случай, которым интересуется товарищ следователь, имел место. Когда? Несколько дней назад. Возможно, в четверг? Именно в четверг, — впрочем, число легко уточнить по акту. А разве был составлен соответствующий акт? Разумеется. Как же можно без акта! Пускай стекло стоит гроши, а все-таки государственная собственность.

— Не сохранились ли случайно осколки стекла? — спросил Брайцев.

— К сожалению, нет. — Заведующий широко улыбнулся. — Скорее всего, их выбросили вместе с остальным мусором в выгребную яму, тут, во дворе. Это уже не первый случай. Тонкое прислали с базы стекло, ни в коей мере не может служить настольным.

Брайцев вышел во двор. Он установил, что яму чистят раз в две недели и последняя машина приезжала за мусором дней десять назад. К великому удивлению заведующего пивной, официантки и жильцов дома по Шарикоподшипниковской улице, Брайцев, сняв китель, полез в выгребную яму.

...Северцев приехал из Загорянки только в начале пятого. На письменном столе его ожидало стекло, привезенное с Шарикоподшипниковской улицы, и акт спектрального анализа.

— Показания Коваленко соответствуют действительности, все сошлось, — доложил Брайцев.

Но Северцев даже не читал акта.

— Не могло не сойтись! — воскликнул он. — Ах, если бы вы только знали, до чего ж это замечательный парень! — Северцев звонко щелкнул портсигаром и с удовольствием затянулся папиросой. — А ну-ка, давайте его сюда!

...Дверь кабинета приоткрылась. На пороге в нерешительности остановился Коваленко.

— Проходи, проходи! — слегка подтолкнул его в спину конвойный.

— Можете заниматься своими делами, Лукин, — весело сказал полковник.

Конвойный не понял. Он продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу.

— Товарищ Коваленко освобождается из-под стражи, — объяснил Северцев. — Давай, Виктор, подсаживайся к нам.

Но глаза Коваленко попрежнему смотрели с недоверием.

— Честное слово, освобождаетесь! — повторил полковник. — Вот чудак-человек, не верит! — И он обернулся, ища поддержки у Брайцева. Брайцев утвердительно кивнул головой.

— Между прочим, — в глазах полковника заиграли веселые искорки, — мы с тобою теперь в некотором роде родня. Я, кажется, отлично справился с ролью свата.

— Вы были там? — Губы юноши сжались. — Вы же дали мне слово не вмешивать ее в это дело!

— А разве я говорил, что вмешал? Я просто съездил, как сват, — и полковник звонко рассмеялся.

— А чем же вы объяснили им свой приезд?

— Просто. Решил похлопотать за друга, вернее, за сына моего старого друга. Короче говоря, батька не возражает.

— А вы не шутите?

— Вот еще, охота была мне с тобой шутить!

Теперь уже рассмеялся Коваленко.

— Так, значит, мне можно идти, Иван Ильич? — Он впервые обращался к нему по имени-отчеству.

— Разумеется, — ответил полковник, потом, немного помедлив, спросил: — Кстати, какие у тебя планы на вечер?

— Увижусь с матерью, в баню схожу и потом к Наташе. А в чем дело-то?

— Видишь ли, Виктор, мы хотели просить тебя, чтобы сегодня вечером ты проводил нас на ургановскую «малину».

— Сегодня не могу. Сегодня я поеду к ней! — упрямо и, как показалось Северцеву, даже зло отрезал Коваленко.

Но полковник не сдавался. Он исподволь начал новую атаку.

— Это в твоих же собственных интересах, Витя, еще немного задержаться тут. Кто может поручиться, что Урганов еще раз не попытается свести с тобою счеты?

— Свободен я или нет? — глухо спросил Коваленко.

— Формально я не имею никакого права далее задерживать тебя здесь. Но чисто по-человечески...

— По-человечески нужно отпустить меня! А что касается Урганова, в конце концов эта история началась не сегодня с утра. До сих пор он меня не слопал. Будем надеяться, что обойдется и впредь.

— Как знаешь, — развел руками Северцев. — Но завтра в десять утра быть здесь! Ясно?

— Ясно, — улыбнулся глазами Коваленко.

— Ступай! Капитан оформит тебе пропуск.

Проводив Коваленко, Брайцев возвратился в кабинет Северцева.

— И все-таки вы зря отпустили его сейчас, Иван Ильич.

— А вы думаете, что можно было содержать его под стражей до окончания следствия? Сколько еще продлится оно? И сколько там человек, в ургановской банде? Кто нам позволит держать хлопца? Никто.

Соединившись с таксомоторным парком, он сообщил, что можно присылать за машиной: она ему больше не нужна. Потом, вызвав к себе лейтенанта Гринюка, поинтересовался, какие новости в шестом таксомоторном. Особых новостей не было; расследование подвигалось туго.

Стрелки часов приближались к шести. Северцев вызвал машину и уехал домой.

...Ночью его разбудил телефонный звонок. Докладывал дежурный по МУРу. На перегоне между Мытищами и Тайнинкой с электрички сорвался юноша. Был ли это несчастный случай, самоубийство или убийство — установить не удалось. Несколько пассажиров и проводник, находившиеся в вагоне, слышали крик о помощи, но, выскочив на площадку, уже не обнаружили никого. Труп был доставлен в Мытищи и сдан в морг районной больницы. На трупе нашли документы, удостоверяющие личность погибшего: заводской пропуск и паспорт на имя Коваленко Виктора Григорьевича, 1935 года рождения.

Полковник застонал и уронил трубку.

Через двадцать минут после телефонного звонка Северцев уже был в Мытищах. Он с трудом отыскал дежурного врача и вме-

сте с ним спустился в подвал, где помещался морг. Морг был совсем пустым. В маленькой больнице умирали редко.

— Вон там, в углу, — указал врач, пропуская Северцева вперед.

В углу, у бетонной стены, слегка позеленевшей от сырости, на железном столе лежало тело, покрытое чем-то белым. Из-под простыни виднелись желтоватые ступни. Они казались неестественно большими.

Северцев подошел к столу, приподнял край покрывала, и тотчас же опустил его. Последняя слабая надежда, что произошло какое-то недоразумение, рухнула. Он узнал это лицо — под простыней лежал Коваленко.

Северцева охватила апатия.

Коваленко был мертв. И вместе с ним исчезла та основная нить, с помощью которой Северцев рассчитывал так легко довести до конца следствие. Он не знал адреса ургановской «малины», и назначенная на завтра облава уже не могла состояться. Он не имел понятия о характере преступления, которое задумывал в лагере Урганов: Коваленко не успел рассказать об этом...

Единственное, что еще оставалось в руках Северцева,— это сам Урганов. И, возвратившись перед рассветом к себе на Петровку, он послал шифрованную телеграмму начальнику лагеря.

В полдень пришел подробный ответ. Алексей Урганов, осужденный к двадцати годам лишения свободы, из лагеря бежал. Ввиду бушевавшей пурги организовать немедленные поиски не представлялось возможным. Однако весной, когда стал таять снег, в тундре, неподалеку от лагеря, был найден обглоданный хищниками человеческий скелет. При исследовании обрывков одежды на поясе кальсон обнаружили вышитую черными нитками фамилию владельца: «Урганов». Скелет погребли на кладбище при лагерном госпитале, и дело Алексея Урганова было прекращено.

У Северцева опустились руки: последняя нить оборвалась. Так закончилась первая версия, оставив много недоуменных вопросов и не пролив никакого света на существо дела.

8

Два ограбления, убийство Коваленко, угон такси — это уже было слишком. Вечером Северцева вызвали к руководству. После весьма неприятного объяснения он возвратился к себе и заперся в кабинете.

Что делать дальше? Он не мог ответить на этот вопрос. Обычная уверенность в своих силах теперь покинула его. Почва уходила изпод ног, и он тщетно искал вокруг спасительную точку опоры.

— Вспомните хорошенько, — спросил он Брайцева, — вы никому не рассказывали историю Коваленко?

Вопрос был праздным. Сотрудники угрозыска вообще не отличались болтливостью, тем более на столь щекотливые темы.

— Я все время думаю, — продолжал Северцев, — каким образом за пределами тюрьмы стало известно о показаниях Коваленко? Возможность самоубийства я отбрасываю сразу же: собираясь жениться, люди обычно не кончают с собой. Несчастный случай тоже маловероятен. Вот акт анатомического исследования. Как показало вскрытие, Коваленко был трезв. Значит, почти несомненно, он убит, и это убийство было подготовлено заранее.

Брайцев осторожно попробовал изложить свою точку зрения. При создавшемся положении первое, что нужно было сделать, — это установить каналы, по которым сведения о Коваленко проникли за пределы уголовного розыска. Таким образом, исследуя связь за связью, Брайцев рассчитывал добраться до самой банды. Несмотря на сложность и длительность предложенной операции, за неимением ничего лучшего, Северцев согласился.

С чего же начинать? Естественно, что первым объектом для поисков решили избрать камеру № 14, где среди других подследственных лиц еще сутки назад сидел Виктор Коваленко.

Полковник отдал приказ приносить ему на просмотр всю переписку камеры № 14. В четверг ничего подозрительного обнаружить не удалось. А в пятницу стало известно: камера № 14 уже знала о том, что Коваленко убит.

Тогда Северцев решил применить обходный маневр. Кроме профессиональных уголовников, в камере № 14 находился состоящий под следствием председатель одной мелкой артели, арестованный за различные махинации в области производства бытовой резинки. Он почти ежедневно сочинял пространные петиции, сетуя на тяжелые условия и невыносимое общество. Северцев взял одну из таких петиций и пригласил автора к себе.

— Мне поручили разобраться, что там у вас происходит, — сказал он скучающим, безразличным тоном.

Значительная часть показаний не представляла интереса для Северцева. Но Северцев заранее запасся терпением. Он знал: дойдет очередь и до истории с Коваленко. И не ошибся.

— А по ночам, — рассказывал уже успевший вспотеть председатель артели, — один из этих типов имеет привычку перестукиваться с соседней камерой. Я, как интеллигентный человек, вообще не привык спать на нарах, а тут еще этот бесконечный стук.

— Кто именно? — впервые перебил Северцев.

— Не знаю. У всех там какието дикие клички. Я не запоминаю их.

— Продолжайте.

— Сегодня, например, стали стучать из соседней камеры, и тот же самый тип, о котором я уже рассказывал, собрав вокруг себя своих друзей, таких же головорезов, как и он сам, о чем-то долго перешептывался с ними. Но я слышал их разговор. Я притворился спящим. В камере так скучно: каждая новость интересует тебя.

— Что же вам удалось узнать?

— Так, пустяки. Впрочем, это даже не имеет отношения к предмету нашего разговора.

— Нет, говорите.

— Извольте. Они говорили, что юноша, который сидел вместе с нами, кажется, Коваленко, если не ошибаюсь... Должен сказать, что я ничего к нему не имею, очень приятный и даже корректный юноша. Так вот, оказывается, Коваленко убит за то, что якобы выдал каких-то там своих сообщников. Простите, это правда?

— Правда,— подтвердил Северцев. — А что касается причин, не могу сказать, просто не в курсе дела.

Помолчали.

— Так вы говорите, что это сообщение поступило из соседней камеры? — решил уточнить Северцев.

— Совершенно верно. Перед этим они как раз перестукивались. Но мы отвлеклись...

— Нет, достаточно. — Северцев встал.

— Позвольте, я же не рассказал главного! Они там собираются играть на меня в двадцать одно! Они...

— Достаточно, — повторил Северцев. — Вас переведут в другую камеру. Без уголовников...

...Камера № 14 была по коридору крайней и справа не соседствовала ни с кем. Оставалась левая камера под номером 13. Она была небольшой — всего на три человека.

Не откладывая дела в долгий ящик, Северцев тут же выяснил, кому из заключенных этой камеры была сегодня вручена передача или письмо. Спустя десять минут он уже знал фамилию: Гонтарь. Это был квартирный вор, имеющий за плечами длинный хвост судимостей.

Дальнейшие оперативные мероприятия также не представляли особых трудностей. Без всякого предупреждения, в неурочный час, трое заключенных были выведены на прогулку.

В их отсутствие камеру обыскали. В щели между стеной и нарами Брайцев обнаружил изорванное в мельчайшие клочки письмо. Когда их сложили, они оказались отрывком письма. Фраза гласила: «Николай просит передать благодарность Бирюку, и скажи ему, что мальчик расшибся».

— Есть! — хлопнул по столу Северцев. — Есть, — повторил он упавшим тоном. Даже его, видавшего виды, потряс неприкрытый цинизм написанного.

...Цепочка начинала вырисовываться. Она выглядела примерно так: Бирюк — Гонтарь — затем какой-то его корреспондент, связанный с безусловно интересующим следствие Николаем.

С письма была снята фотокопия, потом Брайцев аккуратно собрал обрывки и, чтобы не вызвать подозрений у Гонтаря, водворил их на прежнее место. После этого заключенных вернули в камеру.

Теперь нужно было установить личность автора письма и его связи. Судя по почерку, писала женщина.

Выяснилось, что Гонтарь не получал писем по почте. Записки шли вместе с передачей. Передачи приносила мать или сестра.

Гонтари жили в одном из тихих переулков, примыкающих к Таганской площади. С помощью участкового уполномоченного Северцев установил, что в семье есть ребенок — сын Марии Гонтарь; мальчик недавно перенес операцию аппендицита и находится в детской районной больнице.

Раз в неделю, по воскресеньям, лечащие врачи больницы встречались с родителями. Дарья Захаровна Гонтарь, бабушка, воспитывающая шестилетнего Юру, была хорошо знакома с палатным врачом Елизаветой Петровной. Поэтому ее крайне удивило, когда Елизавета Петровна не стала разговаривать с ней и попросила зайти к заведующему отделением.

Он принял Дарью Захаровну в своем кабинете и оказался на редкость приветливым и душевным человеком. Доктор был уже не молод, редеющую шевелюру посеребрила седина, глаза смотрели внимательно и добро.

«Господи,— подумала она,— наверное, с Юркою худо!..» Сердце ее забилось часто-часто.

— Не волнуйтесь, — поспешил предупредить доктор. — Ваш внук чувствует себя прекрасно.

— Слава богу! — произнесла она одними губами.

Она сидела по-старушечьи прямо, сложив на коленях руки, и ждала: зачем же ее пригласил к себе этот важный врач?

— Вот Елизавета Петровна жаловалась мне, что ей ни разу не приходилось разговаривать с матерью Юры. Разве у мальчика нет родителей?

— Я ему мать! — сердито ответила бабушка.

— Ребенку уже шесть лет. Он все понимает, — продолжал доктор. — И, естественно, ему обидно видеть, что соседей по палате навещают чуть ли не каждый день, а его мать не была здесь ни разу.

Удар был рассчитан верно и достиг своей цели.

— Разве ж она ему мать? Она... Вот кто она такая! — У нее вырвалось грубое, оскорбительное для женщины слово, и тотчас же, испугавшись своей дерзости, она опасливо подняла глаза на врача. Но лицо его попрежнему было спокойным, как будто ничего особенного не произошло. И это понимание, это молчаливое участие, которое порою действует сильнее самых горячих слов, окончательно сломили Дарью Захаровну Гонтарь. И, сама не понимая почему, она стала рассказывать этому, в сущности, совершенно незнакомому ей человеку всю свою жизнь, все свои горести и печали, не приукрашивая и не тая ничего.

Из этого рассказа Северцев почерпнул многое. Он узнал, что Мария Гонтарь давно уже ведет бездумный и разгульный образ жизни. Даже сама Мария затрудняется сказать, кто приходится отцом Юре. Все это объясняется влиянием брата, появляющегося дома от тюрьмы до тюрьмы. Марию посещают его приятели, которые приходят так же внезапно, как и исчезают. Вот и сейчас дочь встречается с каким-то Николаем — мрачным, нелюдимым типом, которого даже сама Мария боится...

— На какие же средства вы существуете? — не без умысла спросил Северцев.

— У меня пенсия, а она... талоны продает в ГУМе, — простодушно ответила Дарья Захаровна.

— Какие талоны? — Иван Ильич сделал вид, что не понял ее.

— Известно, какие: выписывает чек, а потом продает его, кому очень нужно, — какой за пятнадцать рублей, а какой и за полторы сотни. Это смотря по товару.

— Вот что, пускай она завтра придет ко мне. С утра я сам поговорю с ней! — категорически заявил Северцев. — В самом деле, на что это похоже, чтобы мать так безразлично относилась к ребенку!

— Не придет она. Не придет. Разве ж я ей не говорила?

— А вы солгите на этот раз. Вы скажите, что с сыном очень плохо.

Продолжение следует.

НОВОЕ В РЯЗАНИ

Учитель купленской средней школы А. С. Денисов (справа) показывает секретарю Рязанского обкома КПСС А. Н. Ларионову (в центре) выведенные им гибриды кукурузы.

В Рязани открылась областная сельскохозяйственная, промышленная и строительная выставка, на которой демонстрируют свои успехи труженики области.

Вот несколько цифр: за три года поголовье рогатого скота увеличилось в области более чем на 73 тысячи голов, число свиней возросло в 2,5 раза, овец — на 70 процентов. Удои молока на 1 сентября достигли 2 410 килограммов на каждую фуражную корову против 1 618 килограммов за тот же период в прошлом году.

По посевам картофеля область заняла второе место в РСФСР. Урожай в этом году очень хороший.

Большой интерес у посетителей выставки вызывает Мещерский павильон. В нем показаны первые итоги работ по осушению и освоению заболоченных земель, рассказано о перспективах этих работ. Задачи поставлены огромные: осушить 100 тысяч гектаров болот, улучшить 140 тысяч гектаров лугов и пастбищ. Уже осушены первые 10 тысяч гектаров, распахано целины более 6 тысяч гектаров, прорыто 485 километров каналов.

Мы познакомились с председателем колхоза имени академика И. П. Павлова, Солотчинского района, земли которого расположены в Мещерской низменности. И. К. Прошляков — тридцатитысячник, в прошлом преподаватель Рязанского сельскохозяйственного института имени П. А. Костычева — рассказал нам:

— Наш колхоз до минувшего года был одним из самых отсталых в области. Почва — голый песок и болота. У нас почти ничего не родилось. Полянская лугомелиоративная станция занялась осушкой болот. Мы получили 309 гектаров осушенной земли. Израсходовали на осушку и освоение по 1 500 рублей на гектар, а доход получили более 7 тысяч рублей с гектара. Вот и посчитайте, сколько мы заработали. Колхоз берет по 60 тонн капусты с гектара и по 28 тонн картофеля.

Свыше четырех тысяч выпускников средних школ работает в колхозах доярками, свинарками, телятницами, механизаторами, пастухами, овощеводами. Молодежь вносит в работу много инициативы и добивается отличных результатов. Вот пример. Семнадцатилетняя доярка колхоза «Победа», Рязанского района, Зина Щербакова надоила от каждой из своих десяти коров свыше 5 тысяч килограммов молока. Зарабатывает она в летний период по 2 тысячи рублей в месяц, а зимой — по 1 тысяче рублей.

На выставке хорошо представлена промышленность. Рязань становится крупным промышленным центром страны. В шестом пятилетии она получает более 20 новых предприятий, часть из которых уже частично вступила в строй. Посетители выставки видят высокопроизводительные станки и автоматы, сделанные на новых станкостроительных заводах, счетные машины, электровакуумные приборы, продукцию предприятий пищевой и местной промышленности. Крупные блоки и строительные детали производят два мощных завода железобетонных конструкций.

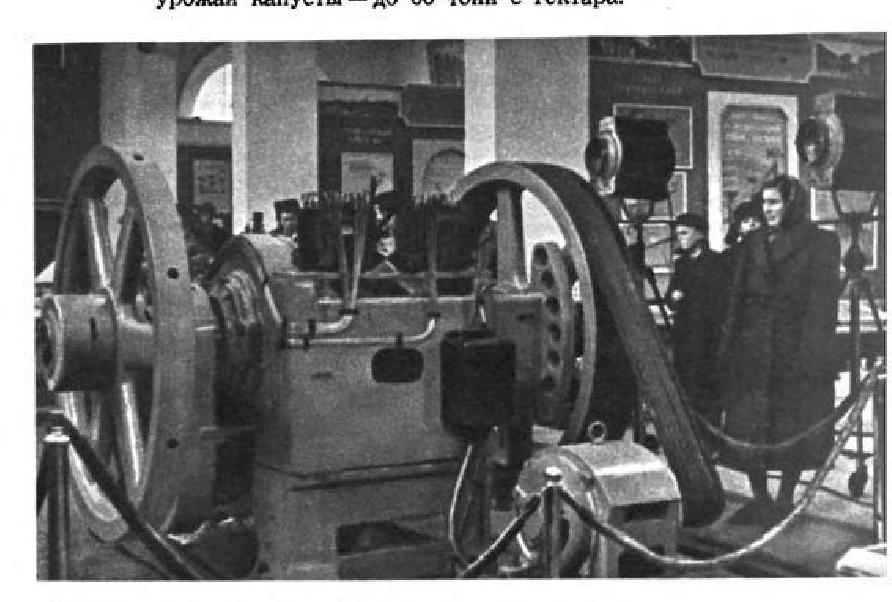
На других стендах мы узнаем о том, что в нескольких районах области найдены мощные запасы угля и что уже начато строительство пяти шахт. В Кораблинском районе вырастет город угольщиков на 50 тысяч жителей.

Выставка свидетельствует о быстром и всестороннем развитии области.

М. АМШИНСКИЙ

Председатель колхоза имени академика И. П. Павлова И. К. Прошляков. На полях его колхоза выращен богатый урожай капусты — до 60 тонн с гектара.

В павильоне «Рязань». Холодно-высадочный автомат для крупных болтов, изготовленный на заводе тяжелого кузнечно-прессового оборудования.

Фото В. Тёмина.

Астрофизическая обсерватория в Бюракане

В 35 километрах от Еревана, в селе Бюракан, вырос научный городок. Здесь, на склонах горы Арагац, на высоте 1 500 метров над уровнем моря, расположились сооружения астрофизической обсерватории Академии наук Армянской ССР. Среди зелени и цветов — главное здание и три башни, увенчанные блестящими полусферическими куполами из полированного алюминия. Большое впечатление производят антенны радиотелескопов для улавливания радиоизлучения, приходящего из космического пространства.

В скором времени начнется сооружение объектов второй очереди обсерватории. Среди них еще одна башня для большого телескопа системы Шмидта, который будет вторым по величине инструментом этого типа в мире.

Недавно состоялось открытие Бюраканской обсерватории. На торжественном заседании выступил основатель и бессменный ее руководитель президент Академии наук Армении академик В. А. Амбарцумян. Он рассказал об основных направлениях в работе этой одной из крупнейших в мире обсерваторий и о стоящих перед ее коллективом задачах. За прошедшие десять лет В. А. Амбарцумян и его сотрудники осуществили большие исследования. Огромное значение для современной космогонии имеют открытые в Бюракане так называемые звездные ассоциации — группы звезд, сформировавшиеся сравнительно недавно. Учение с звездной ассоциации, развитое Амбарцумяном, стало началом нового, весьма плодотворного научного направления в космогонии.

После заседания состоялся осмотр научного городка. Советские ученые и гости из Китая, Мексики, США, Франции, Югославии подробно ознакомились с инструментами обсерватории и ее работами.

В Бюракане открылась научная конференция по изучению проблемы нестационарных звезд, то есть звезд, находящихся в неустойчивом состоянии. Некоторые из них представляют собой новые образования. В работе конференции приняли участие зарубежные ученые.

П. КУЛИКОВСКИЙ,
кандидат физико-математических наук.

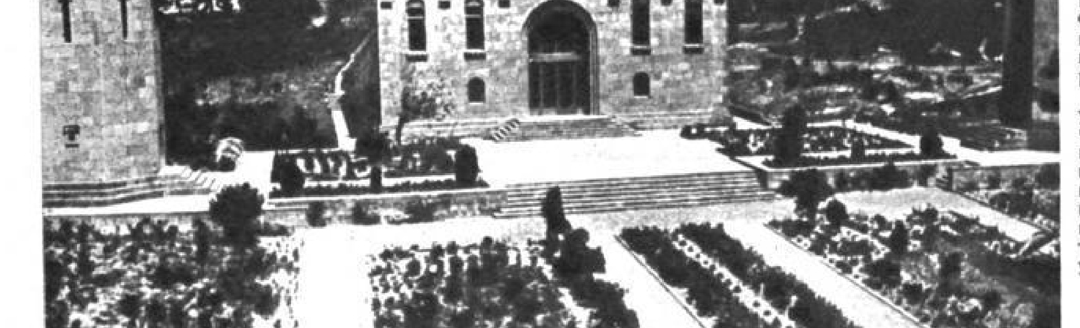

Фото В. Амаляна.

Лауреат Международного конкурса пианистов

Закончился Международный конкурс пианистов имени Ференца Листа в Будапеште, посвященный памяти великого венгерского композитора. Первая премия присуждена молодому советскому пианисту Л. Власенко, воспитаннику, а ныне аспиранту Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского (класс Я. Флиера).

А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

Инспектор по технике безопасности вывел Сергея Ильича из равновесия. Сергей Ильич раскричался, почти выгнал его из кабинета и теперь мучился этим. Он был еще очень красен, когда к нему вошел начальник снабжения Голубихин, юркий и краснощекий старичок.

— Экая у вас духотища! — бодро, но с некоторой осторожностью воскликнул он.— Придется поухаживать за вами.

Голубихин раскрыл окно и, не спуская глаз с начальства, сел в кресло.

— А напрасно вы, Сергей Ильич, поссорились с инспектором! Он вам устроит пакость.

— Какую еще пакость? — возразил Сергей Ильич.— Оштрафовал на триста рублей, чего еще?

— Ну нет, знаете ли... На этом он не успокоится. Я эту публику очень хорошо знаю. Чем мельче инспектор, тем опаснее. Старая истина! С ними можно только лаской. А лучше бы всего поставить ему пол-литра водочки.

— Глупости вы говорите! — сказал Сергей Ильич и брезгливо поджал губы.

— Какие глупости! За минусом питейных издержек триста рубликов останутся в кармане, и будет у вас на всю жизнь дружок — инспектор по технике безопасности. А для главных инженеров эта техника самая опасная.

— Неужели вы думаете, что этот... как его, Корольков, после всего, что сейчас тут произошло, стал бы пить со мной водку?

— Корольков-то? Да его по носу видно! Только поманите бутылкой — и будет он тут как тут, как сивка-бурка, вещая каурка. Не верите? Одну минуточку, он еще, кажется, ходит по стройке.

Сергей Ильич не успел ничего сказать, как Голубихин выбежал из кабинета.

Став главным инженером строительства, Сергей Ильич начал усиленно, хотя и не очень успешно, бороться со своей вспыльчивостью. И каждый раз после очередной вспышки он накладывал на себя нечто вроде морального взыскания. Обычно, если жертвой его несдержанности бывал подчиненный, он извинялся перед ним в самых пространных и недвусмысленных выражениях. Часто не ограничивался и этим и еще долгое время потом при встрече начинал со слов: «Я виноват перед вами». Если же это бывал кто-либо из его начальников — а от вспышек Сергея Ильича никто застрахован не был,— он превращался в тихого, почти робкого подчиненного, правда, на такое время, какое казалось должным только ему одному.

Так и теперь. Сергей Ильич дал себе слово извиниться перед инспектором при первой же встрече и штраф не опротестовывать, как он объявил ему, а считать справедливой карой за несдержанность и деньги завтра же отнести в банк. Приняв такое решение, Сергей Ильич успокоился и раскрыл было альбом чертежей, лежавший перед ним, как в кабинет опять вошел Голубихин, но уже не один, а в сопровождении инспектора.

— Веду к вам товарища Королькова мириться. Я был прав, Сергей Ильич, на сто сорок процентов прав! — пропуская вперед инспектора, ликующе восклицал Голубихин. — Товарищ Корольков — свой брат, строитель, он понимает, что в нашем деле иначе нельзя: сегодня поругаемся, а завтра мириться — и на брудершафт.

Сухонький сутулый инспектор с сединой в бесцветных волосах неуверенно подошел к столу, выжидающе глядя Сергею Ильичу в глаза. Сергей Ильич встал и, пользуясь высоким ростом, протянул руку через стол.

— Прошу меня извинить за грубость,— сказал он, пожимая холодную костлявую руку инспектора. — Я виноват перед вами... Завтра же внесу штраф и...

— Какие там штрафы! — перебил Голубихин.— Мы с товарищем Корольковым штрафуем вас сегодня на ужин в «Байкале». Только такой штраф и принимается. Или вы на попятный?

— Нет, почему же. Я с удовольствием,— совсем без всякого удовольствия сказал Сергей Ильич.

— День рабочий кончился. Шабаш, Сергей Ильич. Дайте-ка я сложу ваши дела.

Приговаривая «шабаш-шабаш» и развязно подталкивая Сергея Ильича плечом, Голубихин вытеснил его из-за стола, ловкими руками собрал чертежи и спрятал их в ящик.

Инспектор украдкой потирал сдавленные пальцы и, как казалось Сергею Ильичу, блудливо улыбался.

На улицу вышли все вместе, но на первом же перекрестке Голубихин вспомнил, что ему предстоит обделать одно очень важное дельце, стал извиняться и, подмигнув Сергею Ильичу, сбежал. Сергей Ильич, шагая рядом с инспектором, смотрел сверху вниз на его желтый лоб и впалые щеки, на остренький нос, изрезанный фиолетовыми жилками, и ему становился по-настоящему противен этот чужой человек, алчущий выпить на его счет, и еще более противно свое собственное поведение. Ему страстно захотелось убежать, но вежливость и в еще большей степени глупый страх оказаться несостоятельным в глазах Голубихина и того же инспектора удерживали его. Он шел умышленно быстро назло коротконогому инспектору и раздумывал о том, что хорошо бы как следует его проучить.

В ресторане в этот час, поздний для обеда и ранний для ужина, было почти пусто. Два официанта бросились им навстречу. Сергея Ильича покоробило, что их черные бабочки порхали только вокруг него одного, а его спутник был оставлен на свое собственное попечение. Видимо, здесь еще попрежнему встречали по одежке, и, разумеется, отличный длиннополый пиджак Сергея Ильича не мог идти в сравнение с костюмчиком инспектора, сшитым равнодушным портным по моде, никогда и нигде не существовавшей. Сергей Ильич переложил карточку блюд от себя к инспектору и сухо сказал: «Прошу». Инспектор выбирал долго, и Сергей Ильич пришел в ярость, когда он наконец назвал яичницу.

— Э, бросьте! — сказал Сергей Ильич, почти вырвав карточку из рук инспектора.— Не для того мы пришли в ресторан, чтобы есть яичницу.

— Я л-люблю яйца,— сказал инспектор.

Он заикался и перед тем, как произнести фразу, напрягался так, что на виске у него вздувалась жилка.

— Вы любите яйца? Превосходно! — Сергей Ильич повернулся к черной бабочке, замершей где-то над его ухом.— Дайте нам салат с яйцом, фаршированные яйца, бифштекс по-гамбургски и водки. Будем есть яйца во всех видах, кроме яичницы.

— Сколько прикажете водочки? Граммов триста — четыреста? — проворковала черная бабочка.

— Пятьсот,— отрезал Сергей Ильич.

— Не м-много ли? — спросил инспектор.— На меня не рассчитывайте. Я пить не буду.

Сергей Ильич посмотрел на инспекторский нос и сказал из чистого человеколюбия:

— Я не знаю еще ни одного строителя, который бы не пил.

Тема для разговора была найдена. Инспектор стал возражать, завязался спор, и к тому времени, как принесли салат, Сергей Ильич признал себя побежденным. Инспектор говорил истины не менее избитые, чем ложь Сергея Ильича, поэтому долго спорить было невозможно.

— Итак,— сказал Сергей Иль-

ич, взявшись за графинчик,— для начала отношений!..

Вероятно, так сказал бы многоопытный Голубихин, обделывая такого рода дельце. Сергей Ильич никогда никаких делец не обделывал, поэтому старался представить себе, как в таких случаях поступает Голубихин, и поступать точно так же. Но инспектор накрыл свою рюмку ладонью.

— Нет, я пить не буду.

— Не будете? Но рюмку-то вы можете выпить?

— Н-нет, не могу.

— Тогда, может быть, вина?

Но инспектор не пожелал пить ни вино, ни пиво и ничего вообще, кроме боржома. У него катар желудка, и боржом ему полезен, сказал он. Сергей Ильич не знал, что ему делать. Такого рода осложнения он не предвидел и, как в таких случаях поступает Голубихин, не знал.

— А я выпью,— сказал он, ничего не придумав.

Выпив водки, Сергей Ильич стал действовать решительнее, сумел отбить у инспектора рюмку, наполнил ее и заставил его чокнуться. Но, чокнувшись, инспектор не менее решительно поставил полную рюмку обратно. Сергей Ильич понял, что пить он не будет, и, еще раз осмотрев жилки у него на носу, решил действовать напрямик.

— Извините меня, товарищ Корольков,— сказал он.— Кстати, как ваше имя-отчество?

— Мы с вами тезки: Сергей Сергеевич.

— Так вот, Сергей Сергеевич, извините меня за нескромный вопрос: вы вообще не пьете или не хотите пить со мной?

Инспектор, очевидно, смутился. Он долго откашливался, прежде чем ответить.

— Нет, я иногда п-пью. Но сегодня не могу никак.

— Почему же именно сегодня вы никак не можете?

— Разрешите мне пока не отвечать.

— Пожалуйста, это ваше право! Но как я узнаю, когда кончится ваше «пока», и смогу повторить свой вопрос?

Инспектор впервые улыбнулся, обнаружив ровные белые зубы.

— А вы, Сергей Ильич, не повторяйте. Я сам скажу.

— Хорошо,— согласился Сергей Ильич и, потеряв всякое желание не только пить, но даже есть поданный ему прекрасный бифштекс, стал обдумывать, как выйти из того глупого положения, в какое он попал.

И почему ему не пришло на ум взять с собой пройдоху Голубихина? Вероятно, все было бы иначе. А впрочем... Сергей Ильич посмотрел, как методично жует инспектор, и твердо решил перемолчать этого на редкость неразговорчивого человека. Долго после этого он ел и мучился молчанием, но не сдавался.

— Вы, Сергей Ильич, давно окончили институт? — наконец проговорил инспектор.

— Да, уже шесть лет. А вы?

— Н-нет, я не инженер. Я каменщик.

— Как же вы стали инспектором?

— Практикой дошел. Сначала был общественным инспектором, потом курсы кончил и перешел в обком союза.

— Да, инспектировать стройку куда приятнее, чем класть кирпич,— зло сказал Сергей Ильич.

— Вы так думаете?

— Конечно. Очевидно, и вы так думаете, иначе вы клали бы кирпич, а не...— Сергей Ильич чуть было не сказал «штрафовали главных инженеров».

— Я люблю свою работу,— сказал инспектор,— но работа эта тяжелая, очень неспокойная. Когда случается несчастье на производстве, я всегда думаю, что мог бы предупредить, если бы работал получше. А это очень мучительно сознавать...

Сергею Ильичу стало совестно. Каким, в сущности, хамом он оказывается перед этим неприятным с виду, но, очевидно, очень добросовестным и хорошим человеком! Появилось желание сказать ему что-либо приятное, но Сергей Ильич не нашел подходящих слов и поманил официанта.

— Сколько с меня? — спросил он, когда черная бабочка подлетела к столу.

— Вы нас раздельно посчитайте,— сказал инспектор, доставая из кармана бумажник.— Все пополам, кроме водки. Я пил боржом.

— Нет уж, разрешите мне! — возразил Сергей Ильич.— Я вас зазвал, я и платить буду.

— Н-нет,— сказал инспектор. За с-себя я заплачу сам.— И положил деньги на стол.

Не только Сергей Ильич, но и официант не принял этого заявления всерьез и не взял денег инспектора.

— П-послушай, п-приятель, я т-тебе, к-кажется, п-по-русски говорю,— покраснев пятнами и сильно заикаясь, сказал инспектор.— Получай с меня, а то я д-директора в-вызову!

— Мне как угодно,— сказал официант, снисходительно улыбаясь.— Вы меж собой делитесь, мне с кого ни получать. Заказ от них был дан.

— Он совершенно прав,— сказал Сергей Ильич.— Я вас пригласил и заставил есть бифштексы вместо яичницы, поэтому я должен и платить.

— Сергей Ильич, вы могли заставить меня есть бифштекс вместо яичницы,— сказал инспектор,— но заставить м-меня не платить вы... вы не можете. Извольте п-получить!

Сергей Ильич после долгих препирательств все-таки вынужден был взять деньги.

Когда они вышли из ресторана, инспектор остановился и снизу вверх посмотрел на смущенного Сергея Ильича.

— Вам направо? Пойдемте я вас провожу.

— Нет, Сергей Сергеевич, разрешите мне проводить вас,— возразил Сергей Ильич.

— Пожалуйста, буду рад.

Они перешли улицу и вышли на бульвар, где под густой листвой благоухающих лип было уже совсем темно. Сергей Ильич неожиданно почувствовал себя так, будто только что сбросил с плеч очень тяжелый груз. Ему стало и легко и весело.

— Я должен извиниться перед вами, Сергей Сергеевич,— сказал он, и в темноте ему показалось, что инспектор беззвучно смеется.

Но он ошибся.

— В чем извинить-то? — недружелюбно спросил Корольков. — Вы бы лучше п-перед Леонтьевым извинились.

— Каким Леонтьевым?

— Э, да вы не помните и фамилию рабочего, который из-за вас лег в больницу! Леонтьев, вербованный. Ему ногу отдавило двухколесной тачкой восемнадцатого прошлого месяца.

— Ах, да!..

— Вот вам и «ах, да»! Девятнадцатого я вам п-предписание написал уложить обратный котельный ход. Вы т-только резолюцией отделались. Акт о несчастном случае до сих пор не подписан. Я вам говорил уже, что у в-вас шестьдесят восемь человек новых рабочих не п-прошли минимум по технике безопасности. Во втором кварта-але уже два несчастных случая, с-спасибо, легких. Поэтому я и оштраф-фовал вас. А в-вы вместо того, чтобы признать свои ошибки и исправить их, решили инспектора водкой напоить. Н-ну, думаю, ладно. Может быть, в ресторане удастся пронять его, хотя мне никак не с руки за ваши биф-фштексы деньги платить, когда семья дома к обеду ждет.

Ему, очевидно, трудно было произнести такую длинную речь. Сергей Ильич, совершенно подавленный его словами, слышал, как тяжело он дышит.

— У меня после контузии дефект речи,— продолжал инспектор.— А вы человек очень горячий и обидчивый. Мне трудно было объясняться с вами в вашем кабинете.

— Обещаю вам, Сергей Сергеевич, выправить положение с техникой безопасности,— сказал Сергей Ильич.— Даю вам слово!

Инспектор остановился у выхода к трамвайной остановке и протянул руку.

— До свидания. Я приду в следующую пятницу проверить, как вы выполняете обещание.— Сергей Ильич горячо пожал протянутую руку.— А в-водку я пью иногда. Жена другой раз балует, знаете ли,— сказал инспектор, усмехнувшись.— Но вот служебные дела к водке никогда не подмешиваю. Нет... И никому не советую! Извините, что я вам это говорю, но я постарше вас.

Инспектор попрощался с Сергеем Ильичом, постоял на остановке, потом пересек улицу и вошел в магазин. Когда он вышел из магазина, что-то тяжелое лежало у него в кармане и на ходу булькало.

Как поэт Ли Бо убежал из школы

Дин ЛИ

Поэт Ли Бо, по имени Тай-бо, был родом из провинции Сычуань. Ли Бо считается одним из талантливейших поэтов Танской династии (618—906 годы нашей эры).

Народная легенда рассказывает о том, что когда Ли Бо был ребенком, он ходил в школу, находящуюся в небольшой деревушке на горе Сянаршань у Мэйчжоу. Мальчик не отличался прилежностью, и успехи его в учебе оставляли желать много лучшего. Он очень страдал от этого и однажды тайком убежал из школы к подножию горы на восточной стороне.

«Не буду учиться,— думал он,— весь день буду только играть и гулять! Разве плохо?»

Так, раздумывая, он спускался с горы и незаметно подошел к подножию. Впереди путь его пересекал прозрачный извилистый поток. Чистая, словно слеза, вода, журча и переливаясь, неустанно неслась вперед.

Следуя вдоль потока, Ли Бо прошел немного вперед и вдруг увидел старую женщину, которая, опустившись возле большого камня на краю потока, усердно точила о камень железный шкворень. Сильно удивившись, мальчик Ли Бо замедлил шаги и долго не отрывал глаз от старой женщины: осыпанные инеем волосы как-то не вязались с тем упорством и страстью, с которыми она точила железный шкворень о камень. Шкворень был уже наполовину сточен.

— Зачем она его точит? — пробормотал мальчик.

Осторожно он обошел женщину, нагнулся и вежливо спросил:

— Можно ли узнать, зачем вы так усердно трудитесь над этой железной палкой?

— Хочу сделать иглу.— Женщина с доброй улыбкой взглянула на будущего великого поэта и вновь занялась своей работой.

Около камня образовалась уже целая лужа молочно-белой от тертого камня воды.

— Иглу?!— удивился еще более Ли Бо.— Разве можно ее когда-нибудь выточить?

— Можно! — снова улыбнулась старая женщина и уверенно докончила: — Терпение и труд все перетрут.

— И вы сможете выточить ее сегодня? — удивленно спросил Ли Бо, широко открыв глаза.

— Сегодня не выточу — буду точить завтра, не выточу завтра — буду точить на другой день, но когда-нибудь добьюсь своего. Была бы решимость, а дел, которых нельзя совершить, не существует.

И здесь у Ли Бо возникла мысль о том, что и он сможет учиться только при наличии твердой решимости преодолеть все трудности. Без решимости не одолеть никакой учебы! И он почувствовал стыд за то, что, испугавшись трудностей, покинул школу.

— Вы правильно ответили мне! — сказал он старой женщине.— Благодарю вас! Только не знаю вашего почтенного имени.

— Моя фамилия—У,—ответила та.— Живу я вон у той рощи!

И она показала головой на тростниковую хижину, стоящую в тени персиковых деревьев на той стороне потока, и вновь, опустив голову, принялась за работу. Визг железа, обтачиваемого на камне, сливался с тихим журчанием прозрачных струй.

А мальчик Ли Бо, получив достойный урок, решил приложить все силы, чтобы учиться как можно лучше. С тех пор он начал проявлять в учебе большие успехи. Впоследствии он стал знаменитым поэтом, которого до сих пор чтит вся страна.

До наших дней сохранилось место на горе Сянаршань, в провинции Сычуань, где учился великий поэт Ли Бо. У подошвы горы течет поток, который теперь носит название «Мочжэнци» — «Поток, где точилась игла». А на берегу его лежит седой, обомшелый камень. Этот камень назван камнем женщины У — место, где когда-то будущий великий поэт встретил мудрую старую женщину, вытачивавшую иглу.

Перевел с китайского
Л. ЛАНСКОЙ.

Великий шахматист

В Москве открывается международный шахматный турнир памяти великого русского шахматиста Александра Александровича Алехина.

Трудно в короткой статье рассказать о значении А. Алехина в развитии шахматного искусства. О непревзойденных успехах первого русского чемпиона мира писали, пишут и долго еще будут писать книги.

Как ходит шахматный конь, семилетнему Александру показала его мать. Уже в юные годы А. Алехин проявил исключительные способности; знатоки обратили внимание на блеск, смелость и богатую фантазию в игре «московского льва», как прозвали Алехина его друзья.

А. Алехин всей душой любил шахматы, он чувствовал, что создан для них. Его страсть к шахматам не знала границ. Он мечтал сразиться и победить тогдашнего чемпиона мира Х. Капабланку. А. Алехин не верил легендам, что Х. Капабланка — непобедимая «шахматная машина», «автомат», как называли блестящего кубинца. А. Алехина раздражало именно то обстоятельство, что шахматным миром владеет «автомат». А. Алехин всегда был против шаблона, против чистой техники. Он был мыслителем, искателем новых идей, художником. В состязаниях он прежде всего искал красоту шахматных идей, а затем уже очки.

На пути к завоеванию первенства мира А. Алехин допустил роковую ошибку — покинул свою родину; ошибку, в которой он затем раскаивался всю жизнь.

Долго Алехин совершенствовался, изучал стиль игры своего будущего противника — Х. Капабланки, прежде чем отправиться в далекий путь — в Южную Америку. Шахматный мир не забудет грандиозную битву в Буэнос-Айресе. Гроссмейстер Р. Рети был одним из немногих, кто перед матчем писал: «Блестящему творчеству А. Алехина принадлежит будущее».

В этом историческом матче русский гений победил хваленую технику знаменитого заокеанского чемпиона.

Радость этой великолепной спортивной и творческой победы дала А. Алехину новый прилив сил, вселила еще большую уверенность, бодрость и вместе с тем повысила чувство ответственности.

Не в духе А. Алехина было отдыхать на лаврах. Он спешил с одного турнира на другой. Мало было стран, в которых не побывал новый чемпион мира. А. Алехин принадлежал шахматному миру. Шахматный мир любил, ценил и уважал А. Алехина. Ему аплодировали не только за победы, но и за способ, каким он добивался их.

Когда выступал А. Алехин, то вопрос состоял только в том, кто будет вторым. Он опережал своих противников на 2, на 3 и даже на 5,5 очка! (Блед 1931 г.). У Алехина не было равных конкурентов. Гроссмейстеры всего мира уважали А. Алехина, а иногда и просто боялись силы его таланта. Некоторые были так «загипнотизированы» ореолом его экстракласса, что играли с ним, «как дети».

А. Алехина смело можно назвать величайшим шахматистом всех времен. В дебюте он разработал множество оригинальных идей. В миттельшпиле показал богатейшую фантазию. Фейерверком блестящих жертв, несокрушимыми атаками Алехин побеждал сильнейших, «непобедимых». Хорошо разыгрывал А. Алехин и эндшпиль, показав высокую технику и мастерство. Однако случалось проигрывать и А. Алехину: он все же порой слишком форсировал выигрыш и рисковал. Иногда А. Алехин не соблюдал спортивный режим, легкомысленно относился к своему здоровью.

А. Алехина не устраивали только спортивные итоги. Редко заканчивался турнир, чтобы «русский гений шахмат» не завоевал приза за красоту партии!

По образованию чемпион мира был юристом, но практически — шахматным профессионалом. А. Алехин превосходно говорил и писал по-французски, немецки, английски, испански. Когда у него спрашивали, на каком языке думает он, рассчитывая свои блестящие комбинации, А. Алехин, улыбаясь, говорил: «Если я, играя в шахматы, иногда и думаю, то только по-русски».

Неоднократно мне доводилось беседовать с А. Алехиным на темы, связанные с его возвращением в Москву. Как когда-то мечтал Александр Александрович о матче на первенство мира, так позднее, став чемпионом, он мечтал о Москве, о своей родине. Душой А. Алехин всегда оставался русским и горько переживал, что двери в Россию он сам, по своей вине, надолго закрыл для себя. Тоска его была тем сильнее, что он знал об огромном размахе хозяйственного строительства, о росте советской культуры. Признавая свою ошибку, А. Алехин отправил в Москву к празднику Великого Октября поздравительную телеграмму. Вернуться на родину, к сожалению, А. Алехину не удалось: война нарушила его планы.

Незадолго до своей смерти А. Алехин готовился к встрече в матче на звание чемпиона мира с советским чемпионом М. Ботвинником, а в поисках заработка снова давал сеансы одновременной игры. Однажды вечером он заказал ужин в гостинице «Палас» в Естироле (близ Лисабона) и просил не будить его до утра. Утром горничная нашла А. Алехина мертвым. Он сидел за столом в пальто; на столе были расставлены шахматы....

Создания шахматного гения А. Алехина всегда будут восхищать всех любителей, всех знатоков шахматного искусства.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер.

Изделия уральских художников камня

Глобус мира.

Широко известны художественные изделия уральских мастеров камня. Многие работы из самоцветов вошли в сокровищницу русского народного искусства.

На свердловском заводе «Русские самоцветы» молодые мастера художественной обработки камня создали новые произведения.

Одно из них — уникальный ларец. Эта работа посвящена дружбе народов СССР и Индии. Ларец сделан из множества отдельных кусочков пестроцветной яшмы и других самоцветов. Искусно использованы изумительные по своей красоте природные узоры уральских камней. На накладной крышке — карты СССР и Индии и знамена этих дружественных стран. Над барельефным изображением стиснутых в крепком пожатии рук надпись из позолоченных серебряных букв: «Русские, индийцы — братья». Ларец сделан В. Зайковым, Ю. Абакуловым и М. Лузиным.

Интересен глобус, выточенный из множества цветных камней по рисунку художника Е. Васильева. Моря и океаны сделаны из лазурита различных оттенков. Для силуэтов каждой страны подобраны разноцветные яшмы. Над глобусом выточенная из кварцита фигура белого голубя; на подставке из зеленой яшмы золотом сверкают слова на четырех языках — русском, китайском, английском и французском: «Мир! Дружба!». Глобус мира — работа Ф. Солобоева и В. Конева.

А. ГРИГОРЬЕВ

Свердловск.

На вкладках этого номера восемь страниц репродукций картин французских художников.

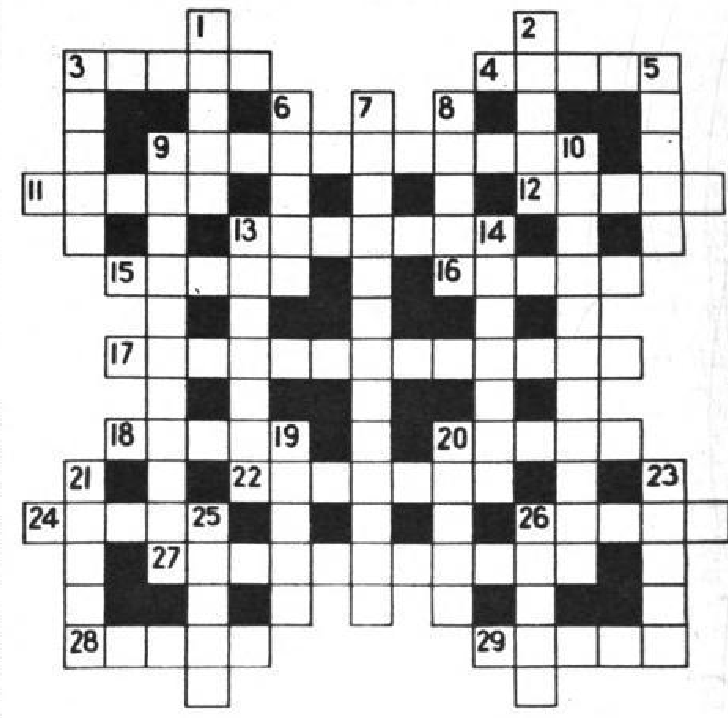
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Начало в шахматной партии. 4. Автор первого советского балета. 9. Способ изображения пространства на плоскости. 11. Наплечный знак. 12. Приток Сыр-Дарьи. 13. Любитель одного из видов искусства. 15. Часть плуга. 16. Мера веса. 17. Совокупность методов проверки материалов и изделий на отсутствие в них изъянов. 18. Областной центр УССР. 20. Советский писатель. 22. Цветок. 24. Рыба из семейства тресковых. 26. Административно-территориальная единица. 27. Один из способов прививки деревьев. 28. Воинское подразделение. 29. Газ.

По вертикали:

1. Единица измерения светового потока. 2. Фрукт. 3. Опера А. Рубинштейна. 5. Французский мыслитель, просветитель XVIII века. 6. Удача. 7. Район нахождения полезных ископаемых. 8. Обратное движение ствола артиллерийского орудия после выстрела. 9. День недели. 10. Переложение музыкального произведения. 13. Русская сказка. 14. Железнодорожный узел на Украине. 19. Обломок горной породы. 20. Жестяной сосуд. 21. Народный артист СССР. 23. Река в Европе. 25. Повесть А. И. Куприна. 26. Музыкальное произведение.

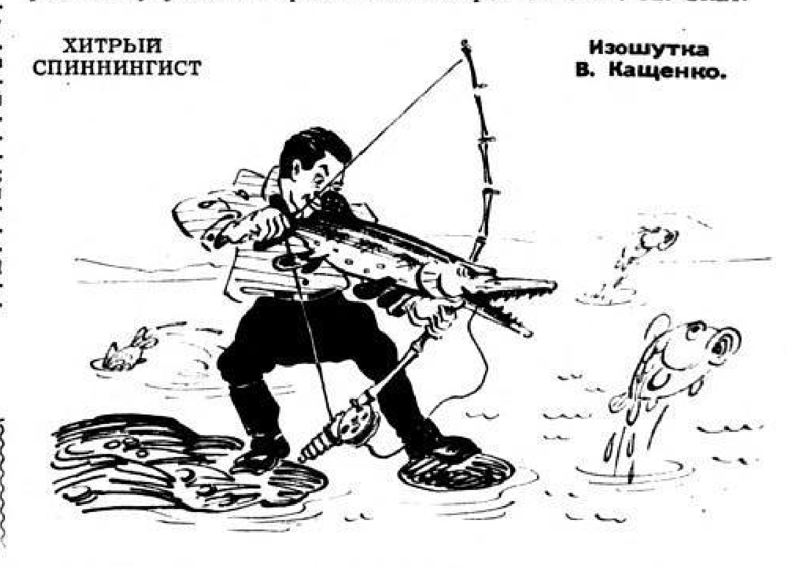
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали:

5. Фенология. 8. Гондола. 9. Графика. 12. «Декамерон». 15. Нордкин. 16. Рашпиль. 17. Гаусс. 19. Суэц. 20. Чаны. 21. Леонкавалло. 22. Тяга. 24. Кюри. 25. Якорь. 26. Победит. 28. Вискоза. 29. Крапивник. 30. Вильнюс. 32. Словаки. 33. Индикатор.

По вертикали:

1. Феномен. 2. Чона. 3. Гонг. 4. Пифагор. 6. Колодец. 7. Скрипач. 10. Амбулатория. 11. Модулятор. 12. Диалектик. 13. Напильник. 14. Планеризм. 17. Генуя. 18. Сталь. 23. Алеврит. 24. Кукушка. 27. Тренинг. 29. Вилорог. 31. Слип. 32. Скат.

ХИТРЫЙ СПИННИНГИСТ

Изошутка В. Кащенко.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10338. Подп. к печ. 3/X 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 889. Заказ № 2629. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Любовь моя

Музыка С. ЗАСЛАВСКОГО.

Слова Андрея ДОСТАЛЯ.

Умеренно

Для повторения

Для окончания

Есть любовь на белом свете,—
Для нее цветут сады!
За нее пройдешь сквозь ветер,
Сквозь огонь и дым!
За нее ты пройдешь,
Лишь тогда любовь свою
найдешь... } 2 раза.

Я придумал песню эту
Потому, что полюбил,
Потому, что я по свету
Все один бродил.
Все один, без тебя,
Никого на свете не любя. } 2 раза.

Как я прожил жизнь такую,
Не волнуясь, не любя?
День пройдет, и я тоскую,
Если нет тебя!
Я хожу сам не свой,
Если только нет тебя со мной... } 2 раза.

Есть любовь на белом свете,—
Это ты, любовь моя.
Ты послушай на рассвете
Песню соловья.
Это я, это я
Шлю тебе ее, любовь моя!.. } 2 раза.

Цена номера 3 руб.

КУКУРУЗНЫЕ
И ПШЕНИЧНЫЕ
ХЛОПЬЯ